

Пэтси Адам-Смит

**ОХОТНИКИ
НА ЛУННЫХ ПТИЦ**

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Пэтси Адам-Смит

**ОХОТНИКИ
НА ЛУННЫХ ПТИЦ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1983

ББК26.89(81)
А28

Patsy Adam-Smith
Moonbird People
Hong Kong, 1965

Редакционная коллегия

*К. В. Малаховский (председатель), Л. Б. Алаев,
А. Б. Давидсон, Н. Б. Зубков, Г. Г. Котовский,
Р. Г. Ланда, Н. А. Симония*

Перевод *Т. И. НОСАКОВОЙ*

Ответственный редактор

И. А. ЛЕБЕДЕВ

Пэтси Адам-Смит

А 28 Охотники на лунных птиц. Пер. с англ. Т. И. Носаковой. Предисл. и примеч. Н. Н. Дроздова, И. А. Лебедева. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1983.

000 с. («Рассказы о странах Востока»).

Известная австралийская очеркистка Пэтси Адам-Смит шесть лет плавала в качестве матроса и повара вдоль берегов Тасмании на маленьком торговом суденышке и четыре года путешествовала по островам группы Фюрно в Бассовом проливе, присоединившись к научно-исследовательской экспедиции, изучавшей флору и фауну островов. Впечатления, накопленные за это время, легли в основу этой книги. Автор в живой и занимательной форме рассказывает об истории островов, природе, животном мире и быте островитян.

А 1905020000-003
013(02)-83 141-83

ББК26.89(81)

© Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1983.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В течение шести лет автор этой книги Пэтси Адам-Смит, австралийская очеркистка и путешественница, плавала вдоль берегов Тасмании на маленьком суденышке в качестве повара, матроса и радиста и четыре года путешествовала по островам группы Фюрно (их всего сорок два) — в глухом уголке, куда редко заглядывают сами австралийцы, не говоря уже о туристах. Впечатления, накопленные во время этой одиссеи, и легли в основу книги о Фюрно и населяющих острова людях.

Острова Фюрно (автор дала им поэтическое название «Острова лунных птиц»), о которых рассказывается в этой книге, можно обнаружить далеко не на каждой карте. В нашей стране они, пожалуй, известны лишь немногим специалистам-географам, морякам, орнитологам. Между тем эти небольшие клочки суши, расположенные в отделяющем Тасманию от Австралийского материка Бассовом проливе, связаны с одной из печальных страниц истории человечества — исчезновением целого народа.

К началу XIX века, когда развернулась английская колонизация Тасмании, на острове проживало несколько тысяч тасманийцев — народ, происхождение которого до сих пор остается для ученых загадкой. Тасманийцы по антропологическим признакам ближе к меланезийцам, чем к аборигенам Австралии. Среди народов земли они являлись по уровню развития культуры и социальной и экономической жизни одними из самых отсталых.

У этого народа отсутствовали какие-либо «шансы» в борьбе против «цивилизованных», вооруженных огнестрельным оружием колонизаторов. Однако тасманийцы попытались оказать им сопротивление, которое было жестоко подавлено, после чего колонизаторы приступили к безжалостному истреблению коренных жителей Тасмании. В 1830 году, во время так называемой «черной войны», цепь стрелков прочесала весь остров, убивая всех встречавшихся на пути тасманийцев. Небольшая группа захваченных живыми (около двухсот человек) была вывезена на острова Фюрно, где они все вымерли к середине 70-х годов XIX века. Последняя чистокровная тасманийка,

по имени Труганини, о судьбе которой упоминается в книге, умерла в 1876 году.

Однако до сих пор на островах Фюрно сохранилась небольшая группа людей, в жилах которых течет кровь тасманийцев. Это тасмано-европейские метисы (П. Адам-Смит именует их кейп-барренскими метисами.— по названию одного из этих островов). Они напоминают своих тасманийских прабабок и прадедов темным цветом кожи, густыми черными волосами, неевропейскими чертами лица.

В книге содержатся не только исторические сведения, но описания природы Фюрно, животного, а точнее, птичьего мира, жизни и быта теперешних ее обитателей — охотников на «лунных птиц», рыбаков, пастухов. Автор могла рассказать об этом живо и увлекательно, с чувством юмора. Немало страниц книги посвящено описанию прошлого архипелага, а также «родословных» некоторых семей нынешних островитян. Именно на этих страницах мы находим ценные крупницы сведений о тасманийцах, об этом давно исчезнувшем народе.

Как известно, острова в океане служат пристанищем для необычных, удивительных форм жизни. Здесь, на замкнутом пространстве суши, среди морского простора, идет многовековой процесс формирования эндемичных видов растений и животных, тут поселяются лишь те организмы, которые способны преодолеть обширные океанические преграды. Затем эволюция приводит к возникновению либо мелких островных форм, либо, наоборот, гигантских (черепахи, вараны), к появлению нелетающих птиц, которым нет нужды спасаться от хищников (киви, маврикийский дронг, бескрылая гагарка).

Экосистемы островов легкоранимы, они быстро разрушаются при вторжении человека, малочисленные популяции исчезают в считанные годы, особенно если люди привозят с собой на остров домашних коз, свиней, кошек или кроликов. Тогда нет спасения беззащитным обитателям островов: птицам, ящерицам, змеям, зверям.

За последние два века человек истребил на земле сотни видов животных, но особенный урон нанесен природе океанических островов. Вспомним исчезновение нелетающего голубя дронга на острове Маврикий, бескрылой гагарки, тасманийского сумчатого волка и многих других обитателей островов. Популяции многих видов буквально еле теплятся. Так, сейчас осталось менее десяти особей маврикийской пустельги; исчезла на Новой Зеландии удивительная гаттерия, сохранившаяся лишь на нескольких крохотных островках; влачат жалкое существование сейшельские гигантские черепахи на островах, опустошенных домашними козами.

Ученые и деятели охраны природы серьезно озабочены проблемой спасения животных на островах. Уже созданы заповедники на Га-

лапагосских островах, животный мир которых послужил великому Ч. Дарвину природной лабораторией для обоснования его теории эволюции. Уже охраняются гигантские вараны на острове Комодо, и Международный союз охраны природы и природных ресурсов (МСОП) принимает меры по спасению балийского тигра, маврикийской пустельги и других островных животных, находящихся под угрозой исчезновения.

Острова Бассова пролива до последнего времени не привлекали к себе внимания деятелей охраны природы. Расположенные в холодных водах, где чувствуется дыхание Антарктиды, эти острова не отличались особым своеобразием животного мира. Населявшие их птицы обитали здесь в таких несметных количествах, что долгое время никому в голову не приходило, что такие массовые поселения могут быть уничтожены. Первые поселенцы добывали птиц сотнями тысяч в год. Так, по отчетам одного из островных генерал-квартирмейстеров, только за три месяца 1790 года на одном из островов было уничтожено более 170 тысяч птиц.

«Лунные птицы», или «овечьи», или «птицы святого Петра», как называют их австралийцы,— это тонкоклювые буревестники, относящиеся к отряду трубконосых. Исконные обитатели океанических просторов проводят вдали от суши все время, кроме гнездового периода. Миллионы этих птиц рассредоточены в северной части Тихого океана, от Японии до Аляски, где они добывают свой излюбленный корм — морских рачков каланусов (крыль), а также анчоуса, сардину и других пелагических рыб. С наступлением южного лета, в конце сентября, они устремляются на юг, к местам гнездовий на островах Бассова пролива. Однако так поступают лишь птицы, достигшие возраста пяти лет, а до этого срока они остаются на весь год в просторах океана.

Прилетев с удивительной точностью на места своего рождения (при повторных возвратах — непосредственно к своей прошлогодней норе), они роют или ремонтируют гнездовые норы длиной до полутора метров, и самки откладывают по одному крупному белому яйцу. Затем они покидают острова, оставляя самцов насиживать яйца, и кормятся в море, пока их голодные супруги сидят в темных норах. Они возвращаются через полторы-две недели и сменяют самцов, отпуская их подкормиться. Так, сменяя друг друга, через семь-восемь недель буревестники высидывают яйцо, и появляется птенец, которого родители закармливают так, что он заплывает жиром и иной раз уже в месячном возрасте превосходит по весу своих родителей.

Происходит странное на первый взгляд явление: столь заботливые родители неожиданно покидают своих птенцов, оставляя их на произвол судьбы, и улетают на север, к местам зимовок. Птенцы

в норах еще остаются десять-двенадцать дней, используя запасы накопленного жира, а затем, изрядно похудев, выбираются из своих убежищ и начинают упражнять крылья. Несколько уроков — и в прыжке с берегового обрыва молодые птицы становятся на крыло и пускаются в морские скитания следом за оставившими их родителями. Так в марте (южной осенью) острова снова пустеют до следующей весны.

Ныне австралийские ученые озабочены сохранением природы островов Бассова пролива. Уже ограничен промысел «овечьих птиц», за их добычу без лицензий введены крупные штрафы. Изучается биология буревестников, ведется подсчет их поголовья, чтобы научно определить допустимые нормы промысла. Планируется организация заповедных участков и постоянной научно-исследовательской станции на островах. Теперь можно быть уверенным, что тонкоклювые буревестники не будут истреблены, не исчезнут с лица земли.

Автору книги удалось очень живо передать колорит трудной, суровой жизни островитян Бассова пролива, их постоянную борьбу за существование в этом заброшенном уголке земного шара. Это удалось автору потому, что Пэтси Адам-Смит не ограничилась короткими, поверхностными впечатлениями туриста или журналиста, а нашла в себе силы в течение нескольких лет разделять с островитянами все тяготы их походной жизни. В этом ей помог и прежний опыт нелегких экспедиций: она исколесила многие районы австралийской «глубинки» и даже опоясала в одиночку на «лендровере» весь континент. Главное, что помогло ей в трудных скитаниях, — это глубокий интерес и большая душевная привязанность к простым труженикам, понимание их тягот и забот, стремлений и надежд.

Книга П. Адам-Смит — это то, что принято называть «рассказом очевидца». Ее рассказ делает нам ближе и понятнее нелегкую жизнь жителей островов «лунных птиц». Далекый архипелаг Фюрно перестает быть для нас белым пятном.

Н. Н. Дроздов, И. А. Лебедев

ЗЕМЛЯ «ЛУННЫХ ПТИЦ»

Сквозь тьму, холод, безлюдную пустоту
Стонет весна, стонет ветер, огромное море,
Буревестник и дельфин. В моем конце —
начало.

Т. С. Элиот

Стоило мне только узнать о существовании такого места на земле, где обитают «лунные птицы», как я тотчас решила непременно там побывать. Сомнений на этот счет у меня не было. Казалось, я всегда знала, что настанет день, когда я откажусь от привычного уклада жизни, от работы в Обществе искусств, забуду о театральном репертуаре, музыке, балете, домашних хлопотах и окажусь в том мире, который даже самые сдержанные историки называют невероятным. Я буду жить среди интересных людей, узнаю историю птицы, которая, по мнению некоторых именитых ученых, обосновалась там с тех давних времен, когда, согласно легенде, Луна оторвалась от Земли.

Из тех, кто когда-либо направлялся на Фюрно, никто не считал эти острова вымыслом романтиков. Люди, от которых я узнала об их существовании, никогда в своих рассказах не упоминали ни о пальмах, ни о золотистых пляжах, ни о танцах, ни о празднествах, ни об островных красавицах. Зато они поведали о таких рискованных приключениях, которые в XX веке даже трудно себе представить. Я лелеяла надежду пережить нечто подобное.

В наше время молодым женщинам не легче, чем, впрочем, и в любую другую историческую эпоху, перешагнуть рамки устоявшейся социальной структуры, где они были вынуждены подчиняться определенным требованиям, коль скоро намерены жить в обществе, которое сами избрали, и пользоваться его благами.

В газетах под рубрикой «Из светской жизни» ежедневно помещаются заметки о молодых состоятельных женщинах, которые отправляются в заморские путешествия, а менее состоятельные — на рабочие каникулы. Рассказывается об этом в газетах вовсе не для того, чтобы лишний раз подчеркнуть независимое положение эмансипированных женщин, а для того, чтобы доказать, что путешествия стали гораздо доступнее и дешевле.

Я не строила никаких иллюзий, покидая свой дом на северном побережье Тасмании и отправляясь на Фюрно. Просто теперь перестанут писать о «серьезной и элегантной Пэт, вылетающей в Мельбурн на премьеру балета», «талантливой и обаятельной Пэт, выехавшей в Хобарт на открытие сезона в Королевском театре», «новой прическе черноволосяй Пэт», «популярной, одетой в розовое распорядительнице вечеров, организуемых Международным Красным Крестом».

Я стала членом команды торгового судна водоизмещением восемьдесят тонн и шесть лет бороздила на нем и других судах воды островов Фюрно. Мне приходилось готовить, стоять у рулевого колеса и выполнять все, что от меня требовалось, на этих далеко не комфортабельных кораблях. Еще четыре года своей жизни я посвятила островам, где мне довелось жить вместе с кейп-барренскими метисами — потомками тех тасманийских аборигенов, что были выкрадены охотниками на тюленей у ныне уже не существующих племен. Путешествовала я и с «белыми» семьями, чьи предки осели на островах еще до того, как возникли первые поселения Мельбурн и Сидней. Я работала с полевыми партиями, проводившими кольцевание *Puffinus Tenuirostris* (тонкоклювый буревестник) *, путешествовала на разных видах транспорта, будь то одномоторный самолет, повозка, полицейская моторная лодка, но чаще всего пешком.

Для того чтобы жить новой жизнью, мне приходилось отказываться от многого. Однако то, чего я лишилась и что приобрела, имело значение лишь для меня. Если бы даже с самого начала я знала, каких усилий мне это будет стоить, я не изменила бы своего решения. С того мо-

* *Puffinus Tenuirostris* — тонкоклювый буревестник. В европейских странах эту птицу называют «mutton bird» — «овечья птица». Местные жители зовут ее «лунной птицей». — *Здесь и далее примеч. ред.*

мента, как я впервые увидела торговое судно, борющееся с бурным течением Бассова пролива, его мачты и рангут, увешанный птицами, захлестываемую волнами палубу, слышала рассказы моряков о перемещающихся песчаных отмелях, которых едва удавалось избегать, о рифовых лабиринтах, о кораблекрушениях, о ныне живущих там людях и об их предках с трагической судьбой, я уже не искала повода для путешествия. С того момента, как я почувствовала запах жира, просачивающийся из щелей больших деревянных бочек, и слышала предания об островах, я поняла, что желание увидеть все своими глазами толкает меня. «Острова захватывают», — утверждают сами островитяне.

Группа Фюрно состоит из сорока двух островов, расположенных в восточной части входа в Бассов пролив — всего в трех четвертях часа полета от Мельбурна, где проживает около трех миллионов человек. Однако эти острова так же трудно досягаемы, как двести лет назад.

Двенадцать лет назад, когда я впервые летела над островами Фюрно и смотрела на них через стекло иллюминатора, то приходила в восторг от красоты возвышающихся на островах гор, покрытых вереском и окруженных со всех сторон морем бирюзового, янтарного, зеленого, кремового и белого цвета. Скованный мощным течением поток несется из Индийского океана на восток через Бассов пролив, а воды Тасманова моря и Тихого океана стремятся на запад, вот почему водное пространство вокруг Фюрно всегда беспокойно, что приводит к намыву песчаных отмелей. Поэтому цвет воды определяется глубиной и массой песка.

В нефритовых и белых водах, насколько хватает глаз, простирается и теряется вдаль, возле острова с двойной вершиной, кремового цвета коса. Если добавить немного черного и много темно-серого или синего цвета, это придаст окружающей природе величественность. В первый день нам, людям, родившимся и проведшим свое детство далеко от моря, тот факт, что вода имела черный или темно-синий цвет, ни о чём не говорил, но, когда поплаваешь в таких водах продолжительное время, знания, которыми обогатишься, помогут оценить сложность подобной ситуации. Эти воды моряки считают одними из самых опасных в мире.

В тот день, сойдя на берег, мы увидели на море огромное, неправильной формы темное пятно. Оно не было подвижным, словно облако, проплывавшее мимо. Не похоже оно было также и на скалу: вокруг не бились волны. Пока мы рассматривали пятно, границы его размылись и черная масса «зашагала» по воде, расходясь точками в разные стороны. Каждая точка оказалась птицей. Они поднимались ввысь и исчезали из виду.

Буревестники — «петрелс» — «птицы святого Петра». Это имя они получили в честь святого Петра, который, как утверждает Священное писание, тоже умел ходить по воде. Буревестников называют также «лунными птицами». Согласно легенде, после того как Луна оторвалась от Земли, оставив птиц внизу, они стали бездомными.

Чтобы увидеть этих птиц, встретиться с людьми, существование предков которых связывают с этой птицей, и написать обо всем этом документальную статью, вместе с фотокорреспондентом одного австралийского журнала меня послали в командировку. (Мне еще недоставало смелости переложить это задание на кого-то другого. К тому же мне пока нужна была «причина», чтобы поехать на острова.) Предполагалось, что мы пробудем там неделю. Фотокорреспондент пробыл на этом, как он выразился, «краю пылающей земли» всего три дня. А я, как и следовало ожидать, осталась там на несколько лет, подпав под очарование этих островов, как и некоторые другие, весьма именитые люди. Мой поступок ни на кого из близких мне людей не произвел должного впечатления, как и то, что меня очаровали эти острова.

На Фюрно ведут нелегкие пути. В наше время самолеты коммерческой авиакомпании «Ансетт-Ана» три раза в неделю совершают рейсы на острова, в Тасманию, на Австралийский материк с посадкой на Фюрно только в Уайтмарке, самом крупном городе самого большого острова архипелага — Флиндерса. Однако это не Фюрно, как и Питт-стрит не Австралия. Самолет, летающий в Уайтмарк, — единственный вид транспорта, связывающий острова с внешним миром. На островах не встретишь туристов, по-видимому, здесь нет ничего, что могло бы их привлечь. Чтобы по-настоящему увидеть Фюрно, надо им посвятить всего себя.

Глава I

ВО-ПЕРВЫХ, ДЕРЖИ СКОВОРОДКУ!

То, что на острова Фюрно будет попасть очень непросто, я поняла сразу же после того, как обратилась к капитану торгового судна с вопросом, не поможет ли он мне добраться до внешней группы этих островов.

— Это можно, — был ответ. — Мне нужен кок.

Дело в том, что на торговом судне водоизмещением восемьдесят тонн освобожденный кок не предусмотрен. Его функции, как правило, выполняет кто-нибудь, кто умеет готовить, переносить тяжести и стоять на руле. Хотя моряки сейчас все-таки добились некоторого улучшения условий, пока это не касается маленьких торговых судов.

На камбузе «Шиэруотера» была новенькая, весьма элегантная печь замедленного действия. Она занимала один метр в длину и полметра в ширину и находилась от стены на расстоянии, позволяющем поместить между нею и стеной бак для воды. Это, в свою очередь, давало возможность на камбузе размером четыре на два метра незамедлительно обратить на нее внимание, но не ощутить ее присутствие, потому что она плохо грела и чайник на ней не закипал часа два.

В связи с тем, что камбуз часто использовали как проходное помещение и двери поминутно распахивались то с одной, то с другой стороны, здесь все время был сквозняк.

— Печка никуда не годится — ободрил меня юнга Пит. — Погляди-ка. — Он сел на нее. — Видишь?

Однако капитан был просто влюблен в печку, ведь он лично купил ее для собственного судна.

— С этой штукой нужно обращаться строго по инструкции, — заявил он.

Он сурово взглянул на меня, когда я поинтересовалась, доводилось ли кому-нибудь до меня готовить на ней.

— Смотрите, сейчас я затоплю печь и испеку на ней лепешки, — сказал капитан и решительно принялся за дело.

В юности, когда он служил матросом, ему приходилось готовить на всю команду. Он немало поработал на своем веку, чтобы накопить денег и купить судно. До этого он разводил собак, жил вместе с ними в лесу и сам готовил себе еду. Главное то, что он родился и вырос на островах, где мужчины все умеют делать сами.

Капитан вытащил из-за печки инструкцию и принялся ее изучать, попеременно касаясь металлическим стержнем различных деталей печки. Когда он дошел до слов «Топить печь можно дровами или углем», то с уверенностью заявил:

— Это-то у нас есть!

Но меня не оставляло любопытство, имели ли в виду создатели печки тот сорт «дров», который был на борту «Шиэруотера», то есть ветви эвкалиптов, обломки обшивки деревянных судов, бревна — все, что выбрасывает море на острова.

— Теперь надо раздуть огонь.

Почесывая затылок, Пит наблюдал за нами.

— Даже если вам удастся разжечь ее, ничего путного из этого не выйдет, — сказал он. — Я все равно смогу сидеть на ней, за это мы и прозвали ее Старой Бездельницей.

Капитан продолжал колдовать над печкой, не обращая никакого внимания на болтовню Пита. Он объявил, что все идет своим чередом, затем посадил в печь легкие, воздушные кремовато-белые лепешки. Через три часа он вытащил их, они были такие же кремовато-белые, только уже не легкие и воздушные, а твердые по краям и вязкие внутри.

— Так уж она устроена, — пробормотал озадаченный капитан. Желания что-либо исправить у него не было.

Итак, я усвоила, что мне понадобится лишних два-три часа, чтобы что-либо приготовить на этой печке, поэтому я постаралась вычеркнуть из памяти кулинарные рецепты и стала пользоваться печкой как кладовкой.

На палубе, рядом с печкой, валялись сковородка и кастрюля, в которой сладко спал щенок. От старости дно сковородки покрылось выбоинами, поэтому она едва соприкасалась с плитой; таким образом, попытка соединить сковороду со Старой Бездельницей заранее была обречена на неудачу.

Я извлекла щенка из кастрюли. Он сел и тут же сделал лужу, но это ровно ничего не меняло, поскольку пол был грязный, кругом валялось какое-то старье.

— И это все? — возмутилась я. — Кастрюля и сковородка?

Капитан очень удивился.

— Если вы не собираетесь пользоваться печкой, то как же еще можно готовить? Только жарить и варить. (Он уже успел отнести противень в машинное отделение. Там он был нужнее: капитан собирал таким образом масло, капающее из трубки.)

Раньше я читала о спартанском образе жизни на кораблях, теперь же испытала все эти прелести на себе. Всего одна сковородка и одна кастрюля! Что делать? Придется, видно, собрать волю в кулак и доказать, что я могу приспособиться к любым условиям. Мне так хотелось побывать на островах Фюрно! И тем не менее одна сковородка и одна кастрюля!

— Ну и что! — сказала я вслух. — обойдусь и одной кастрюлей, если на то пошло. Сначала буду в ней варить, а потом жарить.

— Жаль, что не наоборот, — проговорил капитан. — Если бы вы довольствовались одной сковородкой, я мог бы использовать кастрюлю вместо черпака для шлюпки.

Я выловила щенка из кастрюли, куда он снова успел забраться, убрала сковородку и кастрюлю в печку. После этого принялась за продукты.

Они хранились в двух местах: в ящике на палубе и в угловом буфете, но и тот и другой были настолько малы, что однажды, когда Пит страстно доказывал полицейским, что мы не охотились в запрещенное время, он сказал:

— Нам скрывать нечего.

— Да уж, конечно, в ваших шкафах ничего не спрячешь, — подтвердил полицейский. Так оно и было.

Незачем было заглядывать в эти лилипутские шкафчики дважды, чтобы убедиться, что продуктов там нет.

— Это и есть все запасы продовольствия? — воскликнула я.

— Как! — отозвался капитан. — Там, оказывается, остались продукты? Значит, нам здорово повезло.

Он стоял в дверях и усмехался. Мне не хотелось объяснять ему, что я впервые в жизни оказалась на корабле и не представляла себе, что меня ожидает.

Я решила, что на завтрак, пожалуй, можно сделать омлет (яиц достаточно). Есть несколько буханок хлеба, пакет картофеля и пакет лука. А нет ли на корабле специального места для хранения продуктов? Я огляделась. Наверху, у самого потолка, размещались полки, на которых стояли банки с порошковым молоком и мясные консервы. Взобравшись на крохотный столик (я не знала что он подвешен на петлях), я вместе с эмалированными мисками, чайником и банками с консервами полетела вниз.

Пока я лежала на полу, у меня было достаточно времени, чтобы изучить палубу и представить себе, как у меня будут болеть мышцы и сколько волдырей я успею заработать, пока приведу все здесь в порядок. Я уже поняла, что помочь мне некому. Я поднялась и принялась за работу.

— Запасов еды не держим, так как на судне нет холодильника, поэтому мясо, молоко и овощи хранить нельзя. Для мужчин, которые работают, как мы, по двенадцать часов в сутки и промокают до костей, часто есть консервы не годится. Однако мы не голодаем, — заявил капитан.

Стало ясно, что, когда следующий раз мне что-то понадобится выяснить, обращаться придется к кому-нибудь другому, только не к капитану.

На борту судна находились капитан, Пит, двое парней и я. Эти молодые люди — Алек и Билли — были такими необузданными, что местные власти запретили им даже сходить на берег острова Флиндерс.

Говорили, будто ирландец Билли в лагере строителей стрелял по туалетам, которые были выстроены в ряд, и, если бы в это время там находились люди, могло бы произойти несчастье. С ним случались и всякие другие, менее забавные и, пожалуй, даже антиобщественные истории. Однако на судне он никого не беспокоил и мало интересовал, поскольку держался замкнуто. По отно-

шению ко мне он был внимателен и неизменно вежлив.

Острый на язык Алек — натура весьма любвеобильная. Это его качество вызывало удивление. Вечно оборванный, без гроша в кармане, он скорее походил на простуженную борзую, чем на дамского угодника.

— Что готовить на обед, Алек? — спросила я.

— Валлаби * (так команда называла своего капитана) что-нибудь поймает. Может, на ужин принесет рыбу, ведь у него за кормой удочка. К чаю он непременно убьет парочку кейп-барренских гусей. Будут у нас и окунь, и лосось, и всевозможная рыба, дикие утки и даже кенгуру, если вы любите суп из хвостов кенгуру. Когда начнутся перелеты «овечьих птиц», их будет сколько душе угодно. Вам они нравятся?

Я заметила, что никогда их не пробовала.

— Думаю, они придутся вам по вкусу. Кроме этого у нас будет много лангустов, иногда даже перепела и бекасы... Мы живем на корабле как короли.

Алек не шутил, он говорил правду.

Я стала вспоминать рецепт приготовления зайца, но потом решила, что сначала нужно посмотреть, какова будет добыча, а затем уж думать, как ее приготовить — в кастрюле или на сковороде. Так закончился мой первый день на корабле.

Острова Фюрно в 1773 г. открыл капитан Тобиас Фюрно. Его именем они и названы. Однако их подлинное открытие принадлежит уроженцу Глазго Гаю Гамильтону, плававшему на корабле «Сидней Коув». Это потрепанное судно, принадлежавшее Вест-Индской компании, было плохо приспособлено для морских путешествий. Его отважились снарядить и отправить в качестве первого торгового судна (до той поры суда согласно правительственному контракту использовались под перевозки каторжников и для доставки продовольствия). По мнению компании, самое необходимое для жителей нового поселения — это ром и виски. Поэтому туда и было отправлено семь тысяч галлонов.

10 ноября 1796 года, выйдя из Хугли (Индия), Гамильтон направил свой корабль к Ревущим сороковым, южнее Земли Ван Димена — так в те времена называлась Тасмания. Тогда он еще не знал, что это остров.

* Валлаби (wallabia) — из семейства кенгуровых (Mucropodidae).

В его распоряжении была морская карта, составленная А. Тасманом, с приблизительными очертаниями южного побережья Земли Ван Димена и такая же неточная карта островов Фюрно, подготовленная самим Т. Фюрно.

С первого дня путешествия Гамильтона на каждом шагу подстерегали неудачи. На корабль один за другим обрушивались штормы, судно дало течь. В Ревущих сороковых, откачивая воду, погиб от жестокого холода первый помощник капитана.

Второй помощник капитана, пытаясь во время шторма спасти мачты, поднялся на самую высокую, но сорвался за борт. Фок-мачта и марсели были разорваны ветром.

По ночам судно ложилось в дрейф. Погода стояла ужасная. Много дней не показывалось солнце, и трудно было определить местонахождение корабля. Полагаться приходилось только на собственный опыт и знания. Как только корабль обогнул Землю Ван Димена и направился на север, ураганный ветер, обрушившийся с востока, превратил восточное побережье острова, который теперь именуется Тасманией, в подветренный берег.

Судно, лишенное возможности двигаться дальше, постепенно захлебывалось и оседало. Бенгальцы больше не желали откачивать воду насосами, а она уже лилась в трюм. Людей отправили вниз вычерпывать ее. Несмотря на то что судно не было перегружено, плотнику никак не удавалось заделать пробоину в правом борту за шпангоутом. Наконец, когда скорость подъема воды в трюме достигла восьми дюймов в час, сумели спустить парус и набросить его на пробоину. Напор воды снизился до четырех дюймов в час, однако корабль был уже обречен. В непроглядной тьме судно несло через пролив Банкс к скалистому, неприветливому берегу, туда, где до сих пор никто не живет. В Вест-Индской компании не знали о существовании пролива, и люди на корабле оказались первыми, кто прошел этим путем.

Из членов команды никто не пострадал, но «Сидней Коув» медленно погружался, и необходимо было немедленно пристать к берегу. 8 февраля 1797 года, на рассвете, Г. Гамильтон направил свой корабль к песчаному берегу острова, который он назвал островом Презервейшин (Заповедный остров). Затем, когда команда благополучно достигла берега, он приказал разместить груз

на одном из близлежащих островов, которому дал название «Ром».

Однако одиссея, продолжавшаяся три месяца, на этом не закончилась. Недели через три на воду спустили лодку, и четырнадцать человек отправились в Сидней, чтобы сообщить о гибели корабля. Перебравшись через Бассов пролив во время шторма, они оказались первыми белыми людьми в будущем штате Виктория, так как их лодку выбросило на берег в районе Найнти Майл Бич.

Хью Томпсон, помощник капитана, не мог определить местонахождение лодки. Запасы продовольствия промокли и испортились. Команда попала в окружение недоброжелательно настроенных аборигенов. Уходя от преследования местных жителей, моряки покрывали в день в среднем по десять миль. В течение первого месяца они сумели преодолеть триста миль. За это время погибло девять человек. Раненный копьем Томпсон, испытывавший мучительные страдания, понял, что он и заболевший плотник не смогут идти вперед, поэтому он приказал Кларку, казначею и еще двум оставшимся в живых товарищам продолжать путь. Правда, бедняги едва держались на ногах. Заметив рыбацью лодку милях в четырнадцати к югу от залива Ботани, Томпсон и плотник, собрав последние силы, разожгли костер, чтобы как-то привлечь внимание рыбаков.

После этого ужасного путешествия в живых осталось лишь трое, которые добрались до Сиднея 16 мая 1797 года, через 78 дней после крушения.

Спустя немного времени Джордж Басс, изучая первое открытое в Австралии месторождение угля, в Иллари, обнаружил останки Хью Томпсона и плотника.

Не успела закончиться эта одиссея, как потерпел крушение еще один корабль. 11 июня 1797 года два небольших судна — «Френсис» и «Элиза» — добрались до места крушения, чтобы спасти его команду и груз. «Элиза», водоизмещением десять тонн, забрала на борт часть команды и груза, отчалила от острова Презервейшн, и больше это судно никто не видел.

Капитан Г. Гамильтон, отправившийся в Сидней на борту «Френсиса», судна водоизмещением сорок тонн, вернулся на нем на место крушения, чтобы возглавить спасательные работы. В то время капитан «Френсиса» получал в месяц четыре фунта, первый и второй помощники

ки — по два фунта пять шиллингов, а пятеро матросов — семь фунтов на всех, то есть работа всей команды обходилась компании в пятнадцать фунтов десять шиллингов в месяц.

В 1798 году на остров Презервейшн на «Френсисе» прибыл Мэтью Флиндерс, позже назначенный помощником капитана шхуны «Рилайенс». Его направили сюда «с целью проведения наблюдений для определения мест якорных стоянок и так далее».

В это же время друг Флиндерса, хирург Джордж Басс, отправился на вельботе в свое знаменитое путешествие по проливу, который позже получил название Бассова.

Басс, как и сэр Джон Франклин и Флиндерс, — уроженец Линкольншира. Гибель этих людей, чьи имена остались на карте островов Фюрно, связана с трагедиями, разочарованиями и полна таинственности. Флиндерс, по имени которого назван самый большой остров, скончался в полной нищете. Он потерял здоровье во французской тюрьме, а все его материалы, собранные за время морских путешествий, были украдены. Сэр Джон Франклин, которого помнят, потому что один из проливов, находящийся между островами Флиндерс и Кейп-Баррен, носит его имя, погиб при попытке найти проход на северо-западе. За свое открытие он поплатился жизнью.

Имя Дж. Басса, не вернувшегося из торгового рейса к берегам Южной Америки, было присвоено проливу, им открытому. 3 декабря 1797 года Басс, прихватив с собой шестерых гребцов и шестинедельный запас продуктов, отправился в путешествие на своем вельботе. Он прошел вдоль побережья до Кейп-Эверард (Пойнт-Хикс), а затем с присущей ему решительностью ринулся на юг, в сторону пролива, не подозревая о существовании прохода между Австралийским материком и Землей Ван Димена. Он сделал это с целью определить место катастрофы «Сидней Коув». Кроме того, он хотел пополнить запасы риса, что дало бы возможность плавать не шесть недель, а значительно дольше.

Всю ненастную ночь команда гребла на юг в надежде добраться до Земли Ван Димена. Басс и его спутники уже 30 дней были во власти стихии, а тут еще судно дало течь. Капитан понимал, что длительной борьбы им

не выдержать. К тому же, временами теряя из виду материк, они не могли определить азимут и уточнить свое местонахождение. На следующий день Басс развернул суденышко и направил его на север. Через сутки они снова увидели землю.

Именно это путешествие убедило Джорджа Басса в том, что, судя по течению и виду берегов, здесь находится не залив, а открытый пролив между Новым Южным Уэльсом и Землей Ван Димена.

В свою очередь, Флиндерс, находясь на островах Фюрно, также заинтересовался проливами, поэтому, когда они вновь встретились с Бассом в Сиднее и сравнили свои наблюдения, то решили проверить возникшие предположения, что Земля Ван Димена отделена от материка проливом. 7 октября 1798 года, отправившись из Порт-Джексона на корабле «Норфолк» водоизмещением около тридцати тонн, они прошли через пролив в Индийский океан, затем вдоль южного скалистого берега, который им, привыкшим к видам зеленых пастбищ Линкольншира, показался «мрачным и неприступным», обогнули Землю Ван Димена и вернулись в Сидней.

Со времен Флиндерса, впервые составившего морскую карту этого района, на ней почти ничего не добавлено. Прихватив с собой описания островов, сделанные Флиндерсом, я отправилась в свое первое путешествие через Гамильтон Роудз (названную так по имени отважного морского волка Гамильтона из Вест-Индской компании), через пролив Армстронга (доброй памяти капитана пропавшей «Элизы») на острова Презервейшн, Ром и на остров Кларка (именно Кларку суждено было донести до Сиднея, отметившего свое десятилетие, весть о гибели «Сидней Коув»).

Итак, я на борту «Шиэруотера» и направляюсь на заброшенный, необитаемый остров Пэssidж, где нам предстояло отловить 30 голов одичавшего скота.

Перед отплытием капитан Джексон крикнул рыбаку: — Эй, Джим, не желаешь ли прокатиться?

Появившись на палубе своего суденышка, Джим ответил:

— Не возражаю, Валлаби, но я и сам собираюсь отчаливать. Уже погрузил все. Жду, когда разойдется туман.

— Ну и отлично. У тебя ведь еще уйма времени. Давай к нам.

Так Джим-Ловушка С Сюрпризом оказался у нас на борту. Он был из тех «робинзонов», четверка которых обитала на острове Флиндерс, причем всех их звали Джимами. Во избежание недоразумений к имени каждого добавлялась приставка. Их звали Джим Большая Река, Джим Пять Миль, Джим-Ловушка С Сюрпризом и Джим-Сластена. Но если первые двое получили свои прозвища по названию местности, где жили, то откуда взялась кличка Сластена, не знал никто, даже ее владелец. Что касается нашего Джима, то история появления его прозвища известна всем.

Однажды он арендовал у правительства остров Тинкеттл и стал разводить там овец. Жителей на острове не было. Там стояла только хижина, в которой он ночевал в непогоду. Иногда Джим оставался в ней, чтобы поработать. В хижине он держал порядочный запас продуктов. Об этом каким-то образом стало известно, и стоило ему оставить провиант в кладовке, как рыбаки совершали набег на хижину и опустошали ее.

Ничего удивительного не было в том, что Джим сильно рассердился. Он повесил в хижине заряженное ружье таким образом, что, как только дверь открывалась, тут же раздавался выстрел. Получилась ловушка с сюрпризом, и она сработала. Первый же нарушитель был ранен в ногу, а Джима привлекли к суду по обвинению, как он объяснил, «в попытке совершить всякое такое». Однако он отделался тем, что на всю жизнь к нему приклеилось прозвище Джим-Ловушка С Сюрпризом. Он сам рассказал нам об этом. Джим — высокий, крепкий, сильный и в управлении рыболовным судном не имел здесь равных, чем очень гордился. Обычно к ночи он на лодке добирался до места скопления лангустов восточнее острова Флиндерс, а к утру успевал наловить тонкопанцирных (так называют лангустов, только что сбросивших панцири). Сезон ловли лангустов начинается сразу же после окончания нереста и после того, как лангусты сбросят панцири.

— К завтрашнему утру наловлю и загружу полтрома,— сказал Джим-Ловушка С Сюрпризом.

Однако у нашего капитана были совсем иные планы. Наутро Джим уже оказался за проливом Армстронга,

где носился на необъезженной лошади, сгоняя диких быков; и прошла целая неделя, прежде чем он снова увидел свое любимое суденышко.

— Ты бы потолковал с Пэтси, она на камбузе, — сказал капитан Джиму, когда тот пришел к нам. — Она ведь приехала на эти острова, чтобы узнать все о нас и о нашей жизни. Ей нужно знать все. Все, понимаешь? Расскажи-ка ей, как ловят лангустов.

Джима-Ловушку С Сюрпризом не пришлось просить дважды. Он рассказал, что мастерит корзины для ловли лангустов из крепких эластичных прутьев *мелалеуки*, растущей на островах, о правилах, запрещающих иметь на борту больше тридцати корзин, и о стычках между рыбаками, патрульной службой и полицией.

— Порой бывает жарковато, — добавил он.

Джим рассказал, что в одной из стычек убили молодого рыбака, и добавил, что ирландец знает об этой истории больше, чем он. Билли явно не питал к полиции теплых чувств, и в его повествовании сквозило предубеждение, но у Джима-Ловушки С Сюрпризом это не вызывало неудовольствия.

Молодой ловец лангустов, о котором шла речь, вылавливал все, что попадалось под руку. У него было туговато с деньгами, поэтому он ловил даже рыбу, идущую на нерест, и всякую мелочь. Все, что попадало в его корзины, шло на продажу. За парнем гонялась полиция.

Как-то под вечер, когда жена ждала его на берегу, появились полицейские.

— Держи язык за зубами и делай, что тебе скажут, — приказали они женщине.

Стемнело, вдали послышался звук приближающейся моторной лодки. Он все нарастал и, наконец, захлебнувшись, смолк.

Полицейские поняли, что в это время рыбак перекладывал улов в кофы — деревянные ящики (их обычно погружают в воду, и добыча таким образом сохраняется свежей до тех пор, пока ее не отправят на рынок). Рыбаки обычно подтягивают ящики на веревках и закрепляют недалеко от берега.

Однако полицейские не знали, что на сей раз рыбак закрепил кофы далеко от того места, где его поджидали, но что проку выловить кофы на следующий день, ведь он

может передать улов кому угодно и поклясться, что и в глаза его не видел. Поэтому важнее всего было поймать парня с поличным.

При лунном свете они разглядели, что он плыл вдоль берега, в противоположную от них сторону. Полицейские засуетились: им не хотелось упускать добычу. Однако действовать следовало осторожно, ведь жена рыбака стояла рядом и была настороже.

— Позови мужа! — приказали полицейские.

Она отказалась наотрез.

— Зови, или придется притащить его! — пригрозили полицейские и показали на свои ружья.

Несчастливая женщина поняла, что так они и сделают. Ей ничего другого не оставалось, как крикнуть мужу. Женщина подошла поближе к берегу и тихонько позвала.

— Громче! — требовали полицейские.

Она позвала громче. Муж услышал ее голос, на мгновение перестал грести и прислушался.

— Скажи ему, чтобы он пристал к берегу, — приказали полицейские. Женщина несколько замешкалась, а затем попросила сигарету — несчастную трясло как в лихорадке. Чиркнув спичкой, она дрожащими руками кое-как прикурила.

— Помози ему! — потребовали полицейские.

Женщина стала махать рукой, в которой была зажата горящая сигарета, прося мужа причалить. «Милый, избавься от коф, обрежь веревки, пусть ящики уплывут», — про себя молила она.

Рыбак, завидев огонек сигареты и зная, что жена не курит, понял, что она предупреждает его об опасности. Он не знал, что предпринять. Ему не хотелось терять улов, да и деньги нужны были позарез. Тогда он с силой приналег на весла и направил лодку к берегу. И тут полицейский вскинул ружье. Прогремел выстрел. Говорят, женщина бросилась к полицейскому с криком:

— Трус, ты убил человека.

Все утро прошло в интересных рассказах. Мне запомнилась история, которая произошла с рыбаком, нарушившим закон о ловле. Его поймали на месте преступления, кофы конфисковали. В Леди Баррон ящики привязали к полицейской лодке и оставили до утра. Наутро дело должно было слушаться в суде.

Ночью рыбак подплыл к полицейской лодке, обрезал канаты, которыми крепились кофы. Таким образом, никаких доказательств вины рыбака представить суду не могли.

Слушали разные истории, пили чай и ели оладьи. Потом был обед.

— Послушай-ка, Валлаби, — спросил наконец Джим-Ловушка. — Когда же ты все-таки намерен приняться за дело?

— Скоро, — ответил капитан.

— Куда направляешься?

— За Уголок.

Джим-Ловушка заподозрил неладное:

— Мне нужно вернуться засветло, чтобы выйти в море.

— Порядок, Джим.

И вот тут-то Джим-Ловушка вдруг увидел Билла Холлоуэя, которому принадлежал остров Пэссидж. Джим встал во весь свой огромный рост. Только тут до него дошло, куда направляется судно.

— Стой! — кричал Джим. Он заметался по палубе.

— Как ты мог так поступить со мной? — кинулся он к капитану.

— Что же я такого сделал? — поинтересовался капитан.

— Как что? Ты обманом увез меня на Пэссидж! — буйствовал Джим.

— Ах, ты об этом. Пустяки, бывает, — ответил Валлаби.

Теперь уже трудно было назвать Джима приятным компаньоном. Просто хуже и не придумаешь. Он был агрессивен, вспыльчив, угрюм и молчалив. Ребята заверили, что по-настоящему я узнаю Джима после того, как мы прибудем на Пэссидж. Остров был близко, но добираться туда пришлось довольно долго. Корабли редко появлялись в проливе между островами Кларка и Кейп-Баррен: там много коварных отмелей. Арендатор острова был здесь последний раз года два назад. Направив судно в указанном им направлении, мы вскоре попали в лабиринт отмелей (за это время их здесь успело намыть), налетели на мель, перескочили ее, тут же попали на следующую, и тогда капитан Джексон повернул судно: он решил пройти другим проливом. Капитан славил-

ся мастерством вождения кораблей по мелководью, за что и получил прозвище Валлаби — «прыгающий через отмели».

Сильно качало. Всем уже было не до шуток. Ребята рассказывали о крушениях, которые когда-то здесь имели место. Теперь об этих событиях напоминали лишь необычные названия, например мыс Пиано (Пианино) — на этом месте во время крушения было смыто пианино — или остров Кей (Ключ). Мы собирались пройти по проливу Армстронга.

С наступлением сумерек мы причалили к берегу. Ребята с ружьями тотчас отправились на берег и вскоре принесли дикого поросенка. Это животное появилось на острове тоже в результате какого-то крушения. Говорили, что его прародители выплыли на берег, когда в 1877 году баржа «Сити оф Фучоу» потерпела в этих водах аварию. Мы полакомились поросенком. На следующий день мы пристали к берегу Пэssidжа. Швартовались с трудом: дул сильный ветер. Животных не было видно.

Мужчины отправились на берег, чтобы согнать быков, громадных тощих животных. Все члены команды хорошо держались в седле, однако до Джима им, конечно, было далеко. Мне доставляло огромное удовольствие наблюдать, как он мастерски сгонял быков.

Быки, жившие на острове, настолько не привыкли видеть людей, что при одном приближении человека кидались на него. Так как к лошадям быки привыкли, то люди, находясь в седле, чувствовали себя до какой-то степени в безопасности.

Почти весь день ушел на то, чтобы подогнать быков к скотному двору, откуда к воде вели крутые уступы.

«Шиэроутер» подошел к острову, насколько было возможно. Бросили большие якоря. Чтобы судно не швырнуло на берег или не унесло на прибрежные рифы, его удерживали прочные канаты.

После обеда я села в лодку и отправилась на остров. Не успела я выбраться на берег, как послышался топот копыт. Пришлось поспешно спрятаться за забор. И тут верхом на чалой лошади, возвышаясь в седле словно какое-то фантастическое существо, появился Пит, а следом за ним и все стадо.

— Скачи в загон! — кричали ему ребята.

Необходимо было направить стадо в сторону загона, но Питу было не до этого. Доскакав до двора, он спрыгнул с лошади, вскочил на перила и оказался на высоте восьми футов. Часть стада по инерции проскочила в загон, но те животные, которые были в хвосте, сумели замедлить бег, и Пит словно живая, но вполне досягаемая мишень навис над ними. Животные били копытами, вскидывали головы, громко ревели, а один бык даже попытался вскарабкаться на перила, туда, где, загораживая узкий проход широко расставленными ногами, восседал Пит.

— Пит, прыгай, или они тебя... — В этот момент Алек неожиданно заметил меня за забором. — Они могут лишить тебя мужского достоинства.

Пит прекрасно оценил создавшуюся ситуацию, но никак не решался прыгнуть. Вместо этого он вскочил на перила, пробежал над всей этой свалкой к выходу из загона и спрыгнул. Теперь крепкие ворота надежно защищали его от обезумевших животных.

Но в это время Гарри, наш новичок, подъехал к воротам загона и распахнул их. Пит, оказавшись на открытом пространстве, взвыл от страха, словно загнанный зверь.

В тот вечер то и дело случалось такое, что только каким-то чудом все не кончилось несчастьем. Но подобные переделки бывали так часто, что привлекали внимание лишь тех, кто в них участвовал. В цивилизованном мире события такого рода стали бы достоянием первых страниц вечерних газет. Только в тот момент до меня дошло, насколько далек этот клочок суши от моего дома.

Один бык, оторвавшись от стада у входа в загон, повернулся и кинулся на людей. Несчастные поспешили захлопнуть ворота и оказались в ловушке — между забором и воротами. Разъяренное животное снова и снова бросалось на них, а людям некуда было даже спрятаться. Раскормленные, непригодные к работе лошади двигались недостаточно быстро. А тут еще несколько обезумевших, слепых от ярости быков вырвались из загона. Они кидались на все, что только двигалось. Огромный черный бык бросился на Алека. Все смешалось — рев животных и крики людей. Было трудно что-либо разобрать, и я уже решила, что с Алеком произошло несчастье.

Однако совершенно неожиданно он появился откуда-то сверху, перескочил через забор и вырвался из загона. Алек мгновенно подскочил к воротам, отворил их и дал возможность остальным всадникам выбраться на волю. Черный бык, который бросался на Алека, тоже выскочил из загона, прежде чем удалось закрыть ворота. Его не стали удерживать. Пусть бежит!

Быки, втиснутые в загон, буйствовали. Некоторые лезли на ограду. Все животные находились в отличном состоянии и могли быть проданы на рынке по максимальной цене. Началась погрузка. Ворота, ведущие из загона в приемник, открыли, а потом, как только в него ворвался первый бык, захлопнули, и животное оказалось зажатым с двух сторон. Сверху Джим набросил на его рога лассо, от которого тянулись два каната: один был закреплен за лебедку на корабле и протянут до берега, другой держал человек, руководивший спуском животного на воду.

Наконец, когда все было уже готово, ворота распахнулись, и разъяренное животное выскочило из западни. Поскольку за воротами начинался крутой обрыв, бык, резко оседая на задние ноги и колотя по воздуху передними, скатился вниз, напоминая корову на льду из мультипликационных фильмов. Затем в работу включились те, кто находился в этот момент на корабле: Пит управлял лебедкой, а новичок Гарри, держась за длинный канат, подтягивал быков, когда их сносило течением на рифы.

Большинство животных, попадая в подобное положение, приходили в такое изумление, что обрывали рев на полуноте и, лишь оказавшись в воде, вновь обретали голос.

Оправившись от шока, бык стал отчаянно сопротивляться. Он то исчезал с поверхности воды, то появлялся снова. Казалось, животное шагало по волнам.

— Держись, Гарри, держись! — крикнул капитан.

В тот момент, когда животное подтягивали лебедкой к борту корабля, капитан (он находился в лодке возле судна) пропускал канат под его животом. По сигналу Джексона подъемный кран поднимал быка и опускал его на палубу. Первое животное перенесло эту операцию спокойно. Опясаный поперек туловища широким канатом, бык проплыл над молом, его карие глаза недоуменно взирали на палубу, он явно не понимал, почему так

нелепо болтаются в воздухе его ноги и смешно перетянут живот.

Однако не все быки переносили эту операцию так мирно. Некоторые пытались вырваться, брыкались, ревели. Были и такие, которые пытались «шагать» по воздуху. Они методично переставляли ноги в поисках опоры, словно шли по невидимой лестнице. А один бык все-таки сорвался. Бык уже навис высоко над палубой, и его готовились опускать, но он как-то потянулся вперед, и, извиваясь, неожиданно соскользнул со строп и тяжело рухнул на палубу. В первый момент показалось, что удар не был сильным, но позже животное пришлось прикончить.

Погрузка затянулась дотемна. На берегу животных с гиканьем гнали к загону. Подгоняемые хлыстами, они стремглав проносились вдоль ограды. Когда животное скатывалось в воду, Гарри помогал ему держаться на поверхности. К вечеру руки у него просто отваливались от усталости.

Несмотря на то что капитан Джексон работал в прорезиненном костюме и высоких сапогах, он до нитки промок, успев дважды побывать в воде. Капитан объявил себя «лучшим ныряльщиком после быков». Алек клятвенно уверял, что один раз приказал поднять лебедку и лишь потом увидел, что тянут Валлаби, а не быка.

Мне все-таки довелось покататься на одной гигантской лошади загонщиков до того, как я вернулась на судно. Для того чтобы взобраться на нее, мне пришлось сначала влезть на перила. Ребята подумали, что мой странный способ садиться на лошадь вызван ее большим ростом. Я решила ничего не объяснять им, ведь не могла же я рассказать, что по-другому взбираться на коня не умею. В детстве мы обычно прыгали на спину лошади с какого-нибудь забора. То, что я выбрала неоседланную лошадь, также объяснялось опытом, приобретенным в детстве.

— Молодчина! — с восторгом закричали мои товарищи, увидев меня верхом на лошади, на спине которой вместо седла был перекинут мешок. Признаться в том, что и седлать коней я не умею, мне также не хотелось.

Считается, будто австралийские дети в широкополых шляпах и при полной экипировке наездника только тем и занимаются, что катаются верхом на лошадях. Это яв-

но ошибочное представление. В детстве действительно мы все ездили верхом, но я не помню, чтобы у кого-нибудь из девочек или мальчиков была уздечка. Правда, у некоторых имелись седла — как правило, у тех, кто помогал сгонять стадо или принимал участие в конных соревнованиях. Прочие же ездили верхом ради удовольствия или таким образом добирались до школы. При этом девочки катались верхом в обычных платьях, накинув на спину лошади мешок из-под овса.

Настал и мой черед доказать, что я тоже на что-то способна. Как только я пришла на корабль, вся команда моментально заметила, что на море я новичок, поэтому я все время чувствовала себя неуклюжей. Теперь мне предстояло наглядно продемонстрировать свое умение, которое мои спутники могли оценить по достоинству.

Я взгромоздилась на лошадь, вывела это чудовище из загона и не успела пришпорить, как она, не дожидаясь моих указаний, неожиданно понесла. Лошадь почуяла простор и рвалась в родные места. Мне ничего не оставалось, как только смириться. Наконец лошадь, отбежав довольно далеко, оказалась на своем поле. Она остановилась. Я спрыгнула на землю, сняла уздечку и отправилась назад пешком.

На следующий день мы попали в сильный шторм, и нас основательно помотало. К вечеру пришлось забить еще одного быка. Он, как и несколько других животных (их подняли на борт последними), не был привязан и находился в специальном загоне на палубе. Бык вдруг стал кидаться на своих, пытался выскочить из загона, а в конце концов поскользнулся и шлепнулся на мокрую палубу. Два члена команды были загнаны рассвирепевшим быком на полубак. И они никак не могли оттуда выбраться.

Рулевой достал из рубки топор, а я поскорее убежала на камбуз и закрыла за собой двери. Через некоторое время раздался глухой удар, слабый крик, затем стон, а вслед за этим — всплеск. Это ребята выбросили тушу быка за борт.

— Все-таки бык получил по заслугам, — услышала я голос кого-то из членов нашей команды.

На следующий день мне предстояло угощать обедом женщину — члена Австралийской женской организации. Эти женщины славятся своим кулинарным искусством.

Валлаби бросил якорь (как видите, я довольно быстро усвоила морской жаргон) в заливе у северо-западной оконечности острова Кларка. Семейство Купер, постоянно проживающее на острове Флиндерс, имело на остров Кларка лицензию. В данный момент они проверяли свое стадо. Поскольку к вечеру к ним на каникулы должны были приехать из школы-интерната дети, то капитан Джексон подумал, что, видимо, ребята захотят воспользоваться возможностью вернуться на Флиндерс.

— Отправляйтесь на берег и передайте, что мы можем их подбросить, — сказал капитан Питу, словно речь шла о том, чтобы подвезти своих соседей за город.

Спустили лодку, и Пит принялся заводить мотор. Через некоторое время он крикнул:

— Эй, Пэт, у тебя есть носовой платок?

Правда, я не замечала, чтобы Пит раньше пользовался платком. Передавая ему белый, с вышивкой платок, я спросила:

— Ты что, простудился?

В ответ Пит громко рассмеялся. В руках он держал какую-то деталь, которую стал тщательно вытирать моим платком.

— Что это такое? — поинтересовалась я.

— Магнето, — кратко пояснил Пит.

Впоследствии мне пришлось пожертвовать на алтарь этого магнето не один платок. Дело в том, что мотор для лодки, как правило, валялся на палубе и со временем покрывался солью, а магнето подмокало и не работало. Однако в тот день моим платком было не обойтись. Пит притащил мотор на камбуз и положил на печку.

— Когда-то и у меня был платок, — мечтательно проговорил Пит в ожидании, пока магнето подсохнет.

Я скоро смогу сказать то же самое, так как, видимо, и мои носовые платки все уйдут на протирку магнето.

Если за эталон хорошего вкуса принять простоту, то гости сегодня будут иметь возможность оценить мои способности.

Последние дни у капитана и у команды не было времени заняться рыбалкой, поэтому пришлось довольствоваться запасами и на обед приготовить что-нибудь несложное, например картофельный пирог. В ход пошли три банки говядины, три банки бараньей тушенки, три банки

почек, четыре большие луковицы. Все это я смешала и выложила на противень, который кто-то из матросов принес мне. Противень был не новый, а так как на острове комиссионного магазина не оказалось, то, припомнив поговорку «Дареному коню в зубы не смотрят», я не стала выяснять его происхождение. Я приправила мясо травами, полила томатным соусом, добавила пряностей, затем размяла отварной картофель и выложила его на сковороду, чтобы он подрумянился. Когда пюре покрылось золотистой корочкой, я положила его на мясо, смазала сливочным маслом, посыпала тертым сыром и поставила в печь, чтобы пирог был теплым. И с виду и на вкус он получился отменным. Я выскребла до блеска камбуз, накормила щенка, уложила его на корме в коробку и на случай, если даме захочется отдохнуть, прибрала койку. Койка была подвешена так высоко и настолько провисла, что заглянуть в нее можно было лишь встав на цыпочки.

Мне так хотелось побыть в обществе женщины и угодить госте. Мои усилия не пропали даром: трудно представить себе более приятную собеседницу, чем миссис Джефф Купер. К сожалению, она разделяла нашу несколько необычную компанию очень недолго.

Вместе с командой я отправилась за гостьей на берег. Привязав лодку к скале, мы взобрались на утес. Неподалеку стоял дом миссис Купер, мы постучались в дверь. В это время она замешивала хлеб и на наш стук ответила не сразу. Мы постучали еще раз, и я крикнула:

— Эй, есть кто-нибудь дома?

Не прошло и двадцати минут после того, как мы вошли в дом, а хозяйка уже успела приготовить нам чай, упаковать чемодан, дать указания домашним, что делать с тестом, когда оно подойдет, выбросить из банок остатки продуктов (они могли испортиться за время ее отсутствия), нарвать цветов, снять с веревки белье, аккуратно сложить его и занять свое место в лодке.

Я прекрасно понимала, что, несмотря на доброту, миссис Купер, сама прекрасная хозяйка, непременно с пристрастием осмотрит кухню, в которой хозяйничает другая женщина. Поэтому я с особым удовлетворением подумала, что кухня у меня в порядке, да и вкусный обед готов.

Мы отправились на корабль. С моря дул сильный ветер, наш якорь непрерывно дергался, и мы обрадовались, что наконец выбрались в открытое море. Миссис Купер стояла на палубе рядом с капитаном, когда мы выходили из залива. Я накрыла стол, вскипятила большой чайник и послала Пита пригласить всех на обед. Я вынула из печи аппетитный пирог и, чтобы он не остыл, поставила его на краешек плиты.

Как раз в тот момент наш корабль выходил из залива. Остров больше не закрывал наше судно от ветра, который с невероятной силой на нас обрушился. Большая волна подняла «Шиэруотер», качнула в сторону и бросила в яму. Я схватилась за стенку, чтобы удержаться, но меня перевернуло, и в это мгновение я увидела, как пирог оторвался от печи. Он взлетел в воздух, шлепнулся на пол, покрыл брызгами стол, пол, стены и меня и вылетел на палубу.

Все торжественно сели за стол, ничего не заметив. Вместе с ними пришла и миссис Купер. Мне показалось, что она сразу же все поняла.

Единственным существом, которое тут же оценило обстановку, был щенок. Он выбрался из коробки и принялся слизывать остатки пирога с моих ног, а я стояла, стораая от стыда. Пожалуй, на этот раз щенку досталось слишком много, и это его погубило. Он наелся до отвала и выкатился на палубу. Обычно, когда двери палубы были закрыты, он пробирался на корму по узкому фальшборту. Видимо, и на этот раз он попытался проделать то же самое, но его подвел перегруженный желудок: щенок полетел за борт, и мы больше его не видели.

Пока нас носило между островами, миссис Купер показывала нам места, где селились морские разбойники еще до того, как появились Мельбурн и Хобарт. Через несколько лет мне снова довелось побывать в этих местах. Однако я уже не испытывала такого волнения, как тогда, когда впервые плыла здесь на маленьком суденышке, таком же маленьком, как те, на которых искатели приключений совершали путешествия по неизведанным и тающим опасности морям, минуя эти заброшенные и одинокие острова. Какими они были полтора века назад, такими остались и до наших времен.

Следом за «Сидней Коув» на острова ринулись отчаянные сорвиголовы в надежде добыть богатства, остав-

шиеся после крушений, и привлеченные сообщениями, которые сделал в Сиднее Флиндерс.

Возвращаясь на Австралийский материк, Басс встретил семерых мужчин, пытавшихся добраться до островов Фюрно. Прибыв в Сидней, в разговоре с губернатором Хантером Басс упомянул о том, что, проплывая мимо одного из островов, он заметил дымок. Первой его мыслью было, что костер зажгли аборигены, но, когда ему удалось подгрести поближе к скалистому берегу, Басс разглядел семерых белых людей, одетых в лохмотья. Вот их история.

Они были из той группы каторжников, которая в октябре 1797 года захватила корабль на реке Хоксбери, взяла с собой провиант и исчезла из Порт-Джексона. Привлекли ли их запасы рома или поманила надежда, что корабль доставит их в безопасную гавань, неизвестно, однако они направились на юг, вместо того чтобы плыть на север, где в то время находили пристанище те, кому удалось бежать.

До места, где потерпел крушение «Сидней Коув», им добраться не удалось. Семеро из их группы обманули и бросили остальных на далеком необитаемом острове Гленни и уплыли, оставив собратьев на верную голодную смерть. С тех пор ни эту семерку, ни их корабль никто не видел, а 3 января 1798 года Басс случайно встретил тех, кого бросили на острове. И тут перед ним встала проблема. Его двадцативосьмифутовое судно не могло принять на борт ни одного лишнего человека, не подвергая опасности остальных. Кроме того, запасов продовольствия едва хватало на обратный путь.

Басс планировал продолжить плавание дальше на запад, поэтому он поделился с каторжниками едой и пообещал вернуться. Так он и сделал после того, как открыл Вестернпорт. Будь у него достаточно запасов продовольствия, он поплыл бы дальше и еще тогда открыл бы пролив.

Басс вернулся на остров Гленни, забрал пятерых каторжников и доставил их на материк. Теперь у этих людей появилась возможность пробраться на север сушей, как это сделали члены экипажа «Сидней Коув». Басс оставил им мушкет, патроны, компас, крючки и лески, снабдил одеждой и провиантом. Еще двоих (они были совсем плохи) он решил везти в Сидней. Расста-

ванье было трогательным, все плакали. Наконец перегруженный корабль отплыл. Через три дня Басс причалил к берегу и еще раз встретился с этой пятеркой. Он был последним, кто их видел.

Место крушения «Сидней Коув» стало Меккой для беглых каторжников, списанных с кораблей моряков и для всех тех, у кого были какие-то свои причины покинуть общество. Здесь встречались и охотники на тюленей. Когда Мэтью Флиндерс представил отчет, в котором говорилось о том, что в проливе громадное количество тюленей и морских львов, то туда тотчас ринулись вельботы, чтобы «собирать урожай». Они оседали на берегу Кент-Бея, на острове Кейп-Баррен, напротив острова Кларка, где жила миссис Купер. Бывали в этих местах и Амасо Делано, предок Франклина Д. Рузвельта, и Эбор Банкер, шкипер-янки из Нантакета; когда мы плавали в этих водах, я все время вспоминала Чарлза Бишоп-па и его бриг «Наутилус».

Бишоп — один из самых отважных торговых моряков конца XVIII века. Он бросил службу в Королевском флоте и пустился в плавание по семи морям на маленьком, не приспособленном к морским путешествиям суденышке, таком, как шестидесятитонный бриг «Шиэруотер». Бишоп мечтал о меновой торговле с индейцами Северо-Западной Америки на шкуры медведей, выдр, рысей, лис и куниц, которых он предполагал продавать в России, Японии, на Макао, в Китае и на Формозе. Торговля приносила прибыли, что следует из записей в судовом журнале. Там отмечено, что стоимость мехов на судне составила более полутора тысяч фунтов стерлингов.

Бишоп попал в новое поселение Порт-Джексон по воле случая, если можно так выразиться, потому что только во время одного путешествия, отправившись из Англии, он побывал на Камчатке, Формозе, Гавайях, в Кантоне, Рио-де-Жанейро, на острове Пасхи, Фолклендских (Мальвинских) островах и в Колумбии. До этого он посетил Западную Африку, откуда вывез слоновую кость, перец, воск и черное дерево. В Колумбии, где он вел торговлю с чинуками, Бишоп посадил сад, как в то время делали купцы. Он первый разбил здесь европейскую плантацию и посадил картофель и горох. Об этом мы узнали из его судового журнала.

Его суденышко трепали штормы и тайфун, и оно да-ло течь. В марте 1798 года на Таити он устроил обвал, чем спас группу миссионеров, которым грозила распра-ва. А так как эти набожные люди были англичанами, то они выразили желание, чтобы их отвезли в Порт-Джексон. И вот «Наутилус» забарахтался в море. Его насосы натужно работали круглые сутки, пытаясь про-тивостоять водяному натиску. Дважды бриг чуть не по-шел ко дну. В конце концов он все-таки прибыл в Порт-Джексон. Здесь Бишоп намеревался его отремонтировать, набрать команду и определить свой дальнейший марш-рут. В Порт-Джексоне он узнал о лежбищах тюленей на юге. Дело в том, что Флиндерс только что вернулся с места гибели «Сидней Коув». В октябре того же года, ког-да Басс и Флиндерс отправились на «Норфолке» на юг с целью объехать вокруг Земли Ван Димена, Бишоп на своем «Наутилусе» сопровождал их. Ему не очень по-везло.

Как-то он записал в судовом журнале, что планиру-ет «набрать команду из двадцати пяти человек и отпра-виться на двух китобоях на заготовку тюленьих шкур и жира для Китая, отвести корабль в безопасный залив, затем поделить людей на группы, развезти по разным островам, а командование поручить офицерам, оставив несколько человек топить жир».

Он расстался с Бассом и Флиндерсом на островах Фюрно, бросил якорь в заливе Бей, у острова Кейп-Баррен, и основал там жироварню. Здесь он, так же как и в Северо-Западной Америке, разбил сад, первый в этом районе. (Блай тоже посадил несколько видов овощей на острове Бруни, южнее тасманийского побережья, но он не возделывал землю, не собирал урожай и не успел по-пробовать его, как это сделал Бишоп.)

За несколько месяцев команда «Наутилуса» пригото-вила пять тысяч шкур и триста пятьдесят галлонов жира. Вскоре не стало хватать продуктов, поэтому Бишоп отправился в Сидней, чтобы пополнить запасы продо-вольствия. К началу 1799 года его люди собрали еще семь с половиной тысяч шкур и триста галлонов жира.

Тогда Ч. Бишоп со своими людьми и с большим гру-зом отправился в Порт-Джексон. Он сбыв весь товар и, совершив еще несколько заходов на острова Тихого оке-ана, вместе с Джорджем Бассом отправился в Кантон.

Там он продал товар и свой корабль, старый отважный «Наутилус», и после шестилетнего отсутствия вернулся в Лондон к своему нанимателю и финансисту.

Двадцать пять человек с «Наутилуса» уничтожили 12 500 тюленей, то есть в среднем по пятьсот животных на человека. Охотники на тюленей известны своей жестокостью. К 1804 году разбой дошел до такой степени, что губернатор Кинг стал просить быстроходные и хорошо вооруженные суда «для борьбы с американскими пиратами», которые, как он считал, разбойничали в Бассовом проливе. Поступило сообщение, что Амасо Делано избил английского капитана за «злостное подстрекательство», но к моменту прибытия Кинга на место преступления «практичный парень» успел улизнуть, прихватив с собой тринадцать британских каторжан-охотников

Торговля шкурами считалась делом прибыльным, и в 1800 году в районе Бассова пролива действовало около двухсот охотничьих шхун. На сиднейском рынке за тюленью шкуру давали от восемнадцати до двадцати пяти шиллингов. В «Сидней Газетт» можно найти сообщения о том, что за период с 9 марта 1803 по 28 мая 1804 года шхуна «Индевр» доставила из Бассова пролива 9514 шкур, шхуна «Сэрпрайз» с марта по сентябрь 1803 года вывезла в Сидней 15 840 шкур, а в сентябре того же года на шхуне, чье название не указано, привезено 11 000 шкур.

Охотники за тюленьими шкурами, несколько не заботясь о последствиях, обрекали молодняк на гибель. 10 октября 1871 года, выступая в Королевском обществе Тасмании, К. Гулд привел в качестве примера случай, когда на лежбище оставалось не менее трехсот детенышей. Их ждала неминуемая смерть, ведь их матери были убиты. Шкуры детенышей никакой ценности не представляли.

Об этом инциденте рассказывалось также и на страницах «Хобарт Таун Газетт» в 1826 году, о нем же поведал некто Скотт, «проживавший на одном из островов с аборигенкой, от которой у него родилось трое детей».

В 1815 году «Хобарт Таун Газетт» обратилась с призывом прекратить охоту. Мировой рынок был завален тюленьими шкурами, цена на них упала до пяти шиллингов за штуку.

Владельцы крупных шхун вели промышленный отлов

тюленей и почти прекратили охоту, когда тюленей осталось мало. Однако отдельные группы и охотники-одиночки продолжали промысел. За ними укрепилась недобрая слава, их называли «насильниками, грабителями, флибустьерами, рабовладельцами, убийцами, пропойцами, морскими волками и морскими крысами».

По отношению к первым европейским поселенцам на островах это было правдой. Рассказывали, что они доходили до того, что наливали ром в каждую выбоину в полу, для того чтобы было удобнее пить, когда ноги уже не держат. Конечно, в этих рассказах многое преувеличено, но доля правды в них все-таки есть. Они воровали женщин. Известны имена двенадцати человек, которые стали родоначальниками своеобразной общины, известной под названием «кейп-барренские островитяне». Многие до сих пор носят их фамилии. Они выкрали из племен четырех тасманийцев, четырех австралийцев и одну маорийку. Островитяне знают их имена, и если некоторые уже забыты, то их можно выяснить.

Первые европейцы, попавшие на Землю Ван Димена, еще застали там тасманийцев. В 1800 году их насчитывалось около двух тысяч, а к 1876 году они уже были полностью истреблены.

Тасманийцы вели примитивный образ жизни. Благодаря им нам стали известны условия, в которых жили ранние доисторические племена. Грубо сделанные скребки, которыми они пользовались, дают возможность предположить, что они, видимо, стояли на более низкой ступени развития, чем европейцы эпохи палеолита. Было найдено лишь несколько образцов крайне примитивной резьбы по дереву, выполненных тасманийцами. Они не пользовались иглами и нитками и даже во время суровой зимы не носили ничего, кроме шкур, наброшенных на плечи.

Один французский путешественник на вопрос парижской дамы, что носят аборигены Тасмании, ответил:

— Мадам, одной пары ваших перчаток хватит, чтобы одеть шестерых аборигенов.

Никто не знает, откуда они пришли. Одни предполагают, что они — выходцы из Меланезии, в более позднее время перебравшиеся на Австралийский континент, откуда их вытеснили предки теперешних австралийских аборигенов (тасманийцы и аборигены Австралии в расо-

вом отношении далеки друг от друга). Другие считают их исконными жителями Тасмании.

Отметим, что, по некоторым предположениям, австралийские аборигены поселились в этих местах тридцать-сорок тысяч лет назад, а семнадцать тысяч лет назад некоторые части Бассова пролива, видимо, были сушей. Ученые полагают, что потоп, о котором говорится в Книге бытия и во многих сказаниях древних народов, скорее всего был вызван не ливнями, а подъемом Мирового океана, что привело к затоплению прибрежных земель шесть тысяч лет назад.

Уровень воды стал подниматься семнадцать тысяч лет назад и прекратился шесть тысяч лет назад, повысившись в среднем на триста футов. Поскольку самое глубокое место в Бассовом проливе составляет триста футов, то весьма вероятно, что первобытные люди прошли через пролив пешком. В качестве одного из доводов против теории, согласно которой аборигены могли потерпеть кораблекрушение или приплыли из Тихого океана на лодках или плотках, приводят тот факт, что они не проявляли никакого интереса к кораблестроению.

Первые европейские поселенцы и путешественники давали довольно нелестные оценки обычаям аборигенов, их внешнему виду и морали. Однако многое объяснялось взаимной антипатией.

В дневниках французского мореплавателя Перона многие страницы посвящены их привлекательным качествам. С особым восторгом описывает он некую Ур-Ур: «Она миловидна, а приветливое и одухотворенное выражение ее лица полно очарования, живости и страсти». Лабилардье писал, как они подарили Ур-Ур панталоны: «Мы показали ей, как их надо носить, и нам пришлось помочь ей надеть их. Она повиновалась с непередаваемым изяществом».

Племена аборигенов были обречены с того самого дня, как в этом штате, окруженном со всех сторон морем, появился первый белый поселенец. Белые люди стали продвигаться в глубь острова, расчищая участки под фермы. Аборигенов сгоняли с их племенных земель, и укрыться им было негде. На острове вспыхнули войны. Беглые каторжники, как и большинство поселенцев, обращались с аборигенами жестоко. Комитет, который занимался разбором жалоб на проявление жестокости,

объявил виновными белых: «Они не утруждали себя поисками путей примирения, а совершаемые ими жестокости противоречат человечности и позорят англичан».

Два бушрейнджера (разбойники), Лемон и Браун, сажали аборигенов на кол и использовали их в качестве живых мишеней для тренировки.

Такое отношение озлобляло аборигенов. Белые уничтожали их без разбору, но они, в свою очередь, стали убивать и женщин, и детей, и даже тех европейцев, которые пытались с ними подружиться. Одного белого (заступника аборигенов), Томаса из Порт-Соррела, нашли пригвожденным к земле пятнадцатью копьями. Многих белых избивали так, что узнать их было невозможно.

«Если подобные злодеяния черных не будут пресечены, — негодовала „Колониэл Таймс“ от 10 ноября 1830 года, — нам придется оставить этот остров и искать спасения на кораблях, которые увезут нас на другой берег». Однако белые отлично знали, кому придется уступить. В редакционной статье «Колониэл Таймс» от 1 сентября 1831 года можно прочесть следующие строки: «Правительство обязано убрать туземцев. Если это не будет сделано, их будут травить и уничтожать, как диких зверей».

Известно, чем кончилась эта история. Была организована облава на оставшихся в живых к тому времени тасманийцев, и большинство из них было убито.

Следующий, уже мирный шаг предпринял единолично Джордж Аугустус Робинсон. Он объездил весь остров, побывал в самых глухих его уголках, пересек, не умея плавать, несколько полноводных рек. Не раз попал в опасные положения. К 1835 году он собрал двести три аборигена — всех оставшихся в живых тасманийцев.

«Они представляли собой жалкий остаток ушедшей расы. Они стояли у ее могилы», — писал о них один журналист.

На двух мужчин приходилась одна женщина, на трех женщин — лишь один ребенок, грудных детей не было совсем. Вынужденное переселение и постоянное недоедание вели к гибели оставшихся в живых. Трагедия еще не закончилась, и занавес не опустился. Из Хобарта их отправили на остров Свон, потом на Ганкэридж (Ванситарт) и в конце концов на остров Флиндерс. В Вилабене, в «доме для черных», они умирали.

В Вилабене есть небольшое кладбище. Там на одном из надгробий, которое я расчистила, было начертано: «Элизабет, горячо любимая жена Джозефа Миллигана и дочь В. Е. Лоуренса, Земля Ван Димена. Ушла из жизни 31 июля 1844 года, через 10 дней после родов, на 19-м году жизни».

С помощью куска ржавого рельса я столкнула ящик с могилы «Маргарет Моноган и ее двух детей» и прочла на постаменте, который установил ее любящий муж, рядовой королевской пехоты Патрик Моноган, что она с детьми приехала на бриге «Тамар» к мужу, который служил в гарнизоне, расположенном в аборигенском поселении. 23 декабря 1840 года бриг пришвартовался, и прибывших должны были переправить на шлюпках на берег, но в тот момент, когда их спускали, порыв ветра поднял длинный подол платья молодой женщины. Его замотало вокруг рангоута, и лодка перевернулась.

На кладбище я видела могилы, которые угадывались лишь по надгробным камням — это могилы изгнанных аборигенов. Однако их останки покоятся не в могилах. Говорят, заморские музеи заплатили «вурдалакам» сотни фунтов стерлингов за то, что те выкопали кости захороненных здесь аборигенов и отправили за границу.

Теперешние островитяне считают, что большинство скелетов вывезено контрабандным путем в тюках с шерстью, чтобы их нельзя было обнаружить при досмотре. Так, мужской череп заполучил музей хирургического колледжа в Англии. Трудно себе представить, как подобное варварство может уживаться с теми заповедями, которые проповедует церковь, а она расположена неподалеку от кладбища. Правда, теперь эта церквушка с кирпичными стенами, выложенными битыми ракушками, и крышей, покрытой галькой, превращена в сарай. Она стала памятником тем идеалам, о которых почему-то забывали, когда дело касалось тасманийских аборигенов.

Как раз в то время, когда тасманийцы были высланы на этот остров, Джордж Робинсон произнес в Сиднее свою знаменитую речь о поселенцах. Он утверждал: «Смертность среди них (аборигенов.— *Авт.*) велика, но те, кто выживает, вполне счастливы, довольны и являются полезными членами общества».

Покуда Робинсон и ему подобные прилагали все ста-

рания, чтобы превратить тасманийцев в «цивилизованных» людей, они продолжали вымирать. Таким образом «решалась» эта сложная проблема.

Глава II

ХОРОШИЙ КОРАБЛЬ НЕ ТОНЕТ

Мне не хотелось, чтобы «мореходная» часть нашей жизни на острове отвлекала меня от сбора ценного материала. Однако трудно было не поддаться всеобщему веселью и дружеским розыгрышам — они стали частью нашей жизни наравне с нелегкой борьбой с морем и ветром. Для меня на корабле все было в новинку и казалось необычным. Женщины на корабле — явление нередкое. Как правило, это островитянки, привыкшие к штормам и бушующим волнам.

Первый раз я добралась до островов на рейсовом самолете. С тех пор мне не приходилось больше путешествовать в качестве пассажира. Если мне нужно было попасть на какой-нибудь остров, меня подбрасывали на одномоторных аэропланах или торговых судах, курсирующих между островами. Чаще всего я оказывалась на борту «Шиэруотера», который неустанно сновал в этом районе и не задерживался в портах.

Как-то мне надо было в Килли-Кранки-Бей, расположенный на севере острова Флиндерс. В Уайтмарке я поднялась на борт «Шиэруотера», и по установившейся привычке меня тотчас отправили на камбуз. В это время команда продолжала разгрузку. Дело в том, что такие маленькие суда, как правило, не относятся ни к какому профсоюзу, и поэтому команда выполняет погрузочно-разгрузочные работы своими силами.

Попав на «Шиэруотер», я, как обычно, прежде всего занялась уборкой кухни. Я надраила пол, палкой собрала одежду и выбросила ее за борт.

— Эй, что ты делаешь? Это же моя роба. Правда, она рваная. А это штаны. Ну и что такого, что я кое-где разодрал их о гвозди!

— Стоит женщине появиться на судне, так сразу же ничего не найдешь.

— Где моя шапка? — кричали ребята.

Команды «Приона» и «Маргарет Туэйтс» главели на нас, столпившись у пирса.

— Ну и чистюля, — возмущались они.

А я тем временем скребла и драила. Поскольку ведра не нашлось, я взяла металлическую бадью, в которой они мылись (правда, это всего лишь мое предположение, сама я ни разу не видела, чтобы кто-либо из членов команды это делал) и чистили картофель. Сейчас посуда пригодилась; к сожалению, я так и не попробовала использовать ее по назначению. В каждом порту, стоило сойти на берег, меня сразу же приглашали в гости, и там помимо прочего меня ждал еще и теплый душ.

Перед каждой дверью на свежeweымытый пол я положила газеты и постелила чистые мешки, чтобы ребята вытирали ноги. Пит зашел попить воды и не обратил внимания на мешок, а когда я напомнила ему об этом, он тут же вытер подошвы о свои брюки.

На палубе команда уже заканчивала разгрузку ящиков с бакалейными товарами, банок с пивом, мешков с овощами и катушек с проволокой. И тут, вместо того чтобы подняться, так как освободилось от груза, судно стало опускаться. Я посмотрела в иллюминатор и с беспокойством отметила, что сначала показалась ограда, а затем и вся пристань. Я выбежала на палубу.

Моим глазам предстало удивительное зрелище: воды не было, море исчезло, и наше судно вместе с другими оказалось на песке.

В тот момент, когда я оказалась на палубе, судно продолжало оседать. Я увидела, что команда бросилась отвязывать канаты, которыми оно держалось у пристани, потому что нас тянуло за борт. Неожиданно мои ноги заскользили, я схватилась за косяк, но тут дверь захлопнулась, и я чуть не прищемила себе пальцы. В каюте что-то упало и разбилось, но что — не знаю, так как войти туда было невозможно. Казалось, еще немного, и судно опрокинется, но я не могла двинуться с места на ускользящей из-под ног палубе. А тут еще сваленные на палубе катушки с проволокой. Неожиданно они стали скользить в мою сторону, и мне пришлось совершать отчаянные прыжки, чтобы увильнуть от опасности. Наконец последняя катушка промчалась мимо меня, и тут на палубе появилась вся команда.

— Что произошло? — кинулась я к ним.

Они никак не могли взять в толк, о чем я спрашиваю.

— Наше судно... оно же не на воде! — в отчаянии воскликнула я.

Все так и покатались со смеху.

— Вот умора, — сказал Пит, — да ведь она испугалась до смерти.

— Ну и темнота наша малышка, — проговорил Алек. — Ты правда ничего не знаешь? — продолжал он. — Когда начинается отлив, мы всегда садимся на днище. Здесь море поднимается и опускается почти на три метра.

Меня испугала мысль, что во время прилива вода может смыть наш корабль, и мне страшно захотелось выбраться на берег, в безопасное место. Вместо этого капитан Джексон заставил меня спуститься вниз, чтобы показать, как устроено днище. Ребята считали, что, как только я получу представление о конструкции маленьких деревянных суденышек, специально приспособленных ко всяким неожиданностям, которые случаются во время плавания в мелких водах, я сразу почувствую себя уверенней.

— Пэт понятия не имеет, о чем ты толкуешь, — сказал Пит. — Да я и сам ничего не понимал, пока не увидел все своими глазами, а ведь я не женщина.

С одной стороны меня поддерживал Алек, с другой — капитан. Пит прыгал вокруг нас, словно марионетка, которую дергают за веревочку.

Мне объяснили, что деревянные торговые суда для каботажного плавания значительно отличаются от больших морских судов, предназначенных для плавания в глубоких водах.

— Действительно, — сказал Пит, — по размеру они меньше. Небольшие суда строятся таким образом, чтобы при заходе в мелкие заливы деревянные его части могли выдержать огромные нагрузки во время отлива.

— И еще, когда судно плюхается на дно, — сказал Алек.

— То есть когда оно... тонет? — произнесла я слово, которое он, видно, не захотел произносить.

— Да нет, когда заходит в мелководные бухты или порты. У нас говорят, что, если судно не ободрало днище, значит, оно не поработало как следует.

Мы обошли «Шиэруотер» кругом. Киль у судна вперед не выдавался, как на кораблях, сделанных из металла, а был закругленным. Сначала я решила, что пойду на «экскурсию», чтобы повеселить этих нахалов, но потом смотрела на все зачарованными глазами.

Так я получила первый урок. Ребята рассказывали мне об устройстве корабля полушутя, но, почувствовав мой неподдельный интерес, начали объяснять с большим энтузиазмом. Они, например, рассказали, что киль, сделанный из цельного куска огромного дерева, стал как бы позвоночником судна, а поднятый вверх штевень и шпангоуты, которые соединяют и укрепляют боковые обшивки, образуют нечто вроде грудной клетки.

Раньше я думала, что корабль сооружается путем выдалбливания, но после первой же экскурсии вдоль подводной части «Шиэруотера» мое представление полностью изменилось. Дело в том, что деревянное судно строится по принципу хлебной корзинки и на воде должно вести себя так же, как высокое здание, когда его раскачивает ветер. Таким образом уменьшается напряжение, и корабль не ломается. Когда в открытом море волны с огромной силой обрушиваются на такие маленькие суденышки, как наш восьмидесятитонный «Шиэруотер», они остаются целы. И чем сильнее атакует море, тем упорнее сопротивляется судно, скрипят и стонут шпангоуты, принимая на себя удары.

— Эти звуки успокаивают, когда понимаешь, почему судно стонет, — сказал Лес. — Море не может потопить хороший корабль. Это может сделать только земля.

Мне захотелось поскорее выйти в открытое море, чтобы убедиться, как умеет «трудиться» судно.

— Скоро почувствуешь, — мрачно пообещал Пит. — Потерпи. Завтра мы отправимся в Лонсестон, сама увидишь все своими глазами.

Когда мы поднимались на корабль, я слышала, как Пит сказал Алеку:

— Право, она какая-то чудная. Делает вид, будто поняла, о чем ей толковал Валлаби.

Пит всегда изъяснялся шепотом в полной уверенности, что тот, о ком он говорит, не слышит его, даже если находится рядом. Алек поступал умнее: он произносил слова уголком рта. Однако по его тону можно было понять, что он полностью разделяет мнение Пита.

Портом приписки нашего корабля был Лонсестон, на северном побережье Тасмании. Итак, я впервые отправлялась в большое плавание, чтобы получить первое крещение. Настроение у меня было превосходное. Однако Пит умел обескуражить кого угодно.

— Зубы у тебя, случаем, не вставные? — поинтересовался Пит. — Тогда нужно их снять и спрятать в карман, а то от восторга уронишь их за борт.

Мне даже в голову не пришло, что я могу заболеть морской болезнью. В панике я решила, что, видимо, следует взять с собой широко рекламируемые таблетки от этой болезни.

— Это не поможет, — заверил меня Алек. — Если ты не переносишь качку, то с таблетками или без них тебя все равно укачает.

Этого я не боялась, меня никогда не укачивало. Но показывать это было с моей стороны неразумно, мне следовало сказать себя больной. Скорее всего я действительно какая-то «чудная».

Ребята по очереди наблюдали за мной. Как только мы вышли из-под защиты острова и пошли через пролив, ветер и море принялись за наше суденышко. Оно начало глубоко зарываться носом, потом подскакивало вверх, и вода потоками устремлялась с него. Теперь за мной следил Пит. Он объяснил мне, что это продольная качка.

— Посмотри, как оно сделает штопор, — злорадно усмехнулся он.

У руля для практики поставили новичка Пэдди, и судно немедленно сделало штопор, потому что рулевой тут же отклонился от нужного направления. Алеку пришлось заменить Пита.

— Держу пари, сейчас ты оживишься, — сказал Алек, когда корабль закрутило и началась бортовая качка.

— Тебе нужно, чтобы мне стало плохо? — спросила я.

Алек сказал, что Валлаби Джексон заключил с ним и Питом пари на десять шиллингов, что меня не укачает. Я поняла, что ни он, ни Пит в душе не желали мне зла, но тем не менее не хотели проигрывать свои десять монеток.

— Мы не намерены проигрывать, — сказал он. —

Пока руль в руках этого малыша, корабль будет все время раскачиваться, как сейчас. На этого парня стоит поглядеть. Он без усталости крутит руль то в одну, то в другую сторону, кидается на него, как примадонна на постановщика, обливается потом и ругается словно извозчик. Пойди погляди на него. Это тебя очень взбодрит.

Пэдди действительно старался вовсю. Он вертел руль в одну сторону до тех пор, пока судно не ложилось на борт. Тогда парень принимался вертеть руль в другую сторону, до тех пор, пока оно медленно, словно нехотя выпрямлялось.

— Вы только посмотрите на этого моряка, — взвизнул Пит. — По его милости я чуть не слетел с койки. Надо проучить сопляка.

Насколько мне известно, «сопляк» — это канат, который используется во время погрузочно-разгрузочных работ для страховки грузов. В данном случае Пит вкладывал в это слово совсем другой смысл. Тут судно снова медленно накренилось, и я схватилась за борт.

— Эй, тебя что, шатает? — придрался ко мне Пит. — Как ты насчет жирненькой свиной отбивной?

Он проводил меня на камбуз, сам уселся на ящик из-под хлеба и принялся за починку своих единственных штанов. Спереди брючина была разорвана от колена до бедра, а сзади виднелась небольшая, по его выражению, «фигурная» дырка.

Достав шпагат и иголку, которой сшивают паруса, он с невероятной сосредоточенностью огромными стежками начал зашивать рваные брюки. Пит пояснил, что такие стежки у них называются «спешу домой». Закрепив шов узелками, он отрезал шпагат.

Чтобы увидеть «фигурную» дырку, ему пришлось встать. Поначалу Пит попытался разглядеть ее, скосив глаза, и чуть не свернул себе шею, потом выставил зад, но и это не помогло. В конце концов он как-то изловчился и, застыв в невероятной позе, принялся за дело.

— Так-то, — сказал он с удовлетворением.

Однако стоять в такой позе и одновременно зашивать дырку он не мог. Поэтому ему пришлось действовать вслепую. Со стороны это зрелище весьма напоминало игру в прятки.

Брюки были из грубой материи, к тому же одной ру-

кой Питу приходилось держать разорванные края, а другой — зашивать. Иголка никак не входила в ткань, хотя матрос прилагал массу усилий, и, уже вконец измучившись, он вонзил ее с размаху.

Пит взревел, как бык, взвыл, как динго, и взвился в воздух, как ракета. Потом плюхнулся на ящик, а поскольку иглолка была еще в брюках, то снова подскочил и, рыча и воя еще громче, заметался по палубе. Наконец бедняга утихомирился.

— Разбудили во мне зверя, верно? Я просто валял дурака.

Пожалуй, трудновато передать литературным языком выражения, которые изрекал Пит, но смысл их угадывался безошибочно.

Теперь «валял дурака» наш корабль. За рулем по-прежнему был новый юнга Пэдди. На печке стоял большой чайник с кипятком, и мне пришлось придерживать его руками, чтобы он не слетел на пол. Я понятия не имела, что делать. Если поставить чайник на пол, он перевернется. Я уж подумала, не отнести ли его на палубу да и выплеснуть кипяток за борт, но побоялась, что и сама вылету вместе с ним.

— Ты что, сдурела,— сказал Пит, когда до него дошло, что я собираюсь делать. — Привяжи его.

Куском каната он привязал чайник с одной стороны к дымоходу, а с другой — к ручке пожарного ящика.

Я взглянула на Пэдди. Он продолжал отчаянно сражаться с рулевым колесом. Как только нос корабля поворачивался влево (а я уже научилась отличать правый борт от левого), Пэдди принимался крутить руль вправо. Колесо было огромное, и ему приходилось налегать всем телом, чтобы поворачивать его, и порой голова его исчезала. Но в тот момент, когда он выпрямлялся, корабль, повинувшись рулю, величественно поворачивался, горизонт проносился перед его глазами, и все приходилось начинать сначала. Пэдди опять поворачивал колесо, налегая на него всем телом. Словом, снова повторялось все с начала, только в обратном порядке.

— То-то же,— ликовал Пит.— До сих пор Валлаби считал самым никудышным рулевым меня. Уж теперь-то он такого не скажет.

Тут появился капитан и лаконично пояснил, что нам еще долго придется добираться до Лонсестона, если

корабль будет идти таким манером, выписывая на воде свое название.

— Эй, — крикнул он Пэдди, — вернись и поставь точки над «и».

— Что? — отозвался Пэдди. Бросив руль, он вышел на палубу, чтобы уточнить указания капитана. В этот момент корабль накренился, скользнув бортом по воде. Однако ничто не могло изменить твердого решения Леса Джексона.

— Пит, встань к рулю, — приказал капитан. — А ты, Пэдди, пойдй передохни.

Пэдди тотчас ушел на бак, лег, и мы увидели его лишь вечером. Когда Пит снова появился на камбузе, он не закрыл за собой дверь, и мы услышали, что по палубе что-то покатилося. Алек вышел узнать, в чем дело. Вернувшись, он подошел к Пэдди и спросил:

— Пэдди, когда ты шел по палубе, то не заметил, что какой-нибудь груз отвязался?

— Заметил, но не обратил на это никакого внимания и перешагнул через него.

К рулю Пэдди больше не подпустили, и, когда Пита через несколько часов сменили, он сказал:

— Пожалуй, у Пэдди самая длинная передышка, о которой я когда-либо слышал.

Валлаби (ни в коем случае не называйте его капитаном Джексоном, иначе он «убаюкает» вас, как Пит укачал меня, когда я в первый раз попала на корабль) пообещал, что рассчитает Пэдди, как только мы придем в Лонсестон.

Он добавил:

— Я рассчитаю его не за леность, ведь даже самого ленивого можно научить работать. Если человек не может найти себе дела на корабле, такому лучше держаться от моря подальше.

Как только капитан ушел, я стала искать, чем бы заняться.

Жизнь членов экипажа на судах, используемых для каботажной торговли, лишена какого бы то ни было комфорта. Мне не с чем было сравнивать, и тем не менее условия их жизни поражали своей суровостью. Взять к примеру Леса Джексона. Он — владелец судна, материально обеспеченный человек, а спал на голых досках, укрывался подобием одеяла, сплетенного из старых шел-

ковых чулок. Он объяснил мне, что таким образом отпадает необходимость покупать будильник.

— Спать на досках неудобно, и долго на них не поваляешься. Обязательно проснешься. Я встаю, обхожу корабль, проверяю якорь, если мы стоим, и канаты, если мы пришвартованы, а если находимся в море, то контролирую компас и смотрю, не заснул ли рулевой. Потом иду досыпать, пока доски снова не заставят меня проснуться. И так всю ночь.

— А почему нет одеял? — поинтересовалась я.

— Так ведь тогда можно не ставить будильник в банку из-под керосина. Если меня не разбудят доски, разбудит холодный воздух. Пройдешься за ночь раза два-три по холодку, вернешься на свою койку, и покажется она теплой и уютной.

Я спросила, на чем спят ребята.

— На решетках! — крикнул Алек.

Это было еще одно нововведение Валлаби.

— Раньше у меня для команды были резиновые матрасы, но они никуда не годились, и я их выкинул за борт, — сказал он.

— А чем же они не подходили? — спросила я.

— Тем, что утром ребята не хотели вставать. Матрасы превращали их... — старался объяснить мне свою мысль капитан.

— В любителей удобств? — подсказала я.

— Нет, просто в усталых, ленивых и болезненных людей. Вы же не станете утверждать, что продолжительное лежание в постели полезно для здоровья? Вот я и выкинул все матрасы, — закончил капитан.

Зато теперь ребята спали на проволочных сетках, застеленных газетами, и с готовностью вскакивали по утрам.

У постоянных членов команды (постоянными назывались те, кто работал на «Шиэруотере» хотя бы месяц) койки были более комфортабельные за счет неведомо где раздобытых старых матрасов. Однако чаще всего члены команды, поспав на сетках один-два рейса, исчезали навсегда.

Такие суденышки, как «Шиэруотер», хотя и работают по контрактам точно так же, как и крупнейшие суда мира, имеют на борту ограниченное число специалистов. На судне нет квалифицированного механика, да, пожа-

луй, он и не требуется. Достаточно того, что у владельца судна есть удостоверение или опыт. Для того чтобы получить разрешение на перевозку грузов, небольшие суда регистрируются в качестве вспомогательных *кечей**, заверив власти, что в случае поломки мотора судно может идти под парусами. Благо, им не приходится доказывать это на практике. Что же касается матросов, то им может стать любой. Пожалуй, в данном случае необходима единственная квалификация — выносливость.

Глава III

СТРЕЙТСМЕНЫ**

В ученом мире существует множество ошибочных предположений о том, кто были предками кейп-барренских островитян. Свою долю заблуждений внесли и некоторые ученые, сделавшие вывод, что по мужской линии они происходят «от представителей по крайней мере десятка народов», а по женской — от «маориек, островитянок Южных морей, китайнок, аборигенок и одной негритянки». «Охотники на тюленей имели гаремы», а девушки с «гладкими бедрами» становились «жертвами разнузданных оргий». На них «плотоядно посматривали изголодавшиеся по женщинам охотники за тюленями».

Судя по архивным документам, на островах можно встретить потомков англичан, ирландцев, шотландцев и валлийцев. Их женами, за исключением одной, были австралийские и тасманийские аборигенки. К началу прошлого века зверопромышленники развезли группы охотников на тюленей по маленьким островкам. Они оставались там на время охотничьего сезона, а зачастую навсегда. Это обстоятельство заставляло их пересекать проливы на открытых лодчонках, чтобы просить продукты у жителей поселения (на его месте теперь расположен Лонсестон). Многим охотникам (то были беглые каторжники) их прошлое не позволяло появляться в поселениях. Они выменивали у темнокожих тасманийцев

* Кеч, или иол — небольшое двухмачтовое парусное судно.

** Стрейтсмены (*англ.*) — жители островов Бассова пролива.

тюлений жир на шкуры и мясо кенгуру и заодно покупали женщин у племен, населявших побережье. Когда же с обменом не ладилось, применяли силу.

Женщины им нужны были не только в качестве жен. Дело в том, что тасманийки славились своим умением охотиться на тюленей. В ранних хрониках упоминается, что во время охоты женщины покрывали тело тюленьим жиром. Они забирались на скалы и терпеливо поджидали добычу, искусно подражая движению тюленьих лап и притворяясь спящими. В момент, когда животные теряли бдительность, женщины выскакивали и били тюленей, пока оставшиеся в живых не сползали в море.

К 1810 году тюленей в проливах становилось все меньше и меньше, и поэтому владельцы шхун перебрались к берегам Новой Зеландии, богатым этими животными. А охотники с черными женами и потомством остались на островах. Таким образом, острова стали убежищем для всех беглых каторжников, дезертиров с кораблей, а также для тех, у кого были причины избегать цивилизованного общества. Для этих людей женщины имели, несомненно, большее значение, чем для профессиональных охотников на тюленей, потому что, добравшись до островов, они рассчитывали обосноваться здесь навсегда. Эти люди и их потомки называли себя стрейтсменами — людьми, живущими у проливов. Им достались женщины, которых оставили на островах американцы, а еще нескольких они отняли у аборигенов. Об этих набегах сохранились записи, сделанные очевидцами и участниками.

В 1826 году группа мужчин с острова Ганкэрридж совершила набег на аборигенов Кейп-Портленда с целью захватить девушек. Их вылазка — классический образец набегов, совершавшихся в те времена. Возглавил ее некий Дункан. Ходили слухи, что его спина была исполосована шрамами от ударов плетью, а на ногах остались следы от кандалов. Поговаривали, будто раньше его звали Дункан Макмиллан и у него было свое судно. Предполагают, что в его группу входили два бывших каторжника — Уильям Сандерс и Джон Клифф, а также Томас Такер, в прошлом офицер Королевского флота. Почему последний оказался в компании этих людей, непонятно. Ведь он был человеком образованным и интеллигентным. Такер резко выделялся среди остальных.

В группе Дункана оказалась только одна темнокожая. У Дункана от нее был сын.

Подходил к концу охотничий сезон 1824 года. Одинокие мужчины из группы Дункана подбивали вожака совершить набег. Видимо, Дункан согласился на это из желания защитить свою жену. К ним также присоединился и Такер. Группа отправилась через проливы на небольшом суденышке. Дункан прихватил с собой жену и маленького сына. Высадившись на берег, они отправили жену Дункана в лес, чтобы она установила контакт с членами племени. Сына Дункана они оставили в лодке в качестве заложника на случай, если женщина предаст их. Охотники на тюленей обычно жестоко обращались с женщинами: они избивали их, калечили и порой даже убивали. Они бросили нескольких женщин на крошечных островках, откуда приливной волной в любой момент их могло смыть. В подобных «браках» стороны мало доверяли друг другу.

Вскоре жена Дункана вернулась на берег и сообщила, что племя готово вступить с ними в переговоры. Такера с малышом оставили на берегу в палатке, а трое мужчин и женщина углубились в лес. Они не взяли с собой ружей, так как теперь поверили жене Дункана, и попали в засаду. Дункан и два охотника подошли к месту стоянки племени. Неожиданно из зарослей выскочили воины племени и окружили их. Безоружный Дункан пытался бежать, но не тут-то было: одно копье угодило ему в ногу, другое — в шею, а третье пронзило тело и пригвоздило к земле. С двумя другими охотниками аборигены также разделались. Жена Дункана отомстила за себя, однако мстью она наслаждалась недолго.

Тем временем Такер на берегу чистил ружье. Неожиданно в палатку вбежал насмерть перепуганный малыш. Такер схватил ребенка на руки и попытался успокоить, но тут на палатку обрушился целый град стрел. Прихватив ружье и мальчика, Такер под свист стрел бросился бежать вниз по откосу. Вдруг он остановился, повернулся в сторону противника и выстрелил. Воины бросились в заросли. На берегу Такер увидел еще нескольких воинов, наблюдавших за палаткой. Он окликнул их. Когда они оглянулись, то среди них он узнал двоих — Джекки и Мюррея. Они часто плавали вместе с охотниками. Островитяне угрожающе замахали пиками. Тут

Такер заметил на пригорке жену Дункана. Чтобы показать, что ребенок жив и невредим, он поднял его над головой и попросил женщину подойти к нему.

— Где Дункан? — спросил он.

Однако женщина хранила молчание, пока Такер не пригрозил ей ружьем. Тогда она рассказала, что всех охотников перебили воины племени, и стала молить Такера, чтобы он отдал ей сына и разрешил вернуться к своему племени, к привычной для нее жизни. Такер, пытаясь спастись, сказал, что отдаст мальчика в том случае, если она сумеет убедить воинов не причинять ему вреда. Женщина обратилась с просьбой Такера к воинам. Они не возражали и даже послали своих женщин помочь оттолкнуть лодку Такера от берега.

Такер шел мимо темнокожих воинов. Одной рукой он держал ребенка, а другой — заряженное ружье. Добравшись до кромки воды, он опустил мальчика на землю и направился к лодке. Он уже почти дошел до нее и тут услышал отчаянный крик ребенка. Оказывается, Мюррей схватил малыша и кинулся с ним в кусты. Отбежав на достаточно далекое расстояние, абориген, раскрутив ребенка за ноги, ударил головой о скалу. И тут все племя высыпало на берег, люди бежали к воде. Они метали копья, пытаясь убить Такера, а он греб в открытое море. Такеру все-таки удалось избежать погони. Подняв парус, он отправился назад в Ганкэрридж.

Прошел год, и Такер жестоко отомстил кейп-портлендскому племени за своих товарищей. К тому времени у него появилась своя женщина. Ее звали Дампи. Однажды в Ганкэрридже появились четыре каторжника (они бежали из Хобарта). То, что они поведали Такеру, заставило его действовать решительно. Дело в том, что четверо беженцев, не зная ничего о дурной репутации кейп-портлендского племени, пристали к берегу, чтобы немного передохнуть. На них напали враждебно настроенные темнокожие, и все четверо были ранены. Такер и Дампи выходили раненых, а позже, прихватив с собой Сиднея, Роджерса и Литтла, совершили набег на племя.

Однажды утром, когда Дампи готовила завтрак, она заметила, что их окружают темнокожие, женщина кинулась к Такеру и шепотом предупредила об опасности.

Такер приказал аборигенам выйти из укрытия. Все люди племени выстроились перед ним на таком расстоянии, откуда их не могли достать выстрелы. Такер предложил им табак. Затем, узнав в толпе Мюррея и Джекки, пригласил их разделить с ним завтрак. Островитяне видели, что в хижине (она обычно служит пристанищем для охотников) находятся еще трое аборигенов.

Эти трое вышли из хижины, держа ружья наготове. Когда Мюррей, присевший у огня, оглянулся, Такер приставил к его груди ружье и выстрелом из обоих стволов уложил на месте. Затем Такер приказал Роджерсу застрелить Джекки, но, пока тот целился, Джекки, замерший было от страха, неожиданно вскочил и бросился в лес. Схватив ружье Сиднея, Такер выстрелил в аборигена, и тот рухнул на землю — на спине его зияла огромная рана. Справедливость, правда жестокая, восторжествовала.

Сохранились записи еще об одном стрейтсмене, Джеймсе Мунро, и его подвигах. Этот отважный бродяга прожил на острове Презервейшн с 1824 по 1845 год. Всю жизнь он ходил по краю пропасти, отделяющей закон от беззакония. И хотя Комитет по делам аборигенов 21 мая 1831 года характеризовал Мунро как «очень доброго, известного своей гуманностью, прожившего несколько лет среди охотников на тюленей» человека, потомкам, однако, он запомнился тем, что имел отношение к делу о крушении «Бритомарта», единственного корабля, плававшего в австралийских водах. Не без основания предполагают, что это судно было умышленно брошено на скалы. Причем действовали здесь такими же методами, как и грабители корнуоллского побережья.

«Бритомарт» был торговым судном, курсировавшим между Хобартом и Мельбурном. В 1840 году капитан Глуас с двенадцатью пассажирами на борту вел его из Мельбурна в Хобарт. Однако в Хобарт судно так и не прибыло. К тому времени Бассов пролив уже славился тем, что на его долю приходилось больше половины всех морских катастроф, и считалось, что «Бритомарт» пошел ко дну где-то в этом районе. Корабль «Сэр Джон Франклин» по чистой случайности успел до непогоды укрыться у острова Презервейшн, где в то время располагалась довольно большая колония охотников на тюленей, хотя к 1840 году тюленей здесь практически уже не было.

Капитан рассказал охотникам о «Бритомарте». Эта история их весьма увлекла.

— Представьте себе, что судно исчезло, — сказал капитан. На этом все бы кончилось, если бы ветер не пошел в обратном направлении и капитан «Сэра Джона Франклина» не остался бы осматривать остров, чтобы как-то занять время.

Сначала на глаза капитану попался кусок кормовой палубы «Бритомарта», который служил крышей свинарника. Потом он обнаружил сундук капитана Глуаса и его одежду, спрятанные в расщелине скалы. В довершение в небольшой речушке плавала лодка, на корме которой яркими буквами было написано «Бритомарт».

Совершенно естественно, что у капитана появились вопросы и он стал их задавать. Но и это ни к чему не привело. Охотники утверждали, что «Бритомарт» разбился о скалы несколько недель назад. Что касается лодки под этим названием, то они, видите ли, понятия не имели, что она плавала в речушке.

Однако выяснилось, что у Мунро оказался судовой журнал. Он был в прекрасном состоянии. Однако Мунро поспешил объяснить, что хотел сберечь документ и передать его властям, поскольку, занимая положение руководителя, считал себя полномочным представителем правительства.

Пресса Земли Ван Димена негодовала, что до сих пор так и не раскрыта таинственная история гибели «Бритомарта». Однако и по сей день эту тайну разгадать не удалось. Когда я впервые попала на эти острова, были еще живы старые капитаны Гарри и Джим Бэрджис, а также капитан Легgett. Они в один голос твердили, что «Бритомарт» умышленно направили на скалы. Скорее всего это произошло ночью, во время шторма, когда корабли старались уйти в укрытие. Грабители на берегу со скалы размахивали фонарем, чтобы создать впечатление спокойно стоящего на якоре корабля. Таким образом, капитан в полной уверенности, что направляет свой попавший в беду корабль в райское место, в действительности вел его на гибель.

Старожили островов Фюрно считают, что «Бритомарт» наскочил на риф возле острова Найт. Грабители перебили всех пассажиров и членов команды, ограбили дочиста корабль, стащили с рифов и утопили. Капитан

Джим Бэрджис рассказал мне, что служил юнгой на корабле, который вел поиски «Бритомарта».

В те времена существовало мнение, что на «Бритомарте» перевозили золото. Бэрджис сказал, что водолаз определил место катастрофы, но снаряжение не позволило ему долго оставаться под водой, чтобы как следует рассмотреть затонувшее судно, а позже это место найти не удалось.

Когда на острове случайно заходил разговор о «Бритомарте», обязательно находился такой человек, который говорил:

— Стоит только захотеть и бросить камушек, так тут же попадешь в «Бритомарт».

— А ты брось, что тебе стоит, — обычно отвечали слушатели.

Миф о том, что на корабле перевозили золото (я считаю, что это именно миф), возник по той причине, что на судне под названием «Бритомарт» в 1823 году доставили из Лондона десять тысяч фунтов стерлингов для открытия банка на Земле Ван Димена. Банк открылся 1 января 1824 года. В свой последний роковой рейс «Бритомарт» перевозил скот.

Однако, даже если принять во внимание трудности того времени с наведением порядка в проливах, все равно следует признать несколько странным отношение властей к исчезновению корабля. В прессе мелькали сообщения об образе жизни охотников на тюленей. Говорилось, что они живут не по средствам и тратят в Лонсестоне огромные, явно не соответствующие их доходам деньги.

Дело в том, что, как уже говорилось, тюлени к тому времени исчезли, и если не считать Мунро, который поставлял овощи на проходившие мимо корабли, то прочие охотники остались совсем без заработков. Интересно отметить, что письма, отправленные с «Бритомартом», адресатами были получены. Тексты их не размывы водой, и на конвертах штамп пункта отправления — Лонсестон. Табакерка некоего мистера Гейтса, одного из пассажиров, получена его семьей в Хобарте по почте.

Джеймс Мунро похоронен в безымянной могиле на острове Презервейшн. Остров буйно порос петрушкой, которую при жизни он разводил здесь в большом количестве.

29 января 1845 года «Лонсестон Экзаминер» сообще-

ла о его смерти: «Около месяца назад на 82-м году жизни скончался Джеймс Мунро, известный местным капитанам под прозвищем „Король острова Презервейшн“. Владыка острова правил здесь почти двадцать три года и добился той степени независимости, о которой только может мечтать человек. Ему принадлежали огромные стада коз и свиней. Он обрабатывал небольшой клочок земли, на котором выращивал овощи для себя, а иногда снабжал ими команды кораблей. Его спутницей жизни была аборигенка, от которой у него родились дети. Предполагают, что Мунро накопил немалые деньги и перед смертью составил завещание. Сейчас оно находится у членов его семьи. Последние практически не представляют себе, что нужно сделать для того, чтобы получить наследство».

Среди тех, кому Мунро оказывал гостеприимство, были миссионеры Уокер и Бекхауз. Ходили слухи, что во время их пребывания на острове у Мунро было трое детей. Однако после его смерти ни о детях, ни о трех аборигенках, с которыми он сожительствовал, никто не упоминал. Когда-то он основал поселение, где обосновалось двадцать пять человек. «Колониэл Таймс» от 12 марта 1830 года сообщала, что судно «Блэк Свон», совершив плавание вокруг острова Прайм Силз, вынуждено было стать на небольшой ремонт, а через десять дней направилось на Презервейшн, где располагалось «небольшое поселение».

Мунро высокомерно называл себя лидером стрейтсменов. Несмотря на то что тасманийская пресса на протяжении более двадцати лет довольно часто на него обрушивалась, Мунро удалось отбить все обвинения и остаться на острове. Полагают, что хобартские власти скорее всего поняли, что жестокое правосудие Мунро было более реальным, чем их политика в отношении людей, разбросанных по островам.

Одна из жен Мунро была аборигенкой из Виктории. Видимо, он привез ее с материка в 1800 году.

Пусть среди стрейтсменов было много разбойников, жизнь они вели трудную, и порой им приходилось проявлять большое мужество.

К тому времени, когда тюленей на островах осталось мало, Джеймс Эверетт, основатель одной из самых больших семей на острове Кейп-Баррен, устремился на

поиски новых лежбищ тюленей. Так стрейтсмены расселились по островам. Эверетт отправился через Большой Австралийский залив на лодке (по размерам она была не больше утлой лодчонки, на которой он не без риска плавал вдоль островов). Это был тот самый Эверетт, которого остановил Дж. А. Робинсон-миротворец, когда он пытался умыкнуть молодую женщину из племени. Добрейший Робинсон помешал Эверетту украсть женщину и пришел в ужас, услышав после этого его слова:

— Пусть глаза твои ослепнут, Робинсон!

Когда-то у Эверетта была жена, аборигенка из Тасмании, но она умерла. Потом он взял в жены маорийку.

Девять белых мужчин привезли на остров десять цветных женщин. Среди последних оказалось шесть тасманиек, три аборигенки из Австралии и одна маорийка из Новой Зеландии. От них и пошли кейп-барренские метисы. На острове до сих пор помнят имена двух тасманиек и еще трех женщин, носивших европейские имена. Вот они: Эммеринна — жена Джеймса Битона, Нимерана — жена Джона Томаса, Джуди — жена Томаса Мэнселла, Маргарет — жена Генри Мейнарда, Сара — жена Бэрвуда Смита и Котелла. Имя тасманийки, жены Джеймса Эверетта, неизвестно.

Австралийскую аборигенку, жену Генри Мейнарда, звали Элизабет, а две другие стали женами Сэма Блая и человека по фамилии Фостер. Маорийку звали Бэтти, она была женой Джеймса Эверетта.

Те девять мужчин, о которых мы говорили, и еще четверо белых попали на острова давно и оставили там многочисленное потомство. Джон Саммерс женился на Лидии Мейнард, Вильям Браун взял в жены Сару Мейнард, Марианн Смит и Френсис Мейнард. Эндрю Армстронг женился на Джейн Фостер, а Генри Бэрджис — на Джулии Мэнселл.

Потомками этих людей стали примерно триста метисов, которые с острова Кейп-Баррен расселились по всем островам, и все они связаны друг с другом родственными отношениями.

Когда в районе островов тюленей совсем истребили, для островитян настали тяжелые времена. Надо было как-то добывать себе пищу. И вот тогда-то они случайно обратили внимание на больших серых птиц. В сен-

тябре, с наступлением сумерек, мириады их прилетали откуда-то из-за моря и начинали рыть норки. Островитяне знали, что каждый год, почти всегда в один и тот же день, 28 ноября, птица откладывает по одному яйцу. Люди собирали яйца и устраивали пиршество.

Заметив, что птицы питаются планктоном, крилем и мелкими анчоусами, островитяне решили, что птичий жир скорее всего напоминает тюлений, потому что тюлени в основном придерживались той же диеты. Островитяне поймали несколько птиц и в старых железных жаровнях стали топить жир.

Большую часть жизни эта птица проводит в море и вполне приспособлена к этому. На берегу она становится неуклюжей и не может подняться в воздух с ровного места. Ей необходимо взобраться на крутой склон или уступ, чтобы взлететь. Она парит, используя восходящие потоки воздуха.

Островитяне, зная об этой особенности птиц, построили на суше ограды из коры и вырыли ямы, куда загоняли пленниц. Там их душили, ощипывали, а перья продавали (они шли на перины и подушки).

Даже в наше время ежегодно они продают сотни фунтов перьев. От моего спального мешка слегка пахло жиром, и я поняла каким только тогда, когда впервые почувствовала запах гнезда. Оно было выложено перьями «овечьей птицы». С давних времен островитяне уже умели избавляться от запаха перьев. Перед тем как убить птицу, они морили ее голодом. В таком случае перья запаха не имели. Само собой разумеется, что теперь этот жестокий метод запрещен.

Обратив свое пристальное внимание на этих птиц, островитяне решили их попробовать на вкус. Сначала они отведали мяса взрослых птиц. Оно напоминало старую баранину, поэтому стрейтсмены назвали птицу «овечьей». Полакомившись мясом молодой птицы, они убедились, что оно не похоже ни на рыбу, ни на птицу. Привкус у него был необычный.

Охота на птиц стала основным промыслом островитян и в течение многих лет оставалась единственным источником их дохода. Даже в наши дни, когда наступает сезон охоты, все возбуждено. Выезд на «птичий остров», риск, которому подвергались во время охоты предки островитян (ведь они не были скотоводами или фермера-

ми, а были лишь примитивными охотниками), будоражит воображение.

Судно Джима Робинсона стояло под погрузкой на пристани Кейп-Баррена, принимая на борт охотников, собаку, котенка, башмаки, миски, сковородки, котелки, чайники, детскую игрушечную машинку, тюки со спальными принадлежностями, вязанки дров. С самого утра бесконечным потоком шли груженные подводы. Быстрый мягкий островной говор становился все более отрывочным и превратился в звуковую стенографию. Порой он звучал словно какой-то неведомый язык.

Ожидая своей очереди, островитяне жевали листья ксанторреи, сосали сладкий красный сок пигфейса (*Musembryanthemum*), ели желуди.

Все эти лакомства показались мне неприятными на вкус, за исключением, пожалуй, ксанторреи (она напоминала сладкую кукурузу и была вполне съедобной). В 1912 году в проливы отправилась научная экспедиция и в качестве подарков детям привезла зубные щетки и пасту. Тут члены экспедиции выяснили, что у восьмерых из двадцати пяти детей превосходные зубы, в то время как в порту Мельбурн хорошие зубы приходится на одного ребенка из пятисот. Предполагают, что на состояние зубов положительное влияние оказывают плоды дикорастущих фруктовых деревьев, которыми питаются островитяне.

На пристань продолжали прибывать телеги, подводы, груженные мукой и банками с порошковым молоком. Здесь же болтались и гремели чайники, котелки, сковородки. Многие семьи уже несколько дней ютились в кустах неподалеку от берега в ожидании корабля. Женщины устроились на пригорках и оттуда флегматично поглядывали на море. Они казались неприветливыми. Однако я вспомнила, что многие из тех, кто побывал среди островитян полтора века назад, писали: «Островитяне весьма сдержанны и даже кажутся надменными, пока с ними не заговоришь».

Я подошла к островитянкам, поздоровалась с ними, и мы вскоре подружились. Больше всех мне понравилась Беатрис Эверетт. Наступило время отлива, и, поскольку дно здесь было каменистым, корабль стоял на якоре в море. Миссис Эверетт предложила мне отобедать у нее дома.

Мы разместились на подводе, и старая кляча медленно потащилась вверх по песчаной дороге мимо кладбища, через кустарник, который порой смыкался над нашими головами. Телегу трясло и подбрасывало, и я ухватилась за миссис Эверетт, чтобы не вылететь.

Жилище Беатрис напоминало обычный деревенский дом, но у него было свое название — «Лесная гирлянда». В доме имелись три спальни, ванна и умывальник. В нем было уютно и безукоризненно чисто. Повсюду в вазах стояли цветы. Сестра хозяйки дома, Минни, встретила нас на пороге. По дому она ходила в черном итальянском переднике, а на случай, если придет гость, держала наготове белый, накрахмаленный. Минни от рождения была глухонемой, но с ней было удивительно легко, и мы общались с помощью жестов и улыбок.

На пристань мы возвращались на той же телеге, и так как сильно трясло, то я предпочла ехать, стоя на коленях и опираясь на руки. Минни присоединилась к нам, ей нужно было попасть на остров Бейбел. Далтон Эверетт, сын хозяйки, остался со своей женой (она белая) дома приглядывать за овцами. Чтобы удобнее устроить меня на телеге, Минни предложила мне плед, но пользы от него никакой не было, даже спустя несколько дней у меня все еще побаливали колени.

Прибыв на место, мы увидели такую картину: пол в нашей кают-компании буквально ходил ходуном. Ребята Брайни старались всюю, гитары, банджо и барабан отбивали ритм — танцы в Кейп-Баррене были в самом разгаре. Помещение украсили ветками эвкалипта, зеленью *якки* и цветами. Ни Уну, жену учителя, ни меня никто не приглашал танцевать. Островитяне неловко толклись в дверях. Приехал Эрик Мейнард («черный, как ваша шляпа», так он говорил о цвете своей кожи) и направился к нам.

— Ах, бедные наши дамы, они без кавалеров, — советовал он и пригласил на вальс Уну.

Вскоре в зал вошел Лидэм и позвал танцевать меня. К пристани причалил «Прион». Весть о танцах облетела округу.

Оттенки кожи у островитян самые разные: светлый, оливковый и иссиня-черный, глаза — от голубых до темно-карих. Наиболее чувствительно к своему положению полукровок относятся светлокожие люди. Чем темнее у

островитян кожа, тем менее их волнует, как они выглядят.

При частых контактах с островитянами постоянно удивляешься, как они сохранили привычки и характер своих предков. Во время прилета птиц они круглые сутки проводят на охоте, от обилия пищи толстеют, запасов не делают, а в голодное время, между Новым годом и мартом, покорно и терпеливо переносят голод.

У себя на островах стрейтсмены не придают значения цвету кожи. Но все чаще и чаще им приходится сталкиваться с внешним миром, причем на крупных островах чуждые им взгляды уже дают себя знать. Например, Беатрис, с которой я подружилась на Кейп-Баррене, нельзя было зайти со мной в кафе на острове Флиндерс в «зал для белых». Мы выпили пива на улице, после чего она, улыбнувшись, ушла в зал для полукровок.

Эрик, «черный, как ваша шляпа», ловко и охотно выполнив мою просьбу, обычно спрашивал: «А теперь, Пэт, скажите, чем я не белый?» Мы вместе смеялись над убеждением, что на благородный поступок способен только белый человек. Эрик, по крайней мере внешне, не страдал комплексом неполноценности из-за цвета кожи. Для меня, конечно, это тоже не имело никакого значения. Но ведь мир белых — не одна я...

Двоюродный брат Эрика, Лидэм, также спокойно относился к цвету своей кожи. Он был самым красивым из всех белых и чернокожих людей, которых мне довелось встречать в своей жизни. В свое время он был чемпионом по боксу. В войну служил сержантом в австралийской пехоте на Ближнем Востоке и на островах Тихого океана.

— Как-то в каирской забегаловке, — рассказывал мне Лидэм, — ко мне подошел американец и, взглянув на мою нахлобученную на лоб форменную шляпу, предложил: «Выпьем, парень?» Когда я поднял голову, он, увидев мое лицо, воскликнул: «Кто ты по национальности? Я-то думал, что ты австралиец». Видели бы вы его! А я поначалу и не понял, что он имел в виду. Мне всегда казалось, что я такой же, как все...

Цвет кожи у Лидэма — иссиня-черный. Однако он не придавал ее цвету никакого значения, но именно это было причиной того, что он оказался затерянным меж

двух миров — нашим, спешащим, разделенным на касты и традиционной неспешной жизнью островов.

То же самое ощущала и миссис Н. — она просила не называть ее имени и не фотографировать. Она даже уткнулась головой в колени.

— Почему? — спросила я.

— Из-за детей. Мы с мужем, как только дети подрастали, заставляли их уезжать на работу в Лонсестон. Двое из них уже женились на белых девушках, и их жены не знают, что мы — смешанных кровей. Они просто считают нас островитянами.

Как-то при мне двое мальчишек затеяли ссору, а потом пустили в ход кулаки. «Я тебе вломлю!» — крикнул один. «Ну-ка, попробуй, — запетушился другой. — Вот я уеду и вернусь белым человеком, тогда посмотришь!»

Охотники на тюленей вынуждены были осесть на бесплодном клочке земли, не пригодном ни для каких занятий. В наши дни мы впервые дали понять, что они неполноценные, метисы, что к ним относятся с презрением и, более того, ими могут помыкать даже те, кого они в свое время не приняли бы в свою общину.

— Пришло время, когда любой, в чьих жилах нет смешанной крови, может над нами командовать, — сказал мне Лидэм, — а ведь за пределами острова такой человек иногда находится на самой низкой ступеньке общества...

Коренных жителей Тасмании — людей, стоявших на низкой ступени развития, — давно не осталось. И лишь в жилах стрейтсменов течет их кровь.

Глава IV

И ШВЕЦ, И ЖНЕЦ, И НА ДУДЕ ИГРЕЦ

— Вы все знали этого человека, — произнес Чарли Сэвилл. — Вы лучше меня знаете, каким был Джордж при жизни.

Чарли не искал особых слов. Он совершил похоронный обряд и говорил о загробной жизни, в которую верил. Его добрые слова о покойном были так же просты, как и процессия к могиле на острове Кейп-Баррен.

Жена Чарли, Уна, — медсестра (у нее три диплома). Она обрядила усопшего. Чарли, школьный учитель, покрыл покойника саваном и сделал гроб. Когда наступило время предать тело земле, мужчины вынесли гроб на улицу, поставили на телегу, и лошадь направилась от дома к дороге, а за ней следом двинулись все островитяне.

Маленькая деревянная церквушка в Уголке была открыта. Уна играла на органе, украшенном по поводу похорон.

Вот и кончился день,
Опускается ночь,
И по небу скользнули
Вечерние тени.

Гроб стоял на четырех стульях из кухни Уны.

Когда Чарли закончил службу, мужчины снова поставили гроб на телегу, и вся процессия направилась к кладбищу. Впереди шагал небольшого роста дряхлый могильщик Аки Мэнселл. Он еле двигался и все время отставал от старой лошади. Казалось, что не он ведет лошадь, а она подталкивает его сзади. Лошадь даже наклонилась над ним и ткнула его носом. Тогда старик, словно высеченный из красного дерева, понимая важность своего положения, оттолкнул голову лошади. Однако дорога (ноги тонули в глубоком песке) так вымотала Аки, что, пока шли к кладбищу, он уже не сопротивлялся, когда лошадь опускала ему голову на плечо.

За подводой шло все население острова, дорога была узенькой, и люди шагали через кусты по обе стороны дороги. Два мальчика расшалились и стали бросать друг в друга камешками, однако матери быстро одернули их.

— Ведите себя как следует, а то вас увезут с острова, — строго прикрикнули они на детей. Они сказали это так, будто «увезти с острова» было самым большим наказанием.

На кладбище уже была готова могила глубиной около двух метров. Почва здесь твердая, и не всегда удается вырыть глубокую могилу.

Снова слово взял Чарли Сэвилл:

— Господь бог говорит, что тот, кто верует в него, продолжает жить и после смерти.

Вокруг были могилы детей и моряков. На одной из них виднелась надпись:

Спи, мой любимый. Спи и будь спокоен. Священной памяти Адама Ньюита, утонувшего 13 октября 1895 года в возрасте 49 лет.

Рядом я увидела другое надгробие со словами:

Памяти капитана Джеймса Маллигана, утонувшего во время крушения 40 лет от роду. 13 октября 1895 года. Также памяти Оскара Акленда из Швеции. Покойтесь в мире.

Могилу Джорджа уже зарыли. Женщины и дети подошли и возложили на нее венки и цветы. Среди них виднелись и букетики из хрупких полевых цветов. Это был печальный день, ведь все здесь знали покойного, многих связывали с ним родственные отношения. На Кейп-Баррене только одного Чарли звали мистером. Мистер Сэвилл получал зарплату за то, что обучал в школе около тридцати учеников. Однако на этом круг его обязанностей не замыкался. Одновременно он выполнял функции констебля, священника, могильщика, радиооператора и механика местной электростанции мощностью четыре с половиной лошадиные силы (она подавала электричество в церковь и в здание школы). Сэвилл был также библиотекарем, уполномоченным во время проведения выборов и даже сапожником. Ему приходилось резать овец, доить коров, выращивать овощи, по необходимости становиться адвокатом, выполнять светские обязанности, заниматься финансовыми вопросами. Искусный лодочник, он доставлял островитян на суда, которые не могли подойти к пристани.

Местные жители рассказали, как однажды с пристани упала корова и Чарли нырял за ней. О нем говорили: «Этот умеет все». Капитан местной футбольной команды подзадорил команды «белых» с острова Флиндерс бросить вызов кейп-барренцам. Во время игры возбужденные островитяне кричали:

— Молодец, Чарли, так их!

Его жена Уна вела в школе уроки кройки и шитья. Она играла в церкви на органе, ухаживала за больными. Много умела жена Чарли, на каждом шагу она демонстрировала навыки, которые так необходимы женщине в повседневной жизни.

Как-то ночью, когда мы уже крепко спали, раздался

громкий стук в дверь. Это пришел один из Мейнардов. Дело в том, что у них заболел отец. Он попросил Уну, чтобы она поехала с ним к отцу, так как старик мучился уже несколько дней.

— Почему они раньше не прислали за вами?— удивилась я.

— Не знаю. Вы не представляете себе, что такое быть медсестрой на острове, — сказала мне Уна, когда мы вместе с Мейнардом усаживались в телегу.

По дороге нас швыряло из стороны в сторону, трясло, подбрасывало, и санитарная сумка Уны подпрыгивала. Когда мы свернули с дороги, со всех сторон нас обступили деревья. Приходилось то и дело пригибать голову, чтобы ветки не оцарапали лицо. Телега громыхала, тряслась и раскачивалась.

За деревьями дома не было видно. Не представляю, как он выглядел при дневном свете, но ночью мне показалось, что дом прячется в густом кустарнике. Придерживая ветки, возница жестом пригласил нас в дом. Своим домашним он крикнул:

— Она здесь.

Сгибаясь в три погибели, мы еле протиснулись в низенькую дверь. Уна приступила к работе при тусклом, мерцающем свете. Старик лежал на полу. Заболевание его не было серьезным. В этой комнате находилось еще несколько человек. Их присутствие скорее угадывалось, чем ощущалось, хотя никаких звуков они не издавали. Я стояла, боясь шелохнуться. Вдруг прямо возле моего уха кто-то закашлял. Мне показалось, что кашель раздался где-то под потолком. Я взвизгнула и отскочила в сторону.

— Видимо, кто-то лежит на полке, — успокоила меня Уна. Она продолжала оказывать помощь больному.

Мне же казалось, что вдоль стен витают какие-то тени. Я очень обрадовалась, когда снова оказалась в телеге и она загромыхала по дороге при таинственном свете наступающего дня.

На следующий вечер возле школы произошел скандал. Два молодых парня целый час ругались друг с другом. Правда, все обошлось без потасовки. Вокруг них собрались зрители, многие ради такого зрелища пришли сюда издалека.

В связи с этим событием я вспомнила рассказ о том,

как в 1840 году в поселении на острове Флиндерс два аборигена сошлись на «дуэль ругани». Они стояли друг против друга, нос к носу, со скрещенными на груди руками. При этом оба неистово мотали головами, гневно и громко кричали до тех пор, пока не прошел гнев. Надо сказать, что зрелище «дуэли» возле школы Чарли не занимало, а Уна чувствовала себя усталой от вчерашней поездки. Наконец, когда терпение его истощилось, Чарли вскочил с кровати, выбежал за ворота и встал между парнями — они даже убежать не успели.

Чарли Сэвилл — самый уважаемый человек на Кейп-Баррене. Они знали, как он умеет вершить правосудие, уже были наслышаны об этом. Когда Чарли пришел в школу на свой первый урок, огромный детина лет шестнадцати попытался высмеять нового учителя перед всем классом.

— Садись и успокойся, — приказал ему Чарли.

— Кто это там говорит? — ехидно спросил грубиян.

— Я говорю, — ответил Чарли и усадил его в проходе между партами.

Во время второй мировой войны Чарли был летчиком, а когда наступило мирное время, чтобы хоть что-то заработать себе на жизнь, ему приходилось наниматься рыть картофель. Все это говорило в пользу Чарли Сэвилла, которого на острове знали и любили.

В хобартском архиве есть сведения о том, что шестьдесят лет назад единственным желанием тасманийских аборигенов было после смерти «в следующем своем рождении явиться на остров в Бассовом проливе белым человеком».

Не далее как в 1910 году проводились раскопки на Ванситтарте и Тинкеттле: искали скелеты. Говорят, в мире сохранился лишь один целый скелет тасманийского аборигена. Он находится в музее Хобарта. Европейские ученые охотно платили большие деньги за такие скелеты и в свое время вывезли их немало. Однако до наших дней сохранить их не удалось.

— Глубокой ночью наши люди выкопали останки женщин, родоначальниц нашего народа, и захоронили их на родных островах. Теперь-то уж их не найдут.

Я спросила, как же потомки смогут обнаружить эти могилы, когда не станет ни Аки, ни стариков.

— Мы все скоро покинем этот мир. Наша раса, едва

зародившись, уже исчезает. Так что это никого не будет волновать. Однако вам я скажу, каким образом мы узнаем эти могилы. Если вам удастся побывать на каком-нибудь заброшенном острове, то вы сразу же их узнаете.

К сожалению, они так и не попались мне на глаза. Думаю, от захоронений не осталось и следа, поэтому я могу теперь раскрыть секрет, который поведал мне старик. Делаю это, не опасаясь нанести кому-либо вред. Старик сказал, что возле могил они сажали трилистник.

— Если вам встретится продолговатый кусок земли, поросший трилистником, значит, перед вами могила нашего предка. Сюда принесли его наши люди, чтобы спасти его останки от белых.

Однако ведь трилистник мог погибнуть или, наоборот, разрастись за эти годы километра на полтора, а старого Джорджа Мейнарда и Аки Мэнселла уже нет в живых. Видимо, последнее пристанище родоначальниц этого народа, некогда скользивших по скалам в поисках тюленей, навсегда останется тайной. Да и вряд ли европейских ученых волнует сегодня вопрос, куда пропали скелеты этих женщин.

Глава V

ДВА МИРА

На острове Флиндерс изгнанники, представители народа, который до прихода сюда европейцев не умел даже добывать огонь, издавали свою газету. Редакторами «Флиндерс Айленд Кроникл» были Томас Брюн и Уолтер Джордж Артур.

Газета выходила по субботам, переписывалась от руки на листах сложенной бумаги и стоила два пенса. Она была посвящена проблемам аборигенов.

Некогда жила здесь маленькая Матинна, простая темнокожая девушка. Однажды леди Джейн Франклин повезла ее в резиденцию губернатора, там девушку приглашали танцевать. Была еще престарелая Труганини (ее называли Лалла Рук — Лепесток Тюльпана, по имени прекрасной восточной пророчицы), которая позволила себе ткнуть своим черным пальцем его превосходитель-

ство губернатора в живот и упрекнуть за «слишком много ужина».

Что ж, плачьте, защитники темнокожих, которым дали возможность показать, что они не отличаются от белых. Не отличаются? Тогда что сказать о Матинне, которая в конце концов превратилась в пьяницу и умерла в жалкой хижине от чахотки? А что стало с теми, которых вернули с острова Флиндерс? Не они ли продавали последнее одеяло за глоток рома и умирали, униженные и опозоренные? Скажите, разве они ничем не отличаются от белых?

Вся трагедия в том, что различие было, и было оно огромным. Они были такими, какими могли бы стать и мы, окажись отрезанными от всего мира на такой длительный срок, что даже в наших сказаниях и легендах не осталось упоминания о том времени, когда мы были оторваны от остального человечества. Причем в таком состоянии мы пребывали бы на протяжении веков. За это время весь мир уже знал колесо и бумагу, Христа и Будду, научился лить бронзу и делать из глины посуду, а мы все вели бы борьбу за существование на острове, где нет животных, которых можно одомашнить, нет растений, которые можно культивировать, а вся наша деятельность сводилась бы к добыче пропитания, сохранению тепла и отчаянным попыткам выжить.

Смогли бы мы выжить в таких условиях? Ведь известны случаи, когда человек, потерявшись в лесу, не мог продержаться там и нескольких дней. Способность заблудиться уже говорит о нашей неполноценности. Европейцы гибли в лесах Австралии от голода и жажды, хотя и пища и вода были под рукой, их только надо было поискать.

Такое сравнение не совсем правильно. Аборигены жили в этих местах в течение тысяч лет, так что трудно требовать от европейцев незамедлительной приспособляемости к данным условиям — это должно происходить постепенно, в течение определенного времени. Нельзя поэтому ожидать, чтобы аборигены быстро адаптировались к нашему окружению, которое для них — те же непроходимые джунгли.

Мне приходилось наблюдать аборигенов в естественных условиях и встречаться с теми из них, кто познал «прелести» цивилизации, но ни один местный житель

никогда не ожидал от белого человека, что тот быстро усвоит их уклад жизни. Они понимают, что это требует времени. Мы же познакомили их с одеждой, поселили в хижины, рассказали, кто сотворил мир. И вот перед нами уже не первобытный человек, а почти горожанин.

Иногда мне кажется, что всякий, кому во что бы то ни стало хочется привлечь к себе внимание общественности, берет под «защиту» именно кейп-барренских островитян. Есть и такие, кто знает островитян мало и судит об их жизни весьма поверхностно. Я имею в виду политических деятелей. Они обычно отправляются туда на каком-нибудь почтовом судне, которое делает на острове получасовую остановку. На берегу эти деятели видят чистый пустой склад, беседуют с десятком мужчин, которые всегда греются на солнышке и наблюдают за приходом почтового судна.

— Вот люди, которые хотят работать. Какие же действия предпринимает в этом направлении правительство? — мечет грома оппозиция. (Уважаемый член парламента, вам следует знать, как действуют на человека праздные мечты.)

Есть на Флиндерсе люди, которые провели на острове несколько месяцев, а то и годы, претворяя в жизнь Схему солдатских поселений (Soldier Settler Scheme). На участках расчищенной земли они возводили дома и заборы. В этих домах селились семьи военных, отслуживших в армии. Рабочие-строители посещают Кейп-Баррен редко, но они встречают островитян в отеле Уайтмарка и увозят с собой самые ужасные, обычно правдивые рассказы, из которых следует, что островитяне — бездельники.

В течение последнего десятилетия некоторые писаки превратили проблему аборигенов в эпидемию, причем в их выступлениях много шума, но пользы мало и никакого понимания этого вопроса. Принято говорить, что Австралия «скачет верхом на овце». А вот писаки оседлали бедных аборигенов и, поскольку чистокровных местных жителей осталось немного, обратили свои взоры на смешанные колонии.

Конечно, я не имею в виду тех писателей, которые занимались изучением этого вопроса систематически и кому довелось соприкоснуться с ним на практике. Некоторым из них даже удалось опубликовать свои работы,

которые привлекли внимание читателей и вызвали их сочувствие к проблемам аборигенов.

Я сержусь, когда мне приходится слушать публичные лекции или выступления по радио или телевидению тех, кто с невероятным высокомерием несет всякую всячину об этих людях и о самой стране, дезинформирующую слушателей.

Хотя до сих пор островитяне в какой-то мере остаются для нас загадкой, они похожи на мулатов во многих частях света, где они не подвергаются откровенному гонению. После того как поживешь среди них подольше, хочется спросить: не слишком ли многим мы пожертвовали ради цивилизации?

Что можно сделать для кейп-барренских островитян? Даже изучая их в течение двенадцати лет, я не осмелилась бы сказать, что знаю ответ. Единственное, в чем я твердо уверена, так это в том, что в любых начинаниях нужна последовательность, хочется верить, что правительство Тасмании не забывает об этом. Оно не пытается какими-то соблазнами удержать людей на острове (насколько мне известно, лишь двое занялись земледелием) и даже оказывает содействие тем, кто хочет уехать. Вместе с тем оно не предпринимает никаких усилий, чтобы как-то изменить ситуацию.

Вряд ли следует осуждать аборигенов, не желающих покидать свои жилища, какими бы убогими и запущенными они ни были. Постоянно слышишь призывы «доброжелателей» переселить островитян в Тасманию, где они ассимилируются с местным населением.

Вправе ли мы перемещать людей с их исконных земель на более благоприятные, с нашей точки зрения, участки? Правительство поступает разумно, не предпринимая поспешных решений. Однажды мы уже недопустимо поспешили, за что и были осуждены навечно. Хочется надеяться, что напыщенные проповедники и болтуны не добьются того, чтобы правительство изменило свою политику.

В жизни островитян большую роль сыграли несколько женщин. На заброшенном острове Бэджер стоит полуразрушенный памятник одной такой женщине, о которой до сих пор рассказывают легенды.

На склоне горы, нависшей над Бассовым проливом, среди деревьев находится могила Люси Битон. Это ее

епископ Никсон назвал «величайшей из женщин, с которой мне когда-либо приходилось встречаться». Судя по запискам епископа, она была «благородного вида, полнокровной, величественной и в свои двадцать с небольшим лет весила 146 килограммов».

Люси Битон — дочь англичанина Джеймса Битона и чистокровной тасманийской аборигенки Эммеринны. Она жила на островах Фюрно в те времена, когда островитяне стали причиной того, что этот район начали называть Проливом Отчаяния.

Среди первых поселенцев на островах оказались в основном полуграмотные мужчины. Иные и вовсе не умели ни читать, ни писать. Однако среди них был один, который, по слухам, до приезда в колонию и до женитьбы на аборигенке получил университетское образование в Великобритании.

Отец Люси Битон родился в Лондоне в семье ювелира. Он регулярно получал денежные переводы через лонсестонского адвоката. Имея такой источник дохода, он построил просторный дом и смог хорошо обеспечить свою семью.

Джеймс Битон (настоящее его имя — Айзаакс), прибыв на острова Фюрно, последовал примеру каторжников, бежавших от правосудия или слишком сурового кодекса, — взял себе другое имя. Его стали звать Битон или Бидон.

На Фюрно он появился в 1827 году вместе с женой Эммеринной, которая, как полагают, была из племени, обитающего на северо-западе Тасмании. В документах того времени о причинах, по которым Битон мог искать убежища на островах, ничего не говорится. Историки называли его «соотечественников» флибустьерами, беглыми каторжниками и дезертирами с кораблей, «искавшими убежища на островах, где закон не мог достать их». Битона к тому сорту людей отнести нельзя. Видимо, он искал пристанища на островах из-за своей связи с аборигенкой, ведь именно в то время тасманийские аборигены подвергались уничтожению.

На острове в Бассовом проливе Битон и Эммеринна чувствовали себя в безопасности. К острову не могли даже близко подойти суда: он был прекрасно защищен песчаными банками, перемещающимися отмелями, подводными скалами. Его побережье прославилось как одно

из самых опасных мест на земле. В наши дни торговые суда, оснащенные радарными и эхолотами, осторожно обходят острова. Бывает, что и современные приборы оказываются беспомощными перед приливами и отливами, зыбким песчаным дном. В прошлом веке правительство отправило в эти края корабли, чтобы выловить на островах охотников на тюленей и их темнокожих жен. Однако сладить с островитянами, отлично знающими местные навигационные условия и ловко плавающими на плоскодонках, им так и не удалось.

У Эммеринны родились два сына и две дочери. Битон уделял детям большое внимание. Он учил их читать, писать и в какой-то мере дал им образование.

У епископа Никсона (он прибыл на острова в 1854 году на шхуне «Бикон» из Хобарта) при первой же встрече с семьей Битона сложилось о ней весьма благоприятное впечатление. Позднее он написал увлекательную книжку под названием «Морское путешествие на „Биконе“, 1854 год». Надо сказать, что епископ был из тех людей, которые в каждом человеке прежде всего видят хорошее, и это ощущается в его записях.

Чтобы преодолеть коварные прибрежные воды, омывающие острова, на борт шхуны в качестве лоцмана взяли старого охотника на тюленей, который плавал до этого только на вельботе. Неожиданно шхуна стала как вкопанная: она села на мель. Епископ сделал в своем дневнике такую запись: «Уже почти стемнело, когда к нам на помощь приплыл на лодке один из охотников».

Битон отвез путешественников на остров Ганкэрридж. В записях епископа говорится о шторме, в который попала шхуна по пути к острову, и о «железной хватке могучего Бидона». На острове их гостеприимно встретили местные женщины. Далее епископ писал: «Сковородка, полная картофеля, стояла наготове. Осталось поставить ее на огонь. Громадный кусок козлятины жарился в каком-то невероятном сооружении, которое служило печью. Приветливо булькала кипящая в чайнике вода».

На острове епископ посетил дом «величайшей из женщин, с которой мне когда-либо приходилось встречаться. Эта женщина была весьма великодушной и доброжелательной к людям. Она очень религиозна, настоящая христианка. Люси дала себе обет — сеять доб-

ро; ежедневно собирая у себя детей охотников, она пыталась дать им элементарные знания о жизни и религии».

На следующий день после своего прибытия на остров епископ отслужил там службу. Вот что он писал об этом в дневнике: «Бидон заколол козла для гостей с других островов и развел сигнальный костер». С близлежащих островов на лодках привезли детей для обряда крещения и приехала одна пара венчаться.

В воскресенье 8 октября, в 10 часов утра, на молитву собралось двадцать восемь островитян. Епископ Никсон чувствовал глубокое удовлетворение. Объясняя прихожанам причину своего визита на острова, он сказал:

— Я решил посетить острова в Бассовом проливе не потому, что здесь живет много людей. Горько сознавать, что те немногие семьи, которые обосновались в этих краях, лишены возможности присутствовать на богослужении.

«Мне кажется, что люди смешанной крови обычно простодушны и благородны. Мужчины трезвы, энергичны и умны, женщины скромны и застенчивы. Пьянство тут почти неведомо и сурово осуждается. Все жители острова пришли на берег, чтобы проститься и пожелать нам доброго пути. Люси Бидон и ее золовка подарили нам раковины и морские водоросли.

Одна из женщин принесла печень, раковину и ожерелье из ракушек. От козлятины мы отказались».

Семью Битона упоминает в своей книге и представитель духовенства, посетивший острова в более позднее время. Это был Браунриг, автор «Морского путешествия на „Фрике“ в 1872 году». На службу, которую Браунриг провел в воскресенье 25 февраля 1872 года, на остров Баджер, где жила семья Битона, со всех островов съехалось пятьдесят шесть островитян. По окончании службы священника «поднял над водой и перенес в лодку на своих широких и крепких плечах» его друг Битон. Это был Джеймс Битон, сын ныне покойного старого охотника.

Браунриг поведал Люси Битон о печальной истории несчастной Труганини, последней тасманийской аборигенки, одиноко влачившей жалкое существование в Хобарте. В свою очередь, Люси попросила Браунрига договориться с правительством Тасмании о разрешении для

Труганини вернуться на остров, где она могла бы провести остаток своих дней в обществе соплеменников. Люси послала Труганини письмо, в котором приглашала тасманийку поселиться в ее доме. Однако Труганини была уже не в состоянии покинуть Хобарт, дни ее были сочтены.

Люси так и не вышла замуж. У нее оказались удивительные способности к коммерции. Она отлично проводила сделки с лонсестонскими купцами. В те времена островитяне редко отправлялись на лодках в Лонсестон в одиночку, чаще всего они пересекали пролив целой флотилией. Обычно Люси плавала вместе с ними, и островитяне величали ее командиром. Она сама прокладывала курс и назначала час отплытия. В своей книге Браунриг так описывает лодки островитян: «Эти островитяне — отменные моряки и часто носятся на своих лодчонках в Лонсестон или Мельбурн, причем паруса и вся оснастка держатся у них на честном слове. Нередко паруса связывают травой. Когда мы шли из Чаппела на остров Гуз, они заткнули дыры мылом, но вода все равно быстро набиралась. Всю дорогу мы вычерпывали воду из лодки».

На острове Баджер на могиле Люси Битон, которая плавала с этой «сумасшедшей флотилией», вы можете увидеть простое полуразрушившееся надгробие. Говорят, в конце жизни Люси носила бороду и курила трубку.

Первый Джеймс Битон умер на острове Ганкэридж 7 января 1867 года в возрасте 69 лет. На островах после его смерти о нем ходила любопытная легенда. Вот один из вариантов этой легенды. В ней утверждается, будто Битон был английским графом. «Представитель закона» из Лондона вызвал его семью в Лонсестон, чтобы они унаследовали его «титул». Однако, когда власти увидели цвет их кожи, им отдали во владение остров Баджер. Факты говорят о том, что семья Битона прожила на острове до 1946 года, а потом продала его скотоводческой компании. Члены семьи разъехались по разным островам, а Баджер стал необитаемым.

На тысяче гектаров Баджера теперь пасется около двух тысяч овец и примерно около сотни голов крупного рогатого скота гересфордской породы. Один из основных держателей акций компании, Альф Стакхауз, время от времени прилетает на остров на маленьком

спортивном самолете и разбивает палатку на месте бывшей усадьбы Битона.

Однажды мне пришлось заночевать на Баджере в полном одиночестве. Торговое судно, на котором я добралась сюда, из-за шторма не могло вечером за мной зайти. В лунную ночь я пошла на могилу Люси. Ветер шелестел листвою. Я сидела в высокой, о чем-то шепчущейся траве и думала о предках островитян. Возле могилы Люси — два холмика, ничем не приметные, если не считать разросшейся здесь домашней герани, такой же непокорной и безыскусной, как и люди, которые в них покоятся.

Утром за мной с торгового судна прислали лодку. Моряки поинтересовались, не было ли мне страшно на таком острове одной. Я вспомнила слова Роберта Грейвза, что в местах, где разыгрывались страсти, зло и беспокойство исходят от земли, деревьев и окружающей природы. Однако ничего подобного я здесь не ощутила.

Понимая, что в мою смелость моряки не поверят, я ответила, что ночью мне было страшно и одиноко, и это было правдой. Я действительно испытала страх, но не тот суеверный, который они имели в виду. Просто меня испугало нашествие мышей, ящериц и, по-моему, тараканов. Они ползали по стенам коттеджа, где я разложила на ночлег свой спальный мешок. Я с ужасом следила за тем, как они карабкались по стенам, каждую секунду угрожая свалиться мне на голову. Я то и дело просыпалась, мне мерещились прикосновения к моему лицу множества крошечных лапок.

Однажды меня спросили, не боюсь ли я летать на Баджер на стареньком спортивном самолете. Один и тот же вопрос — не страшно ли плавать на лодке, пароходе, летать на маленьких самолетах — преследовал меня во время моего путешествия. Конечно, чтобы добраться до нужного пункта в такой местности, всегда идешь на риск. Однако ни разу я не испытала чувства недоверия к транспорту, на котором путешествовала, или к мастерству рулевого.

Когда говорят о способах передвижения по непрото-ренным дорогам, в памяти возникают разорванные паруса и куски канатов, а не новенькие, блестящие, ласкающие глаз машины в больших городах. На Фюрно транспортные средства не привлекают внимания своей от-

делкой, однако моторы самолетов и судов проверяются здесь так же тщательно, как и громадных воздушных лайнеров, взмывающих в небо со взлетной полосы аэропорта Кеннеди, или морских лайнеров, уходящих из Саутгемптона. Пилоты и моряки проходят такой же курс обучения, сдают экзамены и получают такие же дипломы, как навигаторы и летчики всех континентов.

Поэтому летать на маленьком самолете на Баджер так же нестрашно, как и на реактивном в Гонконг, где мне довелось пережить много неприятных моментов. Как-то один моряк сказал мне:

— Не море топит хороший корабль, а земля.

То же самое может сказать и пилот одномоторного самолета:

— Не небо губит хороший самолет, а земля.

Уолтер Битон, сын Джеймса Битона, о котором упоминал Браунриг, и внук Джеймса Битона и Эммеринны, умер в возрасте 80 лет. Он был последним, в ком текла кровь тасманийских аборигенов. Однажды, когда я фотографировала его, он попросил:

— Смотри, Пэтси, чтобы на снимке получились все мои волосы.

Уолтер очень гордился своей густой седой шевелюрой.

— Хорошо, Уолтер, я постараюсь, чтобы на снимке получилась вся голова, — пообещала я старику.

— Шут с ней, с головой, лишь бы волосы получились, — настаивал Уолтер Битон.

Глава VI

«ЧЕРНЫЕ ТИГРЫ»

Однажды, когда мы пришвартовались в Уайтмарке, Алек и Человек, Который Стрелял По Туалетам исчезли. Судно ушло без них.

— Если этих ребят схватят на острове, их ждет большая неприятность, — сказал Пит.

— Сами виноваты.

И мы уплыли — капитан, юнга и я.

Остров Флиндерс со всех сторон окружен островами.

Их сорок один, и они входят в группу Фюрно. Одни из них по размеру не более маленького дворика, другие занимают площадь более 400 квадратных километров, есть среди них плоские, встречаются и гористые. Лишь немногие обитаемы, на остальных когда-то были поселения. На этот раз мы отправились на остров Чаппел, который словно пирамида возвышался над морем. Мэтью Флиндерс назвал этот остров именем Энн Чаппел, на которой он впоследствии женился.

— Давай сюда, — приказал капитан Лес, когда мы подходили к острову. Поскольку Пит был чем-то занят на полубаке, я поняла, что эти слова капитана относятся ко мне.

— Берись за руль, а я пойду помогу Питу! — бросил мне на ходу через плечо капитан. — Держи курс на маленький пляж.

Я схватилась за громадный руль и напряженно впи-лась глазами в остров. Всего несколько минут назад он был так далеко от нас, а тут вдруг оказался совсем рядом. Пожалуй, я разобью корабль. Где же берег? Его не было видно! И воды тоже! Я видела только самую высокую точку острова. В те минуты я ощутила, насколько природа ограничила мои возможности: маленький рост не позволял мне увидеть даже горизонт. Я взобралась на скамейку. Наконец-то я разглядела и тоненькую полосу берега. Нос корабля почему-то все время норовил повернуть в сторону от острова. Я медленно, как руль автомашины, крутила штурвал, и корабль плавно поко-рялся моей воле. Стоять на скамейке, наклонясь над штурвалом, было очень неудобно, и мне не хотелось, что-бы мужчины увидели меня в такой позе. Я взяла за ориентир вершину горы и спрыгнула со скамейки. Как только мачта отклонялась от ориентира, я возвращала ее на место и делала это спокойно. Я решила, что выби-ваться из сил не буду, как это делал Пэдди.

Гора все приближалась, а Лес не давал мне никаких указаний. Я снова взобралась на скамейку, чтобы по-смотреть, куда он запропастился. Вместе с Питом, по-вернувшись спиной к берегу, они возились с якорной цепью. Видимо, все шло как надо, решила я, раз они не обращали на меня внимания. Я спрыгнула со скамей-ки, немного повернула штурвал, подправляя курс.

Моторы работали мерно. В какое-то мгновение мне

показалось, что они заработали быстрее. Еще быстрее? Только вчера морское путешествие казалось мне таким спокойным, а тут меня охватило ощущение, будто мы плывем с невероятной скоростью. Гора быстро надвигалась. Я снова взобралась на скамейку. Лес размахивал и бил обухом по той штуковине, которая держит якорь. Пит свесился за борт, так что его почти не было видно, и что-то выкрикивал насчет якоря. Я тоже решила подать голос:

— Лес?

— Ну?

— Мы... это... направляемся... мне так и держать курс на берег?

— Да. — Он снова застучал, а я слезла со скамейки. Время от времени слышались удары по металлу.

Я снова вскарабкалась на скамейку. Остров был уже совсем близко. Лес то появлялся на полубаке, то исчезал. Юнга разбирал что-то в лебедке, с помощью которой поднимается и опускается якорь. Они не обращали никакого внимания, куда нас несет.

Я слезла со скамейки и немного повернула штурвал. Гора уже нависла над кораблем, я отпрянула. Мне так захотелось домой к маме.

— Лес! — в отчаянии позвала я.

— Ну? — отозвался он.

— Мы приближаемся.

— Приближаемся к чему?

— К тому месту, которое ты указал.

— Дай нам знать, когда подойдем, — проговорил капитан.

Я слезла и приготовилась ждать.

Мотор фырчал чаще, чем обычно. Гора метнулась нам навстречу. Что делать? Может, влезть на скамейку и крикнуть, что я не умею плавать?

— Пэт!

Я подпрыгнула:

— Что?

Это пришел Лес. Он стоял лицом к рубке и, могу поклясться, ни разу не взглянул на остров.

— Где мы сейчас?

— Там.

— Хорошо.

Он сказал, чтобы я повернула маленькое колесико на

стене, слева от меня. Я так и сделала. Мотор заработал медленнее, и судно почти остановилось. Колесико стояло в положении «нейтрально».

— Веди дальше.

Неужели я? Я вскочила на скамейку. Неужели я? Наверное, нет. Пит возился с якорем, подтолкнул цепь, и якорь загремел вниз. Я спустилась со скамейки.

— Ну поверни еще,— командовал Лес.

— Это ты мне?

Я вскочила на скамейку. Ну, конечно же, мне.

— Поверни левее.

Я немного повернула штурвал, мотор начал заикаться, а корабль потянуло назад. Боже! Послышался страшный удар. Пит снова бил топором по какой-то штуковине. Мне бы только убежать отсюда, я бы лучше напрыгала на стол или занялась еще чем-нибудь.

— Вот и достаточно.

И зачем только я родилась на свет?

— Что достаточно?

Пит выпрямился и уставился на меня. По выражению его лица я поняла, что он доволен мной.

— Поставь колесико в положение «нейтрально»,— приказал Пит.

— На «нейтрально»,— снова повторил он.

Я повернула колесико, судно уменьшило ход, затем остановилось.

Лишь позже я поняла, как сумел Лес, не глядя на остров Чаппел, безошибочно определить, где мы находились в тот момент. Оказывается, он ориентировался по островкам, окружающим Чаппел. В этих местах курс корабля часто прокладывали, ориентируясь по мачтам кораблей, высшей точке горы или возвышенности. Так можно было вернее избежать рифов и отмелей.

Наконец-то я осталась на корабле одна. Лес и Пит забрали часть лесоматериалов и вместе с ними отправились на берег. Судно медленно двигалось, наверное, соскочил якорь. Может, на морском языке это явление называется как-то иначе, но суть происходящего от этого не менялась. Корабль шел другим курсом. Когда мы бросили якорь, нос корабля был направлен в сторону берега, а тут он смотрел в сторону моря. Я припомнила советы, которые имеются во всех справочниках путешественников: послунявив палец, подняла его вверх, что-

бы таким образом определить направление ветра. Как я и думала, он дул в сторону носа. Однако мне это ни о чем не говорило.

Я посмотрела на море. По волнам от носа бежала мелкая рябь. И тут я поняла, что корабль несло в открытое море. От страха на моей голове волосы встали дыбом. Что делать? Я представления не имела, как можно остановить корабль. Наверное, надо было повернуть рулевое колесо, но в какое положение? Меня могло унести в океан! Более того, корабль мог наскочить на отмель или врезаться в скалу. Может быть, Лес все-таки догонит меня на лодке. Я бросилась через камбуз на корму, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. И тут я увидела за кормой привязанную лодку и ухмыляющегося в ней юнгу.

— Что, не ожидала? — спросил юнга.

Самое главное было то, что остров Чаппел не отодвинулся от корабля ни на йоту, он стоял на том же месте, где и раньше, не дальше и не ближе. Что и говорить, мне стало явно не по себе.

Я пошла пить чай. Когда я снова вышла из камбуза, нос корабля был повернут к берегу. Будто невзначай я спросила юнгу, почему каких-то полчаса назад нос корабля смотрел в море, а сейчас — в сторону острова. Мне разъяснили, что, когда корабль стоит на якоре, нос направлен в сторону ветра, но в тот день «ветер дул куда попало».

На острове Чаппел змей не так много, как на других островах группы Фюрно, и тем не менее они и здесь доставляют немало хлопот. Преподобный Браунриг в своих путевых записках отмечал, что за восемь лет на острове Грин было убито восемь тысяч змей. На острове Форсит как-то в жаркий день мне довелось увидеть таких толстых змей, что, если я начну их описывать, мой рассказ покажется неправдоподобным. Дело в том, что на этих кишаших змеями островах почти никто не бывал в течение полутора веков, в основном посещали Чаппел.

Леди Джейн Франклин после путешествия на Фюрно в 1842 году предложила щедрое вознаграждение — по четыре с половиной пенса за каждую убитую змею, но их было такое множество, что это предложение пришлось отменить.

С той поры змей практически никто не беспокоил, кроме, пожалуй, случайных наездов охотников на «овечьих птиц». В 1952 году полицейский Лью Бейли с острова Флиндерс (с ним было еще шесть человек), прихватив с собой три ружья и три жезла, отправился на Чаппел. Всего за каких-то часа два им удалось убить 143 тигровые змеи (*Notechis Sentatus*) длиной не менее двух метров.

Ежегодно во время сезона охоты на птиц охотники убивают по несколько змей. Однако это никоим образом не сказывается на численности этих пресмыкающихся. Популяция змей с тех пор настолько возросла, что остров буквально превратился в клубок черных двухметровых тигровых змей толщиной с человеческую руку. С 60-х годов прошлого века на Чаппеле постоянно никто не живет, а до этого в хижинах, крытых травой, на острове проживало несколько семей. Из сохранившихся записей следует, что, когда Браунриг в 1860 году собирал средства для миссии, эти семьи согласились выделить определенное количество масла, жира и «овечьих птиц».

Еще в 1920 году на Чаппеле было тридцать пять навесов, которые построили жители близлежащих островов. К 1939 году их количество сократилось до четырнадцати, а к 1947 году осталось всего одиннадцать. В 1952 году лишь две семьи осмелились бросить вызов змеям.

В 1954 году на Чаппеле Эрика Уэста и Роя Госса, двух весьма искусных охотников, сильно укусили змеи. И хотя здесь была лучшая охота на птиц, после этого события люди перестали приезжать на остров.

С корабля мы заметили на берегу дымок от костра. Как только сошли на берег, мы тут же направились к огню. Однако оказалось, что это не сигнал бедствия. Просто охотники сжигали свое пришедшее в негодность охотничье обмундирование, прежде чем покинуть этот остров.

К тому времени Госс, Уоррелл и Уэст уже были на подходе к острову Флиндерс. На пристани в Уайтмарке мы видели, как они сходили на берег. Госс совсем ослабел и был в полубессознательном состоянии, а Уэст распух от слишком большой дозы противоядия. Уоррелл привез с собой мешок из промасленного шелка. В нем

оказалось двести тигровых змей. Обращаться с ними приходилось с большой осторожностью. Змеи предназначались для лаборатории вакцин и сывороток в Сиднее. Трудно описать ужас, охвативший присутствующих, когда Уоррелл развязал мешок, чтобы показать нам двухметровых змей. Даже самые невозмутимые рыбаки кинулись на заборы!

Нам предстояло забрать с Чаппела бочки. Пока их перевозили на лодках, я отправилась на берег фотографировать змей. Мне рассказали, что здесь даже низкий кустарник называют «лающим», потому что оттуда на нас может «залаять» змея. Некоторые считают, что звуки, издаваемые змеями, скорее напоминают кашель, чем лай.

Лес говорил мне, что змеи так же боятся человека, как и люди змей, но на острове Чаппел это не могло служить утешением. Начитавшись и наслушавшись о змеях всякой всячины, я все-таки оказалась не подготовленной к встрече с ними. Они лежали повсюду, куда бы ни ступала нога. Свернувшись калачиком, эти серые отвратительные существа в блаженной истоме грелись на солнышке. В кустах расположились змеи. Боясь пошевелиться, я стояла на небольшой скале, а надо мной распластались змеи, похожие на хлыст. Любое мое движение было небезопасным. Делала шаг и замирала, потому что они следили за мной своими немигающими глазками. Если я проходила мимо змей или пятилась, они оставались неподвижными, но, стоило только сделать резкий шаг в их направлении, змеи со скоростью молнии выскакивали из кустов или из-под скалы.

Я взяла с собой фотокамеру, и мне удалось сделать несколько кадров. Змеи вели себя перед камерой непринужденно. На своем пути я насчитала тридцать змей. Мне казалось, прошла целая вечность, пока я добралась до ожидавшей меня лодки.

— Мне удалось сделать несколько удачных снимков, — похвасталась я.

— Ну-у, — отреагировал Пит.

— Если не веришь, то полюбуйся на них сам, — посоветовал ему Лес.

Я взглянула на Пита. Видимо, он не сходил на берег. Однако теперь ему придется это сделать, чтобы не ударить в грязь лицом перед нами. С важным видом он на-

правился к «лающим» кустам. Через минуту Пит крикнул мне:

— Где же твои чудища, Пэт?

И вдруг:

— Черт возьми!

Увидев первую змею, он испустил дикий вопль и отпрянул.

Не прошло и секунды, как мы снова услышали:

— Черт возьми!

Дальше он не пошел, а стремглав кинулся назад через кусты. Лес волновался, что, продираясь через кусты, Пит весь исцарапается. Однако остановить его было невозможно. Пит крушил все на своем пути, как бульдозер.

— Посмотрите на них! — заорал он, едва добежав до лодки. — Они такие огромные, такие... просто ужас! Представляете, лежат и смотрят на меня!

Когда мы отчалили от берега, мне было приказано встать к рулю. Лес заверил меня, что все будет в порядке:

— Здесь уж ты никуда не врежешься.

Братья Мортон (на острове Флиндерс им принадлежало старое аборигенное поселение Вибалина) на Чаппеле разводили овец. Однажды, когда нам пришлось ждать на Чаппеле, пока с корабля спустят овец, мы с братьями отправились охотиться на змей. Странное дело — страха как не бывало! Ведь мы как следует подготовились к такому мероприятию, надели толстые гетры, ботинки, плотные брюки. Во время «экспедиции» в мои обязанности входило лишь указывать «охотникам», где прячутся змеи. Мы их не считали — ловили и бросали в мешок, но мне кажется, что их было несколько десятков. Наверное, трудновато насчитать восемь тысяч змей за восемь лет, но именно эту цифру указал в своих записях преподобный Браунриг.

Надо сказать, что на этом змеином острове было и кое-что приятное. Взять хотя бы собаку Мортон Твида — отличную овчарку, натасканную на овец. Как-то во время очередного рейса за борт свалилась овца и поплыла к проливам. Том Мортон отправил за ней Твида. Минут через пятнадцать овчарка пригнала овцу к берегу. Тут ее выловили и втащили в лодку. К сожалению, у храброго Твида был один недостаток: его укачивало.

Поэтому, когда мы возвращались на Флиндерс, он забивался в угол, закрывал лапой глаза и скулил от страха и недомогания.

Помня, за что был списан с корабля Пэдди, я всегда старалась заняться какой-нибудь работой, даже когда мне ничего не поручали. «Тогда никто не посмеет сказать, что мне не место на корабле»,— думала я. Кроме того, мне почти постоянно приходилось кого-нибудь лечить. Я написала матери, чтобы она прислала мне справочник «Уход за больными в домашних условиях» — маленькую, но весьма полезную книжечку. Я изучила его от корки до корки.

В нем говорилось: «Человек, оказывающий первую медицинскую помощь, должен проявлять полное самообладание и такт, быть находчивым в экстренных случаях, не волновать больного. Проявленное сочувствие приносит больному утешение, ободряет его. Помощь следует оказывать незамедлительно, при этом оказывающему ее следует держаться бодро и спокойно».

Думаю, что составители справочника были бы недовольны тем, как я пыталась следовать их советам, но им, безусловно, польстил бы тот факт, что во время рейсов я постоянно обращалась к их труду. Пожалуй, главное, что мне не давалось на борту «Шиэруотера», — это психология.

Первый раз я попыталась проявить полное самообладание, как этого требовало наставление, когда мне пришлось выступить в роли сестры милосердия. В тот день Пит глубоко порезал руку, и я тщательно перебинтовала ее, используя сначала узкий, а потом широкий бинт. Перевязку я сделала вполне профессионально и с гордостью рассказала об этом Лесу, когда тот зашел выпить чашечку чаю. Капитан пошел поглядеть на мою «работу».

Почти тотчас он вернулся.

— Поздно,— сказал он.— Питу пришлось снять повязку.

— Как?

— Она промокла.— Он сказал это так, как будто это само собой разумелось.

Справочник требовал «такта». Да какой в нем толк?

— Хорошо бы промыть рану, чтобы туда не попали микробы,— сказала я Питу.

— Ладно, ладно! Уж не хочешь ли ты сказать, что я грязен как свинья? — отрезал он.

Вот и попробуй прояви находчивость в экстренных случаях!

Валлаби принес аптечку первой помощи. В ней было с десяток бинтов и флакон с антисептическим лосьоном. Аптечкой пользовались, когда нельзя было рассчитывать на чью-либо помощь. К счастью, мне этого испытать не довелось. За моей спиной как бы безотлучно стояли две мои бабушки. Одна из них — шотландка по фамилии Смит. До того как переехать в Австралию, она работала акушеркой, и от нее я усвоила, что свежий воздух обладает огромной исцеляющей силой. Чистоту она не считала настолько важным условием для исцеления. Она верила, что, если больной обеспечен свежим воздухом, здоровой едой и водой, он непременно справится с недугом, будь то тяжелые роды или простуда почек. Другая моя бабушка, Адам, проживавшая в графстве Клэр, была поборницей чистоты, кипяченой воды, жесткой щетки, карболки и поваренной соли.

Из-за этого ее пристрастия к чистоте в детстве мы с сестрой не очень-то любили бывать у бабушки Адам. Она нас мыла и терла губкой до тех пор, пока мы не начинали светиться. Бабушка же Смит посылала нас мыться только тогда, когда за нами должна была приехать мама. Мы тщательно соскребали грязь, глубоко въевшуюся за время наших каникул, и с помощью щетки возвращали волосам первоначальный блеск. Свою теорию бабушка Смит подтверждала тем, что у нее было четырнадцать детей и всех она родила, не прибегнув к помощи акушерки.

— Терпеть не могу, когда вокруг меня суетятся, — говорила старушка.

Репутация системы бабушки Адам имела не менее сильную основу: у нее было десять детей, хотя тут, конечно, не обходилось без врачей, акушерок, кипяченой воды, щеток, карболки и соли.

С возрастом нас все больше привлекала хотя и несколько суетная, но более утонченная система бабушки Адам. Думается, нам с сестрой удалось извлечь из обеих систем наших бабушек самое разумное, что весьма пригодилось нам в жизни.

Я пришла к убеждению, что при открытых ранах аб-

солютная чистота и свежий воздух действуют лучше, чем всевозможные мази и притирания. Если разрез или рана неглубокие, а под руками не оказывалось антисептика, я промывала их соленой водой и даже сыпала на рану соль, что, говорят, «будит зверя», но зато рана дезинфицируется. Я накладывала повязку лишь на короткое время, чтобы остановить кровотечение и не занести грязь, пока рана не покроется новой кожицей. Потом я снимала повязку, и свежий воздух и солнечные лучи довершали дело.

На борту «Шиэруотера» мне приходилось бороться с фурункулами, карбункулами, прыщами. Эти недуги я лечила хлебными припарками.

Однажды мои попытки врачевать окончились неудачей. Этот печальный случай коснулся не только членов команды, но и меня. С тех пор у меня на шее шрамы. У всех нас от соленой воды появились фурункулы. Хочу сказать, что и врачи, к которым мы обращались много раз в разных местах, помочь нам ничем не могли. Мое излечение наступило лишь через три года, а боль была такая, какой мне до этого никогда не приходилось испытывать.

Алек пришел на «Шиэруотер» с другого корабля уже больным. Сначала ему казалось, что у него обычные фурункулы, и болезнь не вызывала никаких опасений. На предплечьях они быстро подсыхали. Вскоре фурункулы появились у Алека на шее и руках. Позже заболел Пит, а за ним — все остальные. В конце концов эта же участь не миновала и меня. Фурункулы от соленой воды без гнойной головки. Пораженный участок кожи все время мок. Чем больше я промывала и смягчала ее, тем больше ухудшалось состояние. До сих пор я так и не представляю, как лечить это заболевание. Некоторые рыбаки уверяли, что очень помогает скипидар. Для себя я усвоила одно: чем чаще промывать фурункулы, тем дольше они не заживают. Они заразны, но передаются лишь тем людям, которые постоянно имеют дело с морской водой.

Я проболела три года, и только потом до меня дошло, что фурункулы воспалялись и начинали невыносимо болеть сразу же после того, как я мыла голову. Стоило мне недели четыре не мыть голову, как они почти полностью подсыхали. С той поры я отвергла методу

бабушки Адам и мыла голову редко. Через год они исчезли. Как-то я пожаловалась на свой недуг Мэй Джексон, матери Леса.

— Конечно, у тебя будут фурункулы. У меня они всю жизнь. Стоит только женщине заняться мужской работой, как они тут как тут, — сказала мне Мэй Джексон.

Наставление в справочнике, будто «больного нельзя волновать», вызывало у меня смех. Моих пациентов ничто не могло взволновать. Это я переживала за всех.

Однажды вечером Лес сидел за столом и открывал банку с консервированным молоком.

— У этой банки острые края, — между прочим, заметил он.

— Да, — механически ответила я, продолжая возиться у плиты. Я готовила чай. Затем я накрыла на стол и поставила перед Лесом чашку чаю. И тут я невольно опустилась на стул. Оказывается, консервной банкой Лес отрезал верхнюю часть большого пальца — по столу разлилась кровь, ее хватило бы на суповую тарелку.

— Я же тебе говорил, что банка острая, — спокойно заметил Лес.

Что касается сочувствия, которое, по мнению авторов справочника, необходимо проявить к пациенту, то и говорить нечего. Попробуйте, например, сказать Питу:

— Потерпи немного, дружок!

Так ведь он вас поднимет на смех.

В моем «утешении и подбадривании» эти парни вовсе не нуждались. Все, что им было необходимо, они получали от Леса:

— Если ты совсем разболелся и не можешь работать, лучше мотай на берег!

Эти слова имели большее действие, чем мое сочувствие. Результат ощущался незамедлительно.

Взять хотя бы последний пункт наставлений в справочнике о том, что при оказании помощи «следует держаться бодро и спокойно». Стоит ли говорить о спокойствии, если Пит снял шину со сломанного запястья, для того чтобы разжечь ею печь.

Сторонний наблюдатель может поддаться искушению и не обращать внимания на белых поселенцев островов Фюрно, где родословная метисного населения представляет большой интерес. Сами по себе понятия «белые» и «метисы» могут быть лишь условно применены в отношении этих двух групп людей, цвет кожи которых, за исключением нескольких темнокожих кейп-барренцев, практически одинаков. В то же время несколько семей европейцев живут на островах так же давно, как и метисы.

Взять хотя бы, к примеру, старика Билла Риддла, лучшего в этих краях рассказчика. Его предок в 1826 году снабжал продуктами местных жителей поселения на Ганкэрридже. Судя по документам, хранящимся в архивах Хобарта, счет за продукты составил девять фунтов один шиллинг и шесть пенсов. Тут же продолжают жить семейства Джексон, Купер, Баррер и Кук. Их предки — пионеры этих мест. Семьи жили мирно и довольно дружелюбно относились к аборигенам. Однако от более тесных контактов с местными жителями они уклонялись. Алекс Росс (теперь уже старик) — сын того самого Алекса Росса, который попал на острова с потерпевшего в этих водах крушение «Кембриджшира». 10 сентября 1875 года корабль налетел на скалу возле Ганкэрриджа, следуя из Великобритании в Сидней. Алекс Росс во время поисков корабля познакомился на Ганкэрридже с Бесси Бейтс (она была первым белым ребенком в районе проливов). Они поженились и осели на острове, дав начало ныне хорошо известному островному клану.

Тем не менее они не первые поселенцы на острове. Люди обосновались на Ганкэрридже еще задолго до того, как появилось первое поселение в Мельбурне.

Когда в 1829 году последние тасманийские аборигены были перевезены на этот остров, правительство издало приказ, чтобы охотников на тюленей, живущих на острове, выселили оттуда, «так как они нарушают спокойную жизнь в поселении своим чрезмерным вниманием к женщинам».

Некоторое время аборигенов держали на Ганкэрридже. Однако вскоре их перевезли на Флиндерс. Правда, к тому времени десятки аборигенов успели умереть.

Вот что об этом поведал Росс: «После пожара я пошел навестить их могилы. Трава на острове была выжжена. Я нашел могилы, так как знал, что в изголовье обычно ставится небольшой гранитный камень, а в ногах — поменьше. Я поинтересовалась, чьи это могилы, ведь белых хоронили недалеко от дома.

И тогда мать рассказала мне, что многие белые ищут могилы аборигенов. Она сказала, что мы должны чтить память погибших, особенно тех, чья кончина была столь трагичной. Она добавила, будь это в ее власти, ни одна из могил не была бы тронута.

В начале XX века на остров прибыл корабль, который доставил сюда каких-то людей с материка. Они сказали моей матери, что приехали сюда изучать птиц. Однако, когда они стали расспрашивать ее о старом поселении аборигенов, она не сразу поняла, что им надо на острове. Мать отнеслась к этим людям с большим недоверием и даже по ночам наблюдала за могилами. Несмотря на ее бдительность, до захоронений они все-таки добрались. Вскоре после того как приезжие покинули остров, с Флиндерса прибыл отряд полиции. Они сообщили, что так называемые „орнитологи“ умудрились выкрасть черепа из нескольких могил.

Оказывается, они срезали пласты травы у изголовья, извлекли черепа и аккуратно уложили траву на прежнее место.

Украдено было только несколько черепов, однако это вызвало гнев островитян. Полицейские говорили, что увезли черепа и с других близлежащих островов. До сих пор мне не понятно, как этим чужестранцам удалось обнаружить могилы на Ганкэрридже».

Оставшихся в живых аборигенов увезли с острова. Вскоре туда вновь вернулись охотники на тюленей. Они привезли с собой чистокровных аборигенок, которые стали их женами.

Когда в 1854 году Никсон, епископ Тасмании, прибывший на острова на корабле «Бикон», появился на Ганкэрридже, островитяне на берегу разожгли огромный костер, давая тем самым сигнал жителям других островов.

К епископу приехал старый охотник Эдвард Мэнселл, он просил благословения на женитьбу на аборигенке Черной Джуди.

В своем путевом дневнике по этому поводу епископ записал: «Я разобрался во всех обстоятельствах и искренне рад, что этим человеком движут лучшие намерения: он жаждет замолить грехи и проступки прошлого, женившись на этой женщине, несмотря на ее возраст.

Бедняжка с трудом повторила слова, необходимые для проведения ритуала. Правда, ее английский язык, если таковым его возможно назвать, вызвал у жениха взрыв неопишуемой радости. Подобная непристойность была тотчас осуждена и пресечена капитаном Кингом из Хобарта, который выступал в качестве отца невесты».

Именно эта супружеская чета и стала основателем самого многочисленного семейства метисов Мэнселл на Кейп-Баррене.

Старик Алекс Росс в 1912 году стал свидетелем кораблекрушения, которое произошло недалеко от его дома. Судно «Фарсунд» направлялось из Буэнос-Айреса в Сидней. Его занесло на коварные отмели, окружающие остров Ванситтарт.

Однажды сын Алекса Росса и Альф Кук, который воспитывался в семье Росса, бродили по острову и оказались возле места гибели корабля. Ребята стремглав кинулись домой, чтобы рассказать обо всем увиденном взрослым. Росс приказал юнцам двигаться верхом вдоль берега, чтобы они посмотрели, не остался ли кто-нибудь из членов команды в живых, а сам тем временем поспешил к кораблю.

Мальчики обнаружили тех, кому удалось спастись. Моряки, в свою очередь, опасаясь непредвиденных обстоятельств в заброшенном местечке, встретили ребят с топорами и палками в руках.

Потом моряки поведали старому Россу свою печальную историю. Корабль преследовала одна неудача за другой. Это приводило моряков в ужас. На пути из Южной Америки за борт упал человек. В тот момент он работал наверху. Ходили слухи, что канат, на котором он стоял, оказался подрезанным. Вряд ли кто-нибудь теперь узнает, что произошло на самом деле. Но одно было совершенно очевидно: все, кто находился на бор-

ту корабля, от капитана до плотника, не жалели, что судно тонет.

Пока ребята разыскивали оставшихся в живых, старый Алекс Росс оглядел корабль. Он пообещал капитану снять судно с отмели, что и сделал. Корабль направился в открытое море. Однако трос порвался, и судно снова понесло на отмель.

До сей поры корабль так и остался стоять на том месте как память об одном из самых больших кораблекрушений в австралийских водах. Его мачты и нок-реи все еще устремлены вверх, и до недавнего времени необычная фигура в виде получеловека-полуживотного украшала нос корабля. Шесть лет назад ее сняли, и теперь она находится в Морском музее в Дувре (Тасмания).

Некоторое время команда «Фарсунда» оставалась на Ганкэрридже. Они уехали и оставили на острове корабельного кота. Моряки принесли его с корабля в мешке. Этот кот изрядно попутешествовал. В Буэнос-Айресе он сбежал с итальянской бригантины и попал на неудачливый «Фарсунд».

Семья Росса купила полузатонувшее судно и разобрала его. Море на отмелях не всегда спокойно. Однажды старшему Алексу пришлось провести на полубаке судна три дня из-за шторма.

На Ганкэрридже жизнь не казалась однообразной. Старый Росс был владельцем большого склада, и в заливе порой стояло до двадцати пяти судов. Человек сорок вели торговлю со склада. Ежегодно на острове проводилась стрижка овец и сюда приезжали стригалы. Для упаковки шерсти использовали пресс, которому было лет сто. Его соорудили из досок толщиной пять сантиметров, и два человека паковали с его помощью пятнадцать тюков в день.

— Правда, чтобы наvertеть пятнадцать тюков, надо встать пораньше и как следует потрудиться, — признался Росс. — Зато он не ломается. Мы даже сумели упаковать тридцатикилограммовый тюк.

Сейчас Ганкэрридж необитаем. Семьи Росса и Кука обосновались на острове Флиндерс. Росс получил лицензию на Ганкэрридж и регулярно навещает остров. Там пасутся его полторы тысячи овец.

На маленьком кладбище возле фермы, где прошла

юность Росса, похоронены его мать и отец. Рядом с ними могила его первой жены и старшей дочери Исабель. Тут же покоятся погибшие моряки и те, кто умер на острове.

— В те времена хоронили просто, — рассказал мне Росс. — Мы сколачивали из останков кораблей гробы и покрывали их черной краской. Затем рыли могилы глубиной до двух метров и на веревках опускали туда гробы. Иногда приезжал псаломщик. Если его не было, мы читали Библию и молились.

На могилы устанавливали надгробные плиты с выгравированными на них именами и датами рождения и смерти. Могилы тех, кого оплакивать некому, должны быть сокрыты ото всех навсегда — так полагают стрейтсмены.

Острова нравятся далеко не каждому приезжему. Да разве есть на свете место, которое нравилось бы всем? Так у фотографа Эрни (его прислали сюда, чтобы он проиллюстрировал снимками мою книгу) на острове все, абсолютно все вызывало отвращение, особенно ванна. Единственное, что ему могли предложить на Фюрно, — это сидячую ванну. Причем мыться ему предлагали в той же воде, в которой до него купалась я. Для меня, выросшей в лесу, подобного рода купание не было мукой, но для Эрни с Кинг-Кросса оно казалось невыносимым. Он даже не заметил, что на острове Биг-Дог пресную воду для питья привозили в баках. Не произвели на него никакого впечатления и средства передвижения на островах.

— Этой лодке не помешал бы новый мотор, — ворчал Эрни, когда нам не удалось объехать восточное побережье острова Биг-Дог.

Ему было неинтересно, что скорость приливов здесь достигает восьми узлов, а водяная стена поднимается на пять метров. Его мирок ограничивался Рэндвиком, полицейским судом и пресс-релизами. Мне пришлось самой взяться за фотокамеру.

Однако тысячи снимков, которые мне удалось сделать, стоили того. Я успела сфотографировать самые интересные и самые древние промыслы Австралии до того, как они исчезли. Я сфотографировала Эрика Мейнарда в тот день, когда «овечья птица» вцепилась своими острыми когтями ему в голову. Мы уже думали, что придется сбрызнуть его густую шевелюру, чтобы освободить птицу.

Дело в том, что птица ночью ударилась о ванты (случай довольно обычный), так как рангоут выводит из строя птичий радары. Успела я сфотографировать ныне покойного Уолтера Битона, последнего представителя смешанных кровей, а также моряков, для которых иногда переставали существовать законы, как и для первых охотников на тюленей.

Есть у меня снимки женщин, расстилающих свеженарезанную траву на полу; кораблей, которые вскоре после этого погибли, и их команд; фотографии моих друзей, которых уже нет в живых. И, конечно же, масса снимков различных птиц, которые населяли острова: крачек, лебедей, больших бакланов, пеликанов, бекасов, тихоокеанских чаек, журавлей, перепелов, диких уток, чирков, колпиц, светлых пингвинов, диких кур, лысух, бронзовокрылых голубей, соколов и многочисленного потомства великих путешественников — буревестников.

Глава VIII

«ЛЕТАЮЩАЯ ОВЦА»

Еще один взмах весла — и каяк плавно скользнул к маленькой пристани острова Сент-Лоренс в Беринговом море. Откуда-то со дна лодки эскимос вынул птицу размером с крупного голубя. Перья ее отливали бронзой.

Эскимос видел много таких птиц близ Полярного круга, где он жил. Огромные косяки появлялись в этих краях ежегодно и обычно в одно и то же время — в июне или июле. Питались они мелкой рыбешкой. Однако на этот раз попалась необычная птица: на левой лапке у нее виднелась маленькая серебристая пластинка.

«Должно быть, это какая-то особенная птица», — решил эскимос и повез ее к самому главному человеку на острове в надежде, что тот сможет разобраться во всем. Если и он не разберется, то придется послать ее (не птицу, конечно, а пластинку) дальше, потому что на ней надпись.

Пластинку отправили через Берингово море в Анкоридж, на Аляску, к более знающим людям, которые, безусловно, сумеют прочесть и понять надпись.

Вот что было на ней написано: «Известите Совет по фауне, Хобарт, Тасмания, Австралия». Далее следовал порядковый номер птицы. Власти в Анкоридже знали, что такими пластинками ученые окольцовывают птиц при изучении их миграции. О находке сообщили в Тасманию.

Металлическая пластинка была снята в Беринговом море с тонкоклювого буревестника. Аборигены Тасмании (они уже вымерли) называли их *иолла*, любители птиц — буревестником, иные величали ее «лунной птицей». Гурманам и австралийцам она известна под названием «овечья птица».

С помощью этой птицы доктору Доменику Сервенти, старшему сотруднику отдела по наблюдению за миром животных научно-исследовательской организации стран Британского содружества, удалось получить подтверждение своим исследованиям в области миграции буревестников, которым он занимался последние двенадцать лет. Пластинка, найденная в районе Берингова моря, третья по счету из того региона, подвела окончательную черту под многолетними добросовестными наблюдениями и лишениями, связанными с изучением жизни птиц.

Для того чтобы добиться этого результата, Сервенти приходилось проводить ночи под открытым небом, жить на отдаленных необитаемых островах в Бассовом проливе, питаться консервами, исходить сотни километров по скалистым холмам, продирались сквозь кустарник, где, свернувшись кольцом, лежало множество ядовитых тигровых змей.

Свое снаряжение и питание Сервенти носил на себе. До островов он добирался на рыбацких лодках и дважды в год переправлялся через опаснейший водоворот (он находится восточнее Бассова пролива) Пот-Бойл (Кипящий Котел). Не всякий моряк отважится плавать в таких водах.

Пластинка, снятая с лапки птицы, оказалась одной из двадцати тысяч, которыми Сервенти осторожно кольцевал буревестников в надежде, что по крайней мере какая-нибудь из них вернется и тогда раскроется одна из тайн, связанных с жизнью этих загадочных созданий.

Более полутора веков люди Южного полушария обсуждали вопрос о том, где «овечьи птицы» проводят

южные зимние месяцы. Ежегодно в сентябре они возвращались на острова на юге южного побережья Австралии и каждый раз в апреле исчезали до следующего сентября.

Тот факт, что столь великое множество птиц, исчисляемых миллионами, может исчезнуть на полгода, казался невероятным. В 1798 году, когда Мэтью Флиндерс проплывал мимо островов в Бассовом проливе, он отметил, что над его кораблем в течение полутора часов пролетел сто пятьдесят один миллион птиц и это была лишь одна стая. Он писал: «Птицы летели стаями, протяженность которой была от пятидесяти до восьмидесяти метров в длину и до трехсот и более метров в ширину. Они летели довольно густо, насколько позволял размах их крыльев. В течение полутора часов эта лавина буревестников без перерыва летела над нами со скоростью голубей».

По его подсчетам, птиц было примерно сто пятьдесят один миллион и им потребовалось бы на земле семьдесят пять миллионов норок, чтобы разместиться. Допуская, что каждая норка занимает площадь около одного квадратного метра, он подсчитал, что такой стае для размещения понадобится территория более сорока квадратных километров.

В Северном полушарии исследователи также отмечали появление этих птиц в Северном Ледовитом океане, и именно здесь в 1835 году голландский орнитолог Конрад Джекоб Темминк присвоил им научное название *Puffinus tenuirostris*, хотя они были отмечены и описаны многими путешественниками еще раньше.

Во время своего третьего плавания, в 1778 году, капитан Дж. Кук отметил в своих записях появление этих птиц на семидесятом градусе северной широты, в Северном Ледовитом океане, между Азией и Америкой. Он наблюдал их на ледяных полях, а художник экспедиции Дж. Кука Уильям Эллис зарисовал их. Первое изображение птицы, известной ныне под названием «овечья», находится теперь в Британском музее. Еще ранее, в 1755 году, русский исследователь Г. Д. Крашенинников отмечал появление «овечьей птицы» в водах близ Курильских островов, севернее Японии. Ежегодно в июне и июле рыбаки часто видели в этом районе большие группы птиц, питающихся мелкой рыбой, которая дер-

жится в поверхностных слоях океана. Однако в течение многих лет места гнездования птиц оставались тайной.

Предполагали полное отсутствие связей между группами птиц Северного полушария и островов в Бассовом проливе. Дело в том, что если это были одни и те же птицы, то им понадобилось бы пять-шесть недель только на то, чтобы покрыть расстояние в восемь тысяч километров от островов южнее Австралии (апрель), где их видели последний раз, до района севернее Японии и Алеутских островов (июнь), где их впервые заметили.

В то же время орнитологи пришли к выводу, что птицы, как правило, для гнездования выбирают из двух регионов, между которыми они мигрируют, наиболее холодный. Температура поверхностных слоев вод, омывающих острова в Бассовом проливе, с ноября по апрель гораздо выше (от четырнадцати до семнадцати градусов по Цельсию), чем в северной части Тихого океана (там температура падает до шести градусов по Цельсию). Таким образом, многие годы специалисты занимались изучением двух групп птиц: северяне наблюдали тех, которые исчезали на период гнездования, а южане — тех, которые появлялись именно в этот период.

В поведении этой птицы ученые отмечали много необычного. Так, было установлено, что весь день она проводит в море, а к ночи возвращается на землю, где, подобно кроликам, роет норку, в которую откладывает одно-единственное яйцо. Самца и самку почти невозможно отличить друг от друга. «Птичий календарь» соблюдается удивительно четко. Ежегодно стаи птиц появляются в местах гнездования точно в течение первой недели сентября. Самка откладывает яйцо числа 20—27 ноября. Если птица хочет взлететь с волн, то она сначала как бы бежит по воде. Отсюда и ее английское название *petrel* («буревестник») — по имени апостола Петра, который, по преданию, мог ходить по воде.

Доменик Сервенти, всемирно признанный авторитет в области изучения буревестников, сказал: «По всей вероятности, ни одна из птиц, с которыми пришлось столкнуться человеку, не вызывала у него такого очарования, как эта, ни об одной не написано столько, сколько о ней».

Множество невероятных и интересных по содержанию статей написано о буревестнике. Сохранились запи-

си епископа Тасмании Монтгомери (отца фельдмаршала Монтгомери), датированные концом прошлого столетия. Он считал местом зимовки буревестников Арктику.

Профессор Ф. Вуд Джонс из Мельбурна выдвинул необычную теорию. Он утверждал, что эти птицы — беженцы с Луны. В 1933 году профессор Джонс сказал:

— Считаю нужным говорить прямо, без обвиняков, смело и перед лицом любой оппозиции заявить, что Луна появилась из вод Тихого океана, где она может прекрасно поместиться. Что же произошло, когда Луна отошла от Земли? Прервалась ли в результате резкого охлаждения вся жизнь на Земле? Разве не может быть такого, что, покинув Землю, Луна оставила без пристанища некоторые существа, которые нашли себе приют на Земле? Это единственные существа на Земле, которые избегают суши и живут на маленьких, разбросанных в просторах океана островах. Здесь их единственное пристанище. На каждом острове в Тихом океане своя «лунная птица», и никогда ни одна из них не приземлялась ни на каком континенте. Поистине птицы апостола Петра — это «лунные птицы». Из всех существующих птиц только они живут в Тихом океане, и их жизненный цикл подчинен лунному календарю. Вероятно, история этих птиц хранит столько же тайн, сколько и закон о приливах и отливах.

В 1947 году Совет по фауне Тасмании объединил свои усилия с научно-исследовательской организацией стран Британского содружества, чтобы приступить к разгадке этих тайн совместно. Доктору Сервенти было поручено основать наблюдательную станцию на маленьком острове в Бассовом проливе, где он до сих пор и работает.

Этот островок, получивший впоследствии название Литтл, находится в центре группы островов Фюрно и выбран не случайно. Дело в том, что именно он является центром скопления этих птиц. Сотни лет охотились здесь на этих птиц, да и сейчас их убивают ежегодно примерно около полумиллиона. Тем не менее количество их не уменьшается.

Для того чтобы проследить их маршруты, доктор Сервенти решил окольцевать каждую птицу на трех гнездовых островах. Сержант Джордж Фишер, местный полицейский, лично сам окольцевал несколько птиц, чтобы помочь профессору изучить повадки птиц. В бла-

годарность Сервенти изменил название острова. Теперь он известен миру как остров Фишер.

При кольцевании Фишер пользовался медными пластинками, но Сервенти считал, что они слишком быстро поддаются коррозии. Профессор кольцевал птиц алюминиевыми пластинками лишь года два, так как пластинки быстро подвергались коррозии под воздействием соленой воды, да и птицы, роя норки, обдирали их. В течение последних десятков лет для этой цели используется новый сплав — монел. Пластинки из него не поддаются коррозии.

Д. Сервенти составил карту норок буревестников. Он нанес на нее все норки на крохотном, площадью менее гектара островке Фишер. За несколько лет ему удалось окольцевать всех птиц. Каждой из них он закрепил на левой лапке кольцо с пластинкой, на которой указывался порядковый номер и просьба известить о находке Совет по фауне. Порядковый номер, приданный каждой птице, входил в детальную карточную систему индексов. С этого Д. Сервенти начал свои наблюдения.

Он превратился в орнитолога-«сыщика». Профессор знал каждую птицу и ее партнера, когда они ссорятся и нарушают верность, покидают гнездовья, и даже время появления птенцов.

Островитянин по имени Сайлас Мэнселл помогал Д. Сервенти ловить и кольцевать птиц. Однажды Мэнселл спросил ученого:

— А что, доктор, эти птицы тоже порой туда-сюда или они годами остаются верны друг другу?

— Я поразведаю и доложу тебе, — пообещал Сервенти.

На поиски ответа пришлось потратить не один год. Однако Сервенти все-таки нашел его.

— В основном птицы сохраняют верность партнеру. Из года в год они возвращаются с тем же партнером, — указал он Мэнселлу. — Однако и у них порой бывают «туда-сюда».

В подтверждение своих слов он продемонстрировал кольцо № 12458 на птице, окольцованной 30 ноября 1951 года. На следующий год Д. Сервенти отметил в своих записях, что птица под этим номером вернулась на остров Фишер с прежним партнером. За 1953 год эти птицы в записях профессора не значатся. В апреле

1954 года птица под № 12458 с наступлением ночи появилась на острове Литтл-Грин, всего в полумиле от острова Фишер. Сервенти сумел ее поймать и сделал отметку о ее возвращении. Судя по записям в его дневниках, в 1951—1955 годах птица занимала свое прежнее гнездо на острове Фишер, но с другим партнером.

— Вот видишь, Сайлас,— говорил Сервенти,— в жизни у этих птиц всякое случается, как и у людей.

Словно желая компенсировать этот семейный разлад, двадцать три другие птицы возвращались в свои прежние гнезда. Так, птица под № 10706 в течение десяти лет прилетала неизменно с одним и тем же партнером.

Изумляет точность оценок поведения и повадок птиц, даваемая островитянами.

— Они рассказали мне о некоторых моментах, которые позже были подтверждены экспериментальным путем,— говорил Сервенти.— Например, островитяне поразительно точно знали время отлета птиц с острова до кладки яиц. Птицы слетались на Фюрно в сентябре, рыли свои гнезда, стараясь по возможности занять прежние места. В первой неделе ноября они неожиданно покидали остров. Норки оставались пустыми. Так продолжалось до конца месяца. С наступлением темноты они словно огромное облако опускались на берег и забирались в свои норки. На следующий день самки откладывали яйца.

Старики островитяне рассказали Сервенти о том, что одно- и двухлетние птицы не возвращаются к месту гнездования. Через пять лет Сервенти доказал на практике, что наблюдения островитян были верными.

Впервые птенец буревестника покидает гнездо, когда отправляется в большой полет, и появляется на берегу лишь года через три-четыре. Он вливается в стаю взрослых птиц, когда ему исполняется пять лет. Самки выводят птенцов в возрасте от пяти до семи лет, самцы же становятся половозрелыми лет в семь-восемь. Для птицы такого размера период созревания весьма затянут.

В ожидании результатов своих опытов на острове Фишер, которые были приостановлены по научным соображениям, Сервенти занялся кольцеванием птиц на близлежащих островах — Биг-Доге, Литтл-Доге, Чапеле и Грине — и на острове Бейбел, расположенном в восточной части пролива.

Наблюдения дали ему возможность сделать примерный подсчет дохода от ловли птиц и, кроме того, дополнить данные, полученные с острова Фишер, где гнездится всего сто двадцать пар.

Ежегодно в марте, до начала охотничьего сезона, Сервенти объезжает острова и выборочно кольцует молодняк. Охотники, поймавшие птиц, должны сдать пластинки в полицейский участок Леди Баррон с указанием даты поимки.

С 1947 года по 1956 год Сервенти окольцевал 16 870 птенцов на островах, причем 9229 птицам удалось не стать добычей охотников. В связи с тем что вылавливают только птенцов, то их и не досчитываются при очередном подсчете. Отсюда можно сделать вывод, что птицам гибель не грозит, как это произошло на острове Норфолк. Там этих птиц называли «летающими овцами». В мае 1790 года их насчитывалось такое великое множество, что тюремный гарнизон заполучил 82 321 птицу. В том, что всего за пять часов с наступлением темноты каторжане и моряки выловили до семи тысяч птиц, не было ничего необычного. Однако в результате этого к 1800 году почти все птицы были истреблены.

Если вести отсчет от 1947 года, когда Сервенти приступил к своей работе, то получится, что за все время ему удалось окольцевать более двадцати тысяч птиц на островах и в заповедниках на Фишере и острове Кэт, расположенном неподалеку от острова Бейбел. За сезон он окольцовывал две тысячи птиц, то есть около двухсот сорока штук в день. Однажды на острове Кэт он поставил рекорд — окольцевал 400 птиц.

Теоретически трудно предположить, что большинство пластинок будут возвращены, однако если припомнить, что в некоторых случаях их число бывает поразительно большим, то следует сделать вывод, что Сервенти настроен весьма оптимистично.

Он написал ряд статей, в которых излагал свою систему кольцевания, и они были переведены на многие иностранные языки, в том числе на японский. Все эти материалы Сервенти разослал в журналы разных тихоокеанских стран. Он надеялся, что рыбаки откликнутся на его просьбу.

Несколько японских рыбаков прислали ему пластинки, первая из них оказалась под № 22208. Птица была

окольцована 13 марта 1955 года на острове Бейбел и найдена через 75 дней, 27 мая, за восемь тысяч километров в районе Таноура, на острове Сюкоку.

Птица под № 20535 была окольцована 8 марта 1955 года на острове Литтл-Дог, а возвращена 11 мая 1956 года из северной части Тихого океана. Обе птицы запутались в сетях японских рыбаков, ведущих промысел лосося. Таким образом, было доказано, что популяции птиц Северного и Южного полушарий, которых относили к различным видам, представляют собой единое целое.

Следовательно, та птица, которую эскимос нашел на острове Сент-Лоренс, пролетела около девяти тысяч километров менее чем за месяц. Причем это был ее первый перелет, так как ее окольцевали еще в гнезде в 1957 году.

Кроме того, эти наблюдения подтвердили правильность основного пути миграции птиц, вычерченного на основе исследования музейных экспонатов и наблюдений русского ученого А. М. Судиловской, которая отмечала появление птиц на такой северной точке, как остров Врангеля. Что касается вывода, будто мигрирующие птицы выбирают для высиживания птенцов наиболее холодный из двух районов их обитания, то, по мнению Д. Сервенти, тонкоклювый буревестник являет собой исключение.

Если учесть, что птицы спускаются на землю только для выполнения своих родительских обязанностей, а большую часть жизни проводят в воздухе, то можно сделать вывод, что они развивают в полете поразительную скорость. Были случаи, когда в поисках питания птица удалялась от гнезда на девять с половиной километров.

У птиц удачно согласуется период линьки со временем перелета: в Южном полушарии она меняет оперение на голове и туловище, а линька хвоста и крыльев начинается тогда, когда птица, закончив длительный перелет, благополучно добирается до Северного полушария. Эскимосы говорят, что в это время вся вода покрывается коричневыми перьями.

Во время длительного полета, траектория которого по очертаниям несколько напоминает восьмерку, птица использует силу преобладающих ветров, за исключением последнего участка пути, когда она возвращается на

восточное побережье Австралии. В этом районе птицам приходится нелегко, потому что над Тихим океаном круглый год дуют юго-восточные пассаты. В отдельные годы в этих местах погибало огромное количество птиц, и волны тысячами выбрасывали их на берег в районе Нового Южного Уэльса.

В последнее время внимание Австралийской научно-промышленной исследовательской организации и министерства рыбного промысла привлекала теория о возможной взаимосвязи между уменьшением количества голубого тунца у побережья Нового Южного Уэльса и гибелью значительного числа птиц, поскольку питаются они одним и тем же и погибают одновременно.

Примечательно, что сезон 1939—1940 годов, когда Австралийская научно-промышленная исследовательская организация начала проводить работу в штате Новый Южный Уэльс, был особенно богат тунцом. В то же время отмечалась наименьшая гибель птиц. Зато за сезон 1942—1943 годов, когда рыбы было мало, количество погибших птиц достигло катастрофических размеров. На всем протяжении прибрежной полосы в Кронулле, длиной шесть с половиной километров, волны ежедневно выбрасывали на берег мертвых птиц. Только за один день, 15 декабря, их насчитали четыреста шестьдесят.

Сервенти думает, что «если у них не было пищи в тот момент, когда они испытывали в ней наибольшую нужду, пробиваясь сквозь ветровой барьер юго-восточных пассатов, то положение их еще больше осложнилось и наиболее слабые гибли от голода».

Чаще всего на побережье Нового Южного Уэльса находили мертвых птиц в возрасте одного года, то есть таких же, что попадали и в сети японских рыбаков.

Сервенти проводил исследования, читал лекции в крупнейших зоологических центрах мира. Он также доказал, что можно привыкнуть и к плаванию по бурному морю. Ему приходилось работать в темноте, поскольку буревестники ведут ночной образ жизни.

Наблюдение за птицами — захватывающее зрелище. Подняться в воздух с земли им мешают перепончатые лапки и большой размах крыльев — около метра. Птице приходится вскарабкиваться на скалу или утес, чтобы подняться с помощью воздушного потока. Вес ее бывает от четырехсот до семисот граммов.

Карабкаясь по крутому утесу, они отчаянно машут крыльями с огромной скоростью (моя фотокамера, установленная на выдержку 1/500 секунды, не могла их схватить), помогая себе клювом и лапами подтягиваться вверх. Иногда они срываются, но тут же с упорством снова начинают свой путь наверх, чтобы взлететь. На земле птицы неуклюже переваливаются, плотно прижимая к туловищу свои крылья и опустив голову. Зато в воздухе они чувствуют себя прекрасно. По ночам они возвращаются на острова, чтобы покормить свое потомство. Летают они плотной стаей и никогда не сталкиваются.

Сервенти продолжает свои наблюдения, стремясь узнать о буревестниках как можно больше. Он считает, что они живут довольно долго, но наблюдения ведутся сравнительно недавно, чтобы ответить на этот вопрос.

— Когда они умирают, как будто теряешь старых друзей,— говорит он.— Конечно, трудно сказать, когда они погибают, мы можем лишь констатировать отсутствие в течение ряда лет пластинок с лапок птиц определенной возрастной группы. Некоторые птицы выводят птенцов на островах вот уже пятый год подряд. Я кольцевал их двенадцать лет назад, когда они были еще птенцами.

В решение этих проблем каждый может внести свою лепту. Это могут быть и записи о незначительных деталях, приведенные сравнения, отмеченные многими свидетелями в течение ряда лет.

Сервенти считает помощью даже сообщение о появлении птиц, которых моряки и рыбаки встречают в море, хотя неспециалистам трудно бывает дать определение птицы. Поэтому он предлагает по возможности отлавливать отдельные экземпляры, а при описании непременно указывать окраску лапок и клюва, а также дату и место отлова.

Сервенти рассказывает об одном случае, который лишний раз доказывает, что даже отдельные наблюдения и сообщения могут быть полезны. В августе 1887 года моряки, потерпевшие крушение у островов Крозет, поместили альбатроса, который через сорок шесть дней, 18 сентября 1887 года, был пойман за пять тысяч километров — в Фримантле, в Западной Австралии.

8 декабря 1847 года моряки китобойного судна поместили альбатроса близ Полярного круга, южнее Тасмании, а убит он был у побережья Чили 20 декабря, пролетев более пяти тысяч километров. Эти примеры лишний раз подтверждают теорию широкой восточно-западной миграции этих птиц.

Глава IX

СЛОВНО ВЕЛИКИЙ АКТЕР

За то время, которое я находилась на борту «Шиэру-отера», с нами частенько плавал Томас Ленгли, эсквайр, или, как его здесь называли, Честный Том. Он исполнял обязанности почтмейстера в Леди Баррон, на острове Флиндерс, заведующего складом, пекаря, владельца такси, советника муниципалитета, церковного старосты, посредника, скупщика птиц и рыбы. Честный Том занимался и отловом «овечьих птиц», торговал скобяными и бакалейными товарами и даже был портным. За что бы ни брался Честный Том, он полностью отдавался этому занятию и растворялся в нем, словно великий актер в роли.

До встречи на борту нашего судна я виделась с ним лишь один раз — в городском муниципалитете. Тогда на нем был элегантный, отутюженный костюм с узкими модными лацканами, галстук-бабочка и до блеска начищенные ботинки. Он выступал там в качестве советника муниципалитета.

Теперь же на борт нашего судна он явился в качестве скупщика птиц.

— Честный Том — так меня здесь называют все, — любезно представился он, — Честный Том, друг охотников на птиц.

На ногах у него были сандалеты без шнурков.

— Если корабль начнет тонуть, их легко будет сбросить, — пояснил мне Честный Том, перехватив мой взгляд. По поводу своего старого плаща и комбинезона он выразился так:

— А это на тот случай, если в меня чем-нибудь запустят.

В тот день «Шиэруотер» развозил охотников и их снаряжение по островкам в проливе Франклин.

Официально охота разрешена Советом по фауне всего на пяти островах. К ним относятся остров Бейбел и расположенные неподалеку друг от друга Биг-Дог и Литтл-Дог, Грин и Чаппел.

Честный Том возил на остров Биг-Дог, где у него была лицензия на охоту, пустые бочки и мешки с солью. Он построил там навесы и хижины. В них жили бригады его временных рабочих из местных. И у обеих сторон была одна и та же мысль — как обмануть друг друга.

В обязанность Тома входило обеспечить рабочих пустыми бочками, мешками с солью и продуктами на восемь недель, а также доставку рабочих с острова и обратно. В свою очередь, рабочие должны были отлавливать птиц, обрабатывать их и продавать Тому по сходной цене. Казалось бы, все разумно и понятно.

Непонятное началось, когда мы еще стояли в порту Леди Баррон. Несколько семей островитян должны были отправляться на остров Биг-Дог, но перед самым отплытием одна из них вдруг сошла на пристань.

— Извини, старина Том, — сказал глава семейства, — не сможем мы поехать.

— Почему?

— У нас нет одежды.

— У кого из вас нет одежды?

— Ни у меня, ни у жены. Буквально нитки нет, чтобы прикрыться.

— А сейчас что на вас?

Именно этого вопроса ждал охотник.

— Ты это брось, старина, — вскинулся островитянин. — Мы с женой надели свою воскресную одежду.

Он повернулся к рабочим, стоящим на пристани, и крикнул:

— Вы слышали, что сказал Честный Том? Ему надо, чтобы мы охотились для него в воскресной одежде. — Он повернулся к Тому. — Ну вот что, всему есть предел. Я охотник вот уже шестьдесят лет. До меня здесь охотился еще мой отец, отец моего отца и так далее, но такого мы никогда не слыхали. Надо быть пощедрей, коли тебе нужны люди. — Он повернулся к сидящим на палубе. — Слышали, что говорит он, Честный Том — друг охотников? Ха-ха!

На палубе слышались ворчливые голоса. Кто-то уже понес чемодан на пристань.

— Куда же вы? Подождите минутку, — в отчаянии взмолился Честный Том. Он уже представил себе, как перед самым началом охотничьего сезона разбежится вся его бригада рабочих.

— Что вы в конце концов хотите от меня? — закричал он.

Охотник поспешно вынул из кармана исписанный листок бумаги и передал его Тому. Тот начал читать и вдруг остановился.

— Две пары дамских спортивных костюмов? Они-то зачем? Вычеркни, — возмутился Честный Том.

— А вот зачем, — спокойно откликнулся охотник, — одну пару она износит еще до конца сезона. Посиди-ка пощипай перья целый день!

Этот довод окончательно доконал Тома. Он сказал Лесу, что скоро вернется, а сам направился к своей лавке. Вскоре он вернулся с целой охапкой одежды.

Теперь наступил черед Честного Тома. Когда на острове Биг-Дог владелец одного из гнездовых предложил Тому скупить птиц с его участка без какого бы то ни было убытка для Тома, то есть по той же цене, по какой Том предлагал охотникам свой участок, Том, понятное дело, согласился. Правда, ему и своих птиц хватало с излишком, да и бочек на сей раз он приготовил меньше обычного. Однако охотники, занятые переправой на берег, не сразу это поняли.

Кругом царила суматоха. На берег переправлялись мужчины, женщины, целые семьи. Вместе с ними выгружали кур, петухов, цыплят, скатанные матрасы и постельные принадлежности, детскую ванночку, заполненную тыквой, баллоны для керосина, забытые банными полотенцами, мешки из-под сахара, кошек, спрятанных за пазухи, подальше от глаз санитарного контроля, игрушки и... пасхальные яйца, ведь пасху охотники будут отмечать на острове.

Корабль уже собирался отчалить. И только тут до руководителя бригады наконец дошло, что запаса соли ему явно не хватит. Он все понял. В это время Честный Том был уже на берегу. Он спешил на корабль, ведь надо было выйти в море до начала шторма. Не успел он добежать до корабля, как за ним вдогонку бросились

охотник с женой, братьями и еще две женщины. Когда Том увидел за собой погоню, он остановился на мгновение, а затем пошел быстро, но с достоинством. При этом он не спускал глаз с судна, ожидавшего его у волнореза. Том на ходу подвернул брюки и по диагонали направился к судну. Вслед за ним в воду кинулись и его преследователи. Том шел к судну, а охотники, размахивая руками, бежали сзади. Женщины, шлепая по воде, с трудом поспевали за Томом. Наконец одной из них удалось схватить его за полу плаща. Однако Том решительно двигался вперед, гордо подняв рано поседевшую голову.

И тут неожиданно так же быстро, как они бежали за ним, охотники повернули назад. Том подошел к кораблю, и мы полюбопытствовали, что же он им такое сказал, что они так сразу успокоились. Оказывается, Том объяснил им, что идет на судно, чтобы выяснить, почему Валлаби не выгрузил дополнительные бочки.

— Увы,— произнес он, когда корабль отчаливал, голосом полным очарования и помахал охотникам на прощание рукой.— Иногда заботы не позволяют джентльмену сдержать свое слово.

Охотники, размахивая кулаками, кричали и метались на берегу.

— До свидания, старина,— донесся до берега голос Тома.— Всего хорошего, дорогая.— Последнее относилось к женщине, которая позволила себе в его адрес довольно грубый жест.

Том жил в городе на материке. У него было несколько бакалейных лавок.

— Я думал, что на островах смогу накопить себе состояние лет за пять, а затем навсегда поселиться на Золотом берегу Квинсленда.

Пожалуй, на этот раз он был откровенен, как никогда.

— Многие считали,— продолжал он,— что острова таят несметные сокровища. Стоит лишь копнуть — и ты уже миллионер. Первые поселенцы ехали на острова с мыслью о крупной добыче, и в эту мечту бессознательно, но упорно люди продолжают верить.

— Я здесь уже восемнадцать лет,— сказал Том.— Постепенно разоряюсь. Вот так-то.

Почему же он не уехал отсюда?

— Острова держат меня, — продолжал Том. — К ним прирастаешь душой и телом, и нет сил покинуть эти места. Да и жить спокойно, без волнений вряд ли я смогу.

За эти годы Том стал истинным островитянином. Порой местные жители ругали его в лицо, но за спиной стояли за него горой; к чужеземцам они так не относятся.

— И на тебя найдется управа, Честный Том, — возмущались аборигены. Однако, стоило кому-либо из посторонних высказаться в подобном тоне, они, негодуя, бросали оземь шапки и вызывали обидчика на бой.

Барбара, жена Тома, — чудесная женщина. Островитяне обращались с ней словно с фарфоровой статуэткой.

— Ох уж этот Честный Том, он же мошенник, — говорили они. — Но жена у него — белая женщина.

Тому явно по душе пришлась приставка к его имени «Честный», но Барбаре она не нравилась. Если бы только она видела, как разгневанные островитяне гонялись за Томом, чему мы неоднократно оказывались свидетелями в течение двух месяцев охотничьего сезона! Ее бы, наверное, такое поразило.

Однажды в этих краях появился новый скупщик птиц. Это был огромный человек с таким большим животом, что, как высказался Пит, если уж он упадет, то будет минут двадцать раскачиваться на нем, прежде чем ему удастся снова встать на ноги.

— Называйте меня просто Джек, — прогрохотал он, когда пришел на судно договариваться о транспортировке бочек. — Подходящее имя для порядочного человека.

С той поры его так и прозвали Порядочный Джек.

Честный Том и Порядочный Джек с первого же взгляда отнеслись друг к другу с пристрастием. Один — невысокий, аккуратный, элегантный, другой — громадный и неухоженный. Однако оба прекрасно знали свое дело. Они сразу же оценили создавшуюся обстановку и поняли, что им предстоит борьба. Какой она будет — дружественной, ожесточенной или изматывающей, зависело только от них. Они выбрали форму борьбы, и она шла с переменным успехом, в постоянных ссорах, но, по их понятиям, была дружественной. С нашей точки зрения, она казалась смешной.

Однажды Порядочный Джек появился на «Шиэруо-

тере». Первое, что он сделал, отправился в трюм и на бочках, принадлежащих Тому, поставил свои инициалы (не на всех, конечно, чтобы не бросалось в глаза).

Когда Честный Том спустился в трюм, он тут же заметил подделку.

— Я такими делами не занимаюсь уже лет десять, — сказал он с возмущением.

Том прибегнул к простому способу возмещения ущерба. Он отправился в контору Порядочного Джека и попросил разрешения позвонить по телефону. Набрав номер полиции Уайтмарка, он сказал, что у него не хватает бочек.

— Видно, их украли, — заявил Том, — а может быть, они лежат где-нибудь на пристани. Вы же знаете, я не всегда внимателен. Я подумал, что стоит известить об этом полицию. Если бочки не найдутся к обеду, я вам еще раз позвоню, и тогда приступайте к розыску.

Порядочному Джеку после этого пришлось снова спуститься в трюм, смыть краску и заново написать инициалы Тома. Дело в том, что у него не оказалось краски нужного цвета. Единственное, что ему оставалось, — это одолжить ее у Честного Тома.

Ни дня не обходилось без розыгрыша с чьей-либо стороны. Охотники рассказывали, что у них больше времени уходит на то, чтобы перехитрить друг друга, чем на закупку птиц.

Однажды я оказалась жертвой одной из их перепалок и пострадала так, что в течение нескольких дней с трудом передвигала ноги. Мы стояли у острова Биг-Дог. Том и Джек отправились на берег. Лес пообещал им, что пошлет за ними кого-нибудь, когда корабль будет готов к отплытию.

Это поручение, как и многие другие, которые не хотелось выполнять никому, выпало на мою долю.

— В каком направлении их искать? — спросила я.

— В той стороне, где живут Риддлы.

Когда я добралась до Риддлов, оказалось, что к ним никто не приходил. Правда, они видели, как Честный Том направлялся к дому Дэйва Родса. Я отправилась туда, шагая через заросли кустарника и гнездовья. Некоторые норы были прикрыты кустами, другие поросли сверху травой, и, как бы осторожно я ни шла, не провалиться в них было просто невозможно. По подсчетам

Флиндерса, на один квадратный метр приходится по норе, а местами и по две. Утро уже было на исходе, а я все ковыляла в поисках скупщиков птиц, которые, вероятно, в это время обдумывали, как бы перехитрить друг друга. Я так часто проваливалась в норы, иногда обеими ногами, что создавалось полное впечатление, будто я шагаю по колено в земле.

Наконец я добралась до хижины Родсов. Хозяйка сказала, что оба закупщика сюда приходили.

— Это произошло совершенно случайно, — сообщила она. — Они выползли из кустарника с разных сторон и чуть было не столкнулись. Каждому хотелось, чтобы противник пришел к хижине первым, а затем появится другой и предложит более высокую цену. Теперь они скорее всего пробираются через пригорки, долины и выросли кустарника.

Мне пришлось тащиться вслед за ними. Я легко ориентировалась со стороны моря, а тут заблудилась в кустарнике и была вынуждена идти, спотыкаясь о норы, обходить хижины, чтобы разобраться, где я нахожусь. Один раз я даже наступила на человека, который лежал, распластавшись на траве и запустив руку в нору. Не знаю, кто из нас больше испугался, но помню, кого как следует обругали.

В тот момент, когда я подошла к этой злополучной норе и услышала в свой адрес проклятия, наше судно огибало остров. Я не знала, что оба скупщика уже вернулись на корабль и Лес ждал лишь моего возвращения. Я кинулась бежать. Когда я добралась до берега, корабль уже скрылся за мысом. Тогда я решила бежать через остров, чтобы успеть в залив раньше корабля. Однако, как и в случае с хижинами, я не смогла сориентироваться, и судно ушло дальше. Я добралась до гнездовья, принадлежащего белой семье Уиллис. Они сказали, что Лес советовал мне продолжать путь.

Я так нервничала, что отказалась выпить чашечку чаю, предложенную госпожой Уиллис, и, избитая и усталая, ползла дальше, поочередно вытаскивая из нор то одну, то другую ногу. Вскоре я пожалела, что отказалась от чая.

В какой-то момент я оказалась так близко от корабля, что увидела Леса, наблюдавшего в свой телескоп за тем, как я неуклюже пробиралась через гнездовья. Он

направил корабль к берегу и знаками показал, куда мне идти, а я снова заблудилась. Я вскарабкалась на Биг-Ноб, самую высокую точку острова, но отсюда судна совсем не было видно.

В конце концов меня подобрали недалеко от хижины Уиллиса, рядом с гнездовьем, принадлежащим Риддлам. Это произошло на том самом месте, где я сошла на берег.

Я так устала и так вымоталась, что не обращала внимания на насмешки, сыпавшиеся в мой адрес. У меня ныли руки и ноги, я ругала Тома и Джека, которые оказались виной тому, что со мной произошло, и дала слово никогда больше не пускаться на их поиски.

Глава X

ПРЕКРАСНОЕ ЗЛО

Остров Бейбел прекрасен, однако островитяне называют его злым. Они утверждают, что «он преследует человека», но тем не менее местные жители его любят и считают красивым.

Несмотря на то что от северной оконечности острова Флиндерс он отделен лишь узкой песчаной полоской, Бейбел — наиболее изолированный и труднодоступный из всех островов этой группы. Добраться до него можно из Леди Баррон, но для этого нужно преодолеть коварные отмели Ванситтарт и наводящий ужас Пот-Бойл.

Свое первое путешествие на Бейбел я совершила на «Маргарет Туэйтс», одном из трех пароходов, принадлежащих Лесу Джексону. В то время на «Шиэруотере» поваром работал мужчина, он же помогал и при погрузке.

На борту судна вместе с нами находились Честный Том, друг охотников, и санитарные инспектора. На палубе разместились охотники. Пит считал их спекулянтами, а темнокожий Лидэм называл «темными личностями». С нами не оказалось моей новой приятельницы Беатрис Эверетт, хотя вещи ее находились здесь и сама она только что была на судне. Наконец она появилась, когда отдавали швартовы, ведя за собой свою глухонемую сестру Минни.

— Не знаю, выживу ли, — сказала она, — ужасно боюсь плавать.

Я решила, что она, видимо, впервые приехала на Бейбел. Однако я была не права. Беатрис рассказала мне, что впервые она приехала на Бейбел еще ребенком. Это было лет шестьдесят назад. С тех пор она регулярно навещалась на остров.

— И всегда со мной происходит одно и то же: вечно я боюсь. Надо бы поискать другой путь.

В то время туда нельзя было добраться самолетом: они еще не совершали посадки на острове, как теперь. Я подумала, вряд ли Беатрис удастся в этом году добраться до Бейбела. Она доверительно попросила меня:

— Пожалуйста, проследите, чтобы мой багаж выгрузили на Литтл-Галч (Маленькое ущелье), а то еще снимут где-нибудь, и тогда придется тащить его на себе до самой хижины.

Она перечислила мне свои вещи, которые были сложены в трюме, и я записала их перечень на обложке своей записной книжки, которую храню до сих пор.

Вот что в нем значилось: узел с постельными принадлежностями, на котором голубая латка, бидон из-под керосина с овощами, железный чайник, железная печка, бутылка с портвейном, перевязанная коричневым шнурком от ботинка, овальный котелок, фонарь, большой сундук с палаткой сверху, картонная коробка с ампулами магнезии.

Меня удивило, что никто не упрекнул Беатрис в трусости. Вскоре я поняла почему. Дело в том, что все присутствующие испытывали такое же чувство и не знали, как поведут себя в дороге.

И вот мы оказались в районе Пот-Бойла. Лишь взглянув за борт, все тотчас закрыли лица руками. Я посмотрела на море, и мне так захотелось уткнуться головой в колени, но я не могла этого сделать, ведь я стояла в рубке, поэтому просто зажмурилась. Мы плыли через черный водоворот, покрытый чернильно-черными маслянистыми кругами. Не было видно ни одной птицы. Все вокруг словно застыло. Двигался лишь наш корабль. На поверхности ни волн, ни ряби, ни пены — ничего, только ровные безмолвные черные круги.

Рассветало. При неярком свете зарождающегося дня я разглядела в углу рубки сваленные в кучу тюки и

старые рыбы. Мне захотелось присесть на них, но все казалось таким неустойчивым и мне ничего не оставалось, как продолжать стоять в рубке и смотреть на Пот-Бойл.

На судне все замерло. Оно скользило по маслянистой поверхности. Картина была зловещей.

— У меня мороз по коже, — промолвил Честный Том.

Когда-то он был одним из немногих, кому удалось выбраться из Кипящего Котла невредимым. В те времена он занимался скупкой рыбы и плавал на небольшом суденышке, которое называлось «Леди Маргарет». Тогда его звали Честный Том — друг рыбаков. С ним были еще трое — два моряка и пастор. Последнему нужно было попасть на Бейбел, где он собирался служить, и Том предложил ему свои услуги. Однако случилось так, что, когда они дошли до Кипящего Котла, у них заглох мотор. Сначала это не вызвало у них волнения — просто случилась маленькая неисправность, которую можно легко устранить.

Пока они возились с мотором, их отнесло течением к кромке Кипящего Котла. Водоворот возникает из-за стремительного течения между островами. «Леди Маргарет» несло на отмели, где море буйствовало особенно сильно. Когда течение бросило их на мель, волны захлестнули судно и залили мотор. Им ничего не оставалось, как попытаться вплавь добраться до берега. Том был отличным пловцом, поэтому он рискнул плыть в сторону берега. Другие кое-как достигли острова.

Островитяне не раз рассказывали мне об этом случае.

— Честного Тома даже Кипящий Котел не берет, — говорили они. Однако сам Том не очень-то верил в эти предсказания и тихонько ругался, пока мы преодолевали водоворот.

Проскочив его, мы оказались у песчаных отмелей Ванситтарт, простирающихся на многие мили восточнее островов Флиндерс и Ванситтарт. На карте они не указаны, так как постоянно передвигаются и задают мореходам неразрешимую загадку, которую под силу решить лишь местным жителям.

Сначала волны обрушиваются на судно и несут его в одну сторону, затем кидают в противоположную.

— Здесь море всегда такое, — мрачно произнес Том, — оно бурлит.

Вдруг на палубе раздался вой. Казалось, загудела пожарная сирена. Затем шум голосов усилился, и это напомнило мне тот вечер в Сиднее, когда стало известно, что вторая мировая война кончилась. Это шумели островитяне. Они безмолвствовали лишь до той поры, пока мы проходили Кипящий Котел, а теперь дали волю своим эмоциям.

— Островитяне всегда ведут себя так, — добавил Том.

Страх, словно удар, парализовал их. Они ничего не ощущали, кроме ужаса. Двое нежно воркующих влюбленных теперь распростерлись на палубе и в страхе жались друг к другу. Громче всех кричали пожилые дамы, а старики выглядели самыми напуганными. Молодые люди пытались изображать безразличие, но их выдавали испуганные глаза. Все были заражены страхом. В общем шуме слышались и детские крики. Я сама чуть не присоединилась к общей панике. Для меня все-таки было полной неожиданностью, когда Честный Том вдруг закинул голову вверх и завыл, как собака.

Я не могла понять, что он при этом выкрикивал. Он подпрыгивал и неистово бил себя в грудь. Потом вдруг успокоился.

— Мои зубы! — наконец разобрала я. — Только сейчас я вспомнил, что оставил дома свою вставную челюсть.

Перспектива есть несколько дней без зубов привела его в глубокое отчаяние.

Капитан «Маргарет Туэйтс» до этого на Бейбеле не бывал, поэтому, следуя совету, прихватил с собой «знаточка местности». Я не знала, где он находится, и чуть не села на него.

Тюки, на которые я собиралась присесть, вдруг зашевелились, и в розоватом сумраке рассвета я вдруг увидела сначала руку, затем туловище, а потом и голову в плотно надвинутой на нее шляпе с высокой тульей. Владелец этих слагаемых поднялся, пригладил усы, поправил бутылки, выглядывающие из его карманов, и весьма церемонно представился мне:

— Билл Баррет.

Он белый. Его родители жили на острове давно. Бил-

лу и его брату принадлежал остров Лонг. Большую часть своего времени Билл проводил на небольших суденышках. Он прекрасно знал местность и взялся провести «Маргарет Туэйтс» через отмели Ванситтарт. Среди тюков он провел всю ночь, но, когда мы вошли в зону отмелей, Билл моментально проснулся, словно по сигналу тревоги.

Он стоял на носу корабля, подавая знаки. Брызги обдавали его с головы до ног, но Билл продолжал стоять на носу корабля. В тот момент он был похож на статуэтку из красного дерева.

Там, где, по мнению знатоков, надо было поворачивать к Бейбелу, как раз и находилось место гибели «Фарсунда». Стоило лишь появиться очертаниям погибшего корабля, как островитяне совсем потеряли самообладание. Когда-то шторм бросил судно на отмель, песок засыпал все отверстия и придал ему устойчивость. Шли годы, а он словно продолжал свой путь через зыбучие пески, гордо устремляясь вперед, как в те времена, когда судно смело отправилось в далекое путешествие. Мачты и реи прекрасно сохранились, а фигура на носу по-прежнему принимала на себя удары волн.

Когда мы проплывали мимо, я старалась получше разглядеть необычную фигуру, украшавшую нос корабля. Верхняя ее часть — сильный мужской торс, а нижнюю покрывала длинная шерсть. Одна нога с раздвоенным копытом была перекинута через плечо. Волны перекачивались через фигуру, вода струилась по лицу. Создавалось впечатление, что фигура оживает, а судно движется.

По традиции команда, проходя мимо «Фарсунда», обязательно разыгрывает новичка. Эта же участь постигла и меня. Меня спросили, куда, на мой взгляд, направляется «Фарсунд». Глядя на волны, разбивающиеся о нос и скатывающиеся по бортам, я подумала, что судно мчится вперед. На самом деле оно постепенно опускалось вниз, на дно.

Не будь здесь, на отмели, «Фарсунда», опасность могла показаться нереальной. Возникало ощущение, что с тобой ничего не может случиться. Однако тысячетонный корабль, потерпевший крушение, стоял перед нами там, где пыталось проскочить наше восьмидесятитонное грузовое судно, а вокруг бушевало море, мчались волны

и с грохотом разбивались о дюны. Выглянуло солнце и осветило зеленоватые отмели. Наиболее глубокие места окрасились в голубой цвет, а над отмелями пенились белые гребни волн.

Островитяне громко кричали, когда на наше судно обрушивались волны. Их страх передавался всем, даже старому Биллу Баррету, который стоял на носу судна. Порой он с опаской поглядывал на распростертых на палубе людей, а затем снова продолжал командовать:

— Малый вперед! Теперь назад! Еще, еще, еще, чуть-чуть! Хорошо!

Когда судно развернулось, то стали видны отмели, по которым оно только что прошло. Возможно, из-за этих ужасных отмелей Бейбел кажется особенно прекрасным, ведь, когда идешь через них, перед тобой все время маячат две вершины и ты знаешь, что там нет проклятых отмелей. Вскоре начинает казаться, будто ты не видел в жизни ничего прекраснее этого голубого острова.

Малую вершину охотники называют Хай Хилл (Высокая гора), а большую — Шарк Маус (Акуля Пасть). У подножия Высокой горы находится Биг-Галч (Большое ущелье). Там на скале стоит дом Фил, сестры Леса. Одно время она плавала вместе с ним на «Шиэруотере» в качестве повара. Приехав сюда, она открыла лавчонку, которая во время охотничьего сезона снабжала охотников продовольствием: В доме Фил находили приют санитарные инспектора и скупщики птиц. Ее гостеприимством воспользовалась и я.

Кое-что на «Шиэруотере» все еще напоминало о ее пребывании на корабле: и формочки для желе (используемые для полировки деревянных деталей), и пирожницы (их вставили между обшивкой, чтобы она не скрипела), и остатки заплесневевшего варенья, и молотый мускатный орех, и разные приправы, о которых я понятия не имела, а она, видимо, находила им применение. Лишь однажды я удостоилась комплимента Леса, когда он, осмотрев надраенные мною полы, сказал:

— Чисто, почти как у Фил.

После этих слов Леса мне очень захотелось познакомиться с Фил. Я увидела красивую девушку, она — единственная естественная блондинка, которую мне когда-либо приходилось встречать. Ее кожа, как пишут в рекламе, была «светло-персикового цвета», к тому же Фил

отличалась остроумием. В ней было столько очарования, что ее физический недостаток — хромоту, которой она страдала с детства, — вскоре перестали замечать, хотя при ходьбе она сильно сутулилась. Фил легко скользила, ловко балансируя руками, опираясь на спинки стульев и хватаясь за косяки дверей. Она никогда не сидела без дела: то пекла хлеб, то убирала дом. Она азартно играла в карты и часто обыгрывала охотников.

В ее доме жил Лидэм Мейнард. Она любила подшутить над ним, устраивала ему всякие сюрпризы. Он же обожал ее, молча выражая свои чувства. Однажды мне удалось стать свидетелем интересной сцены. Лидэм отлавливал птиц на Высокой горе и нанизывал их клювами на заостренную палку. Мужчина обычно может нести от сорока до пятидесяти птиц. Каждая птица весит около килограмма, поэтому все вместе они составляют порядочную тяжесть, и при этом охотнику приходится шагать не по гладкой, а по изрытой норами земле.

Как-то я сидела на камнях и наблюдала за действиями Лидэма на горе. На мне была большая шляпа, которую я нашла в доме у Фил за дверью. Должно быть, в этом наряде издавека я была похожа на Фил. Лидэм считал, что только самое хорошее достойно ее внимания. Если обычно мужчина может нести одну связку птиц, то он прихватил две. Положив на каждое плечо по одной, он стал спускаться по склону горы. При этом он старался держаться прямо и не сгибаться под тяжестью груза. Его смуглое и загорелое лицо и грудь блестели на солнце, на черных волосах играли блики. Он шел, и на лице его сияла улыбка. Однако все это предназначалось не мне, и когда он увидел, что это не Фил, то перестал улыбаться.

Через несколько лет изувеченное тело Лидэма вытащили из реки Тамар, той самой реки, в водах которой обнаружили и тело Клифа Эверетта. (Клиф — кейп-барренец. Доктор Норман Тиндейл из Аделаиды высоко оценил помощь Клифа в проведении этнологических исследований островитян в 1939 и 1949 годах. Норман Тиндейл признал, что без Клифа эти исследования были бы неосуществимы.) В обоих случаях следователю ничего не оставалось, как констатировать смерть по неизвестной причине.

Беатрис Эверетт, вдова Клифа, прибыла на «Али-

сии». Мы заметили это маленькое рыболовное суденышко, когда оно было еще далеко, и наблюдали за тем, как «Алисия» пробивается сквозь волны. Суденышко то взлетало, то снова исчезало в волнах, и тогда виднелась лишь мачта. «Алисия» подошла к берегу. На палубе, излучая улыбки, сидели Беатрис и Минни.

— Я всегда лучше себя чувствую на маленьких судах, — сказала Беатрис, после того как благополучно сошла на землю.

Однако не все разделяли мнение Беатрис. Так, владелец судна Джим рассказал, что ему пришлось закрыть двух девушек в трюме, так как в то время, когда судно проходило отмели Ванситтарт, они от страха готовы были выпрыгнуть за борт.

«Маргарет Туэйтс» ушла, а за ней следом, доставив птицеловов на берег, отбыла и «Алисия». Утром, после завтрака, мы с Фил мыли посуду. Вдруг к нашему дому подошла группа островитян. После длинного обращения они вытолкнули вперед четырнадцатилетнего мальчика. Он прыгал на одной ноге, так как ступня другой была разрублена.

— Я случайно разрубил ее топором, — сказал он, как бы извиняясь.

Пока Фил искала кусок чистой материи, я разрезала башмак и носок. Клод Мэнселл, так звали парнишку, прекрасно держался. Он ни разу не пожаловался, пока я промывала ногу, хотя боль, видимо, была невыносимой. В конце концов я не выдержала:

— Ты покричи, ради бога, покричи!

Нога была очень грязной, поэтому мне хотелось, как можно чище промыть рану, но она сильно кровоточила.

Островитяне оставили нам мальчика и пошли по домам. Один из них вскользь заметил, что за последние два года на острове было два случая столбняка. Один парень умер, а Фил потеряла палец на руке.

— Это произошло года два назад, — сказала Фил. — Как я ни спешила поскорее добраться до доктора на лодке, палец пришлось все-таки ампутировать.

Мы оказались с Фил перед дилеммой: то ли накрепко перебинтовать ногу и тем самым остановить кровотечение, то ли оставить рану открытой и продезинфицировать ее во избежание столбняка.

Рана была между первым и вторым пальцами. Я плеснула на рану воду и за долю секунды, пока ее не залило кровью, разглядела, что грязь топором вбита в рану. Я подумала, что мальчик может погибнуть, если не удастся отвезти его к доктору.

— Мальчика нужно срочно везти в больницу, — решительно заявила Фил.

Фил куда-то отправилась, и ее долго не было. Когда она вернулась, мы пообедали. На обед у нас были «лунные птицы». Потом я осталась с мальчиком, а Фил снова ушла. Хотя мы приподняли ногу мальчика довольно высоко, кровотечение не прекращалось. Кусок материи, который мне дала Фил для перевязки, уже пропитался кровью.

Наконец она вернулась и сказала:

— Пришло судно. Сейчас мы отправим мальчика в больницу.

— Судно? Какое судно?

Со вчерашнего дня поблизости не виднелось ни единого судна, а на острове не было радио, чтобы попросить о помощи. Откуда по счастливой случайности взялось судно?

— Мы подали сигнал тревоги, — сказала Фил. — Судно на подходе.

До сих пор я считала, что дымовые сигналы хороши лишь для юмористических рассказов. Карикатурист Джолифф регулярно использовал их в серии «Племя Уитчетти», а в туристической рекламе часто рисовали аборигена у сигнального костра. Оказалось, что подобное случается и в реальной жизни.

— Мы разожгли дымовой костер, — сказала Фил.

Я вышла из дома и увидела на горе дымовую спираль от костра, уходящую ввысь, а восточнее — другой костер. Их зажигают одновременно, чтобы избежать недоразумений. Один костер может означать, что кто-то жжет отходы, а два костра на разных холмах — это просьба о помощи. И помощь пришла. С «Маргарет Туэйтс» заметили дым, и судно повернуло назад. Подошло к берегу и рыболовное судно «Роберт Джон», которое промышляло в этом районе. Мальчика решили отправить на более быстроходной «Маргарет Туэйтс». В свою очередь, Билл и Тед с судна «Роберт Джон» по радио должны предупредить доктора на острове Флиндерс о

раненом мальчике. С «Маргарет Туэйтс» подошла лодка. Лидэм помог нам с Клодом осторожно сесть в нее.

Капитан уступил Клоду свою койку. Каюта была такой безукоризненно чистой, что мне захотелось вытереть свои ботинки о брюки, как это когда-то сделал Пит. Капитан принес две чистые простыни для перевязки, дал мальчику шоколад и чашку чаю. Вскоре судно отправилось в путь.

Клод тихо лежал и послушно выполнял мои указания. Он потерял много крови и очень ослабел, однако улыбался и благодарил всякий раз, когда я что-то для него делала. Мне так понравился этот славный терпеливый мальчик, что я решила остаться в госпитале, чтобы ухаживать за ним.

Море было относительно спокойным, но, когда корабль качнуло, нога мальчика упала с подставки, которую для нее соорудили, и кровь хлынула через повязку. Капитан принес еще две простыни, а потом еще две. Хотя ногу туго перевязали, однако рана продолжала кровоточить.

— Мы должны как можно скорее доставить ребенка в больницу. Через внешний пролив нам не перебраться, — сказал капитан. — Попытаемся пройти через внутренний.

Мы плыли уже часа два. Я вышла на палубу. В это время корабль как раз подошел к отмелям, и они предстали нашим взорам во всей своей красе: тяжелые волны разбивались об них и обнажали. Со всех сторон нас окружали отмели. Они были похожи на побеленные заборы. Вдруг один такой «забор» из пенящейся воды возник прямо перед носом судна. Мы попали в западню.

— Лево на борт! — закричал капитан. — Поворачивай!

Вместе с рулевым они навалились всей тяжестью на колесо, пытаясь повернуть судно. Послышался глухой удар, за ним другой, а они молча, с отчаянием продолжали налегать на руль. Наконец судну удалось выбраться на глубокую воду, и мы направились к Леди Баррен по тому же пути, которым шли недавно.

Когда совсем стемнело, судно причалило к берегу. Я устала, и меня немного мутило от запаха крови. Клода срочно отправили в уайтмаркскую больницу, а я стала приводить себя в порядок. Позднее я позвонила в

больницу и заинтересовалась состоянием здоровья Клода. Выяснилось, что моя помощь не понадобится: мальчика в больнице уже не было. Ему зашили ногу и отпустили.

— Где же он будет ночевать? — спросила я капитана.

— В кустах, на земле. Когда придет попутный корабль, вернется к себе на остров, — ответил капитан. И, поймав мой недоуменный взгляд, добавил: — Не бойтесь за него. Они к этому привыкли...

На морских картах воды восточнее островов носят зловещую пометку «глубокие обрывы». С воздуха они производят впечатление запутанного и беспорядочного лабиринта. Сегодня с самолета над мелководьем ясно виднеются проходы для судов, а завтра, пролетая над этим же местом, вы видите, что там, где был проход, теперь бьются волны — верный признак, что здесь песчаная отмель. В этих местах все зависит от прилива, ветра и погоды. Взглянешь на море и сразу подумаешь, какими же смелыми должны быть моряки, чтобы отважиться плавать в этих водах, а посмотришь на землю и поймешь, что летчикам в смелости отказать нельзя тоже.

— В каком направлении дует ветер? — спросил меня Рэг Мунро, летчик, с которым я впервые летала на остров Кларка.

— Откуда мне знать! — крикнула я, тщетно пытаюсь разглядеть ветряной конус на скалистом острове.

— Посмотри на траву на взлетной полосе.

Внизу, однако, никакой полосы я не увидела. Рэг повернул машину так, что стала видна земля.

— Ну, вот и отлично! — воскликнул он.

Я снова посмотрела вниз и снова не увидела ничего, кроме скалы и пучков травы. Самолет стал снижаться. Когда мы подрулили к стоянке, я все еще пыталась угадать, где та, одна из десяти посадочных полос, которую построил Мунро вместе с другими пилотами из Тасманийского аэроклуба. Взлетно-посадочные полосы, минимально отвечающие стандартам, установленным Управлением гражданской авиации для одномоторных самолетов, гарантировали, насколько это в человеческих силах, безопасность. И тем не менее летать в этом районе так же рискованно, как и плавать.

Мунро и его товарищам пришлось вооружиться топорами и кирками, чтобы расчистить полосу от травы и кустарника.

На острове Кейп-Баррен Рэг обычно сажал машину в Тандер энд Лайтнинг Бее (Залив Грома и Молнии), но посадка здесь была сложной, к тому же взлетно-посадочная полоса находилась вдалеке от селения. Об этом я узнала в тот день, когда мне пришлось идти туда пешком.

— Далеко ли до залива? — спросила я Дэниса Эверетта.

— Пожалуй, километра три, — ответил он неопределенно.

Следует сказать, что кейп-барренский километр — поразительно растяжимая единица измерения. Прошло часа три, а я все шагала по тропинке, которая местами так заросла деревьями и кустарником, что почти не было видно неба. Я решила срезать путь, и, как раз в тот момент, когда я сошла с дороги и меня не было видно, мимо проехала повозка, на которой сидел доктор. Она скоро исчезла из виду, а вместе с ней и мой единственный шанс побыстрее добраться до самолета.

Новую взлетно-посадочную полосу Рэгу и пилотам из Тасманийского аэроклуба помогали строить двенадцать кейп-барренцев. Они соорудили ее на равнинной части острова. Строители вручную расчистили полосу длиной пятьсот метров, а шириной более ста метров. Ни одна из полос, построенных под руководством Рэга Мунро, не носила никакого названия. Но однажды, когда Рэг впервые посадил здесь свой самолет, он увидел грубо обтесанный столб с указателем, на котором краской было написано: «Поле Мунро». Этот столб установили островитяне.

Из людей, с которыми мне довелось встречаться за последние лет двадцать, Рэг менее всех остальных стремился к рекламе. Пожалуй, на сегодняшний день он чаще других австралийских пилотов вылетал на помощь людям, за исключением специальной медицинской авиаслужбы. Он считал такие рейсы частью своей повседневной работы и не находил их опасными.

— Я не стал бы рисковать ни своей жизнью, ни жизнью пациентов, — говорит он. — Что же тут опасного?

На этот вопрос ответил доктор Эрик Гилер, которому приходилось регулярно летать на острова по делам Совета по охране зверей и птиц Тасмании, председателем которого он является:

— Рэг летает с большой осторожностью. Он никогда не совершает взлет или посадку, если чувствует, что есть хоть малейший риск. Однако не надо забывать, что для такого летчика, как он, риск не так велик, как для менее способного. Поэтому он может летать в такие места и в такое время.

Посадки на взлетно-посадочные полосы на острове представляются не профессионалам самоубийством. Когда я впервые увидела с самолета остров Бейбел: с одной стороны возвышались суровые скалы, а с другой — торчал клочок земли размером с носовой платок, о который разбивались волны, я спокойно покорила судьбе, решив, что здесь найду свою смерть.

Прошло много лет. Теперь мне кажутся странными и даже забавными воспоминания о том далеком дне, когда я была абсолютно уверена в своей гибели. После бесчисленных полетов на острова, во время которых я чувствовала себя как в пригородном автобусе, я уже не боялась ничего.

Взлетно-посадочные полосы на островах необходимы не только потому, что самолетом сюда можно доставить врача, в них остро нуждаются и охотники на «овечьих птиц», хотя следует отметить, что за последние годы рынок их сбыта сократился. В прежние годы на соленых птиц был большой спрос. Они значились в рационе команд судов. На суда грузили бочки, в которые входило до пятисот соленых птиц. Семьи фермеров заготавливали на зиму до трехсот птиц. Кен Даллас, преподаватель экономики Тасманийского университета, рассказывал мне, что в детстве, когда он жил на ферме, ребята часто брали с собой в школу на завтрак птиц. На ужин они тоже ели птиц и запивали чаем.

В послевоенные годы меню фермеров и моряков стало более разнообразным. Все-таки жалобы на плохое питание детей и моряков возымели действие, и теперь соленые птицы стали неходовым товаром. Видимо, свежемороженые птицы имели бы большой спрос, но на островах все упирается в транспортную проблему. До сих пор на островных торговых судах нет морозильников.

Правда, с Флиндерса отправляли свежих птиц самолетом, однако такое количество птиц не удовлетворяло спроса. Дело в том, что, пока птиц переправляли на судах с места гнездования в проливе Франклин на Флиндерс, проходил целый день, а за такое время они портились.

Рэг и его пилоты построили взлетно-посадочные полосы на трех из пяти островов, где гнездятся птицы. Это дало возможность в течение всего сезона ежедневно вывозить свежих птиц. Как-то я провела весь охотничий сезон на острове Биг-Дог в семье Куков. За это время Рэг успел построить и здесь взлетную полосу. Эрни Куку, которому принадлежало самое старое гнездовье на острове, полоса помогала сохранить годовой запас добычи.

В течение сорока лет Эрни ездил на остров Биг-Дог. В 1919 году его отец построил там хижину, и мать отвезла его туда, когда мальчику было всего две недели от роду. Эрни родился на острове Ганкэрридж, а образование получил у помощника капитана «Фарсунда» (судно потерпело аварию в том районе в 1912 году) датчанина Хьюго Готлиба. Лишь взрослым Эрни узнал, что слово «женщина» пишется через букву «щ», а не через «ч».

— Как пишется *женщина*? — спрашивал датчанин.

— *Ж-ен-чи-на*, — отвечали дети Кука.

— Правулно, — радовался учитель.

Теперь на Ганкэрридже никто не живет: семья Кука обосновалась на Флиндерсе. Там у них, как и у большинства европейских семей, промысляющих охотой на птиц, своя ферма. У Куков пятьдесят коров. Свиней они оставляют на попечение соседей, когда всей семьей уезжают на остров Биг-Дог. Землю они арендуют у властей за двенадцать фунтов стерлингов. Кроме того, они платят за разрешение на охоту за каждого члена семьи старше десяти лет. Большинство детей участвуют в отлове птиц и помогают взрослым их разделывать.

Жизнь семьи Куков делится на два периода: десять месяцев в году они занимаются фермерством, а два — ловлей птиц. Нэлл Кук, хозяйка фермы, хранит под навесом «птичью коробку» — ящик из-под чая, куда складывает всю старую одежду, которая во время охотничьего сезона еще может пригодиться.

Сезон отлова птиц длится недолго, а расходы огромные. Приходится дорого платить за транспортировку, к тому же надо кормить и одевать рабочих. Кукам по-

везло: у них три помощницы — дочери-подростки. Иногда приезжает к ним из Аделаиды на время отпуска брат Эрни. Он тоже помогает ловить птиц. Несмотря на такое количество рабочих рук, им приходится нанимать работника на полный рабочий день, ведь гнездовья должны содержаться в условиях, соответствующих санитарным требованиям. Таким образом, чтобы покрыть расходы и получить какую-то прибыль, семье фермера необходимо отловить как можно больше птиц.

Каждое утро, на рассвете, мужчины отправлялись на охоту. Вытянувшись на траве, они обшаривали руками каждую норку в поисках птенцов. На шест подвешивали по пятьдесят-шестьдесят птиц и несли под навес. Это было нелегким делом, ведь птицы тяжелые, а местность неровная и вдобавок изрыта глубокими, по колено, норами. В небольшом сарае получали птичий жир шафранного цвета, который, как утверждают местные жители, обладает лечебными свойствами. Затем птиц ощипывали, а перья продавали изготовителям матрасов и спальных мешков. Женщины и дети сидели в специальном помещении вокруг небольших кипящих котлов, огонь под которыми поддерживался с помощью обладающих приятным ароматом ветвей *якки*. Наконец, когда птицы остывали, их чистили, а затем засаливали в бочках или упаковывали и в картонных коробках отправляли потребителю в свежем виде.

До глубокой ночи кипела работа. Пока мужчины на охоте, женщины замешивали тесто. Нэлл Кук пекла хлеб в старенькой железной печке колониальных времен, причем уголь засыпался в нее и сверху и снизу. К тому же женщинам приходилось каждый день косить траву и рассыпать ее по полу хижины, готовить бесчисленное множество чашек чаю, печь печенье и, конечно же, жарить, варить и запекать птиц.

Отдыхали только по воскресеньям, во второй половине дня. Утром убирали все под навесами, вытирали или даже белили стены, выбрасывали старую траву и застилали полы свежей, чистили котлы. Под большими медными котлами разжигали огонь и носили воду для бани. К полудню все были чистыми, с гладко причесанными волосами, девушки подкрашивали губы, надевали свои выходные платья, и все ходили друг к другу в гости. Однако к десяти часам вечера, как обычно во время

сезона, гасили свет и все отправлялись спать, ведь рабочий день начинался еще до рассвета.

Помощь, которую летчики оказывают таким фермерам, как Эрни Кук, свидетельствует об их возросшем мастерстве вождения одномоторных самолетов. В тасманийской прессе о работе пилотов писали как о «крупнейших новаторских шагах, предпринятых авиацией Тасмании». Эта «малая авиалиния» обслуживала острова еще до того, как служба «Летающий доктор» добралась до Тасмании. Во время полетов на остров Кейп-Баррен регулярно отправлялся врач, который затем верхом или в повозке совершал объезды и возвращался на самолетах, которые перевозили птиц, солому и шерсть.

Мунро, самый искусный пилот Тасмании, летал с различными заданиями. Он выполнял любую работу, начиная с перевозки жениха к невесте и кончая подсчетом гусей с воздуха.

В 1956 году газеты в шутку называли его Купидоном. Случилось так, что летное поле в Уайтмарке, на острове Флиндерс, было затоплено водой и грузовые самолеты не могли там приземлиться. Один поселенец-немец в полном отчаянии обратился за помощью к Мунро. Дело в том, что в Уайтмарке в церкви его ждала невеста, а немец не мог вовремя туда добраться.

Летчики на самолете типа «Остер» совершили семьдесят восемь полетов на остров и перевезли двести семьдесят два пассажира и двадцать две тонны груза. Пилотам доводилось доставлять пятнадцать килограммов дрожжей, которые понадобились пекарю; их пассажирами были четырехмесячный младенец, семидесятилетний старик, католический священник, которому предстояла служба в Уайтмарке.

Мунро и другие пилоты считали свою работу самой обычной. Они перевозили больных и выручали людей из беды, совершали посадки при свете сигнальных ракет на лугах, на берегу моря и на взлетных полосах, которые только они и могли разглядеть. Они летали в такие отдаленные точки, как Коксис-Байт и озеро Педдар, в малонаселенном юго-западном уголке Тасмании, на остров Кинг, на западе Бассова пролива, и на остров Дил, в его восточной части.

Пожалуй, чаще всего Мунро и его коллегам приходилось вылетать по срочным вызовам для оказания

помощи больным. Однажды он летел ночью на остров Флиндерс, чтобы доставить лекарство для малыша. Помогал он также перевозить рожениц, если врачи больницы видели, что своими силами не справятся; выручал Мунро и в случаях других больших затруднений.

Раньше во время полета Мунро частенько приходилось выполнять еще и обязанности медсестры, но с тех пор, как он приобрел «Персиваль Проспектор», ему не нужно больше этим заниматься, потому что он может, если это необходимо, прихватить с собой кого-нибудь из медицинского персонала. Этот небольшой шестиместный самолет оказался, пожалуй, самым удобным для местных рейсов. Его легко переделали под санитарный, куда входило двое носилок, сидячий больной и сопровождающий.

На нем можно перевезти также несколько упитанных баранов, а заодно и двух пастухов. Кроме того, в нем помещается одиннадцать мешков соломы или два тюка шерсти.

Если верить пассажирам, то этот небольшой самолет идеален для полета на острова, потому что «взлетает, как ракета, а приземляется, как парашют». Да и взлетно-посадочная полоса ему нужна небольшая. Этот самолет Мунро использовал также для перевозки живой рыбы, которая сбрасывалась прямо в лагуну для увеличения рыбных запасов.

Скорость полета — пятьдесят шесть километров в час. Он может летать на малой высоте, что дает возможность хорошего обзора местности, а это очень важно при проведении спасательных работ, особенно на море. С самолета хорошо просматривается лес и можно вести геофизические наблюдения.

Мунро первым в Тасмании начал проводить подкормку растений суперфосфатом с воздуха. Он достиг в этом деле такого совершенства, что мог равномерно посеять даже килограмм семян или разбросать двести пятьдесят килограммов суперфосфата на площади 4047 квадратных метров. Успех работы зависит от скорости полета и точного расчета времени, когда нужно открывать клапаны хоппера с семенами или удобрениями.

Во время охотничьего сезона Мунро обычно развозит по островам охотников-любителей.

Ему приходилось проделывать и не совсем обычную работу — вести с воздуха подсчет кейп-барренских гусей на островах Фюрно. Гуси настолько пугливы, что, заслышав звук мотора, тотчас улетают. Этим их качеством и воспользовался Мунро. Он поднимал птиц в воздух, где, как оказалось, считать их гораздо легче. Впервые такой подсчет был сделан по просьбе Совета по охране зверей и птиц Тасмании. Теперь эта работа проводится ежегодно.

Редактор издаваемой на острове Флиндерс газеты Джим Дэйви сказал, что о героической работе Мунро мало кто знает, потому что он очень скромный человек и никогда не стремится к саморекламе.

Однако память о его славных делах островитяне хранят в своих сердцах. Нам хотелось отблагодарить его, и мы провели подписку в фонд «Благодарности Мунро». На деньги, которые удалось собрать, приобрели оборудование для новой больницы на острове. На здании высечены слова благодарности Мунро и его товарищам.

Глава XI

«ХРЮКАЮЩАЯ ПТИЦА»

Кейп-барренские гуси, которым грозило полное исчезновение, не только выжили, но и число их заметно увеличилось. Эта птица, известная орнитологам как куриный гусь (*Sereopsis novaehollandiae*), по своим размерам с домашнего гуся. Питается она в основном травой. Мясо ее по вкусу напоминает мясо домашних птиц, оно без привкуса, свойственного водоплавающей дичи.

Особенно прекрасна птица в полете. Несколько лет назад знаменитый зоолог и художник, рисующий водоплавающих птиц, Питер Скотт специально отправился на острова Бассова пролива, чтобы запечатлеть птицу в естественных условиях.

Длина птицы — сантиметров шестьдесят. Она светло-серая, с ярко-оранжевыми лапками и зеленовато-желтым клювом. Самца от самки отличить довольно

трудно. Самка несколько меньше самца. Различают их по голосам.

Практически ни разу не удавалось определить, где самец, а где самка. По словам охотников, крик самца громкий и трубный, в то время как голос самки низкий и напоминает ворчание или хрюканье. Островитяне называют куриных гусей «хрюкающей птицей», что произносится легче, чем «кейп-барренские гуси», последнее название к тому же не совсем точно, поскольку гуси встречаются не только на острове Кейп-Баррен, но и на многих островах пролива.

Да и принадлежит ли он к отряду гусей? Вполне возможно, что это утка. Некоторые зоологи — специалисты по водоплавающим птицам высказали сомнение по поводу принадлежности этой птицы к гусям. Причиной тому — ее необычный клюв, строение тела и поведение. Эту биологическую загадку можно разгадать при условии детального изучения внутренних органов птицы и некоторых физиологических аспектов ее размножения. Сейчас в Тасманийском университете этим занимается ирландский зоолог доктор Эрик Гилер. Несколько раз в год он выезжает на острова, где наблюдает за поведением гусей на различных стадиях их развития.

Вслед за мореплавателями пришли стрейтсмены. В 30-е годы прошлого столетия солдаты из поселения Вибелина отправились на розыски скрывавшихся двухсот трех аборигенов. С того времени острова стали обитаемыми. В 1872 году на островах Фюрно жило двести двадцать семь человек, и до 1929 года, когда начал свою работу Совет по охране зверей и птиц Тасмании, на «хрюкающую птицу» охотились только те, для которых она являлась пищей.

Тот факт, что на этих островах птица не исчезла, весьма примечателен, особенно если учесть, что острова Флиндерс, Кейп-Баррен и Кларка по своей величине превосходят остальные, многие из которых представляют собой просто скалы, выступающие из моря. На равнинах Виктории этих птиц почти не стало, а когда-то, до того, как в 80-е годы прошлого века начался промышленный отлов, их было здесь великое множество. В наше время Монашский университет (штат Виктория) проводит исследовательскую работу по широко-

му изучению кейп-барренских гусей в основном на островах Фюрно.

Последние годы об этой птице высказываются самые противоречивые мнения. В 1965 году на два дня был открыт сезон охоты, и каждому охотнику разрешалось убить до шести птиц. Это решение вызвало общественный протест, который нашел свое отражение в газете под рубрикой «Письма к редактору», в программах телевидения, статьях. Большинство выступавших заявили, что популяция гусей уменьшилась до четырех-пяти тысяч. Никто из исследователей не удосужился уточнить факты, свидетельствующие о том, что, когда в 1929 году был создан Совет по охране зверей и птиц Тасмании, на Фюрно насчитывалось всего восемьсот гусей, а в 1960 году при подсчете их оказалось девятьсот. Таким образом, если сейчас их от четырех до пяти тысяч, то вполне очевидно, что за несколько лет популяция птиц возросла в четыре-пять раз.

Было ли этих птиц раньше так много? Сомневаюсь. Правда, первые исследователи отмечали огромное их количество, но никто из них не привел хотя бы приблизительные цифры. Когда на маленьком острове живет пятьдесят таких крупных птиц, то может создаться впечатление, что их очень много, как скворцов в пригородном парке.

Думается, они никогда не были многочисленны и нынешние цифры являются рекордными. Птицы эти — вегетарианцы. Отсюда можно сделать вывод, что до прихода фермеров каменистые, со скудной растительностью острова не могли прокормить большое число птиц. Скалистые почвы не позволяли травам разрастаться. Даже могилы порой приходилось рыть на берегу, поскольку почва не поддавалась лопате.

Уже лет десять по указанию правительства Тасмании на острова отправлялись суда с суперфосфатом и другими удобрениями. Вплоть до 1960 года я работала на «Наракоопе». За несколько лет мы перевезли на судах триста тонн суперфосфата, совершая рейсы каждые две недели. Раньше птицы были вынуждены довольствоваться скудными травами, теперь же они пасутся на сочных пастбищах, созданных поселенцами. И если на некоторых островах птиц не было видно, то теперь они совершают набеги на засеянные поля.

Для фермеров кейп-барренские гуси — бич. Элф Стэкхауз считает, что урон, который наносят гуси его участку, обходится ему примерно в сто австралийских фунтов. Один островитянин вынужден был сократить стадо овец на сотню голов. В 1965 году еще один фермер жаловался, что двести тридцать четыре гуся полностью вытоптали участок, который он засеял овсом. Однако урон, наносимый гусями, исчисляется не только тем, что они вытаптывают поля и поедают урожай. Дело в том, что после птиц остается помет, который отпугивает домашних животных, и в течение многих месяцев они не могут питаться травами на лугах, где побывали гуси.

В связи с этим Совет по охране зверей и птиц Тасмании вынужден был в 1965 году разрешить охоту на гусей впервые за последние пять лет. Тридцать два охотника получили лицензии и отстреляли сто шестнадцать гусей. Противники подобного спорта, должно быть, оплакивают птиц, а те, кому довелось изучать и видеть их вблизи, испытывают страдание, когда приходится идти на такой шаг.

Однако следует отметить, что полного уничтожения этих птиц не произойдет, как перед открытием охотничьего сезона предсказывали многие исследователи. Джон Гульд, великий знаток птиц прошлого столетия, писал в книге «Птицы Австралии», что 12 января 1839 года он убил двух гусей на острове Изабелла, и тут же добавил, что этих птиц уже не так много, они «почти истреблены». Тем не менее более чем через столетие птицы продолжают жить, и, как мне кажется, число их значительно возросло. Неизвестно только, смогут ли они все поместиться на островах.

Охота на кейп-барренских гусей началась в 1792 году, когда они впервые были открыты французским ученым Дж. Дж. Лабиллардье, который назвал их «пепельным лебедем» (*Cygne cendre*). Он взял с собой в Европу чучело одного гуся и подарил музею в Париже. Впоследствии немало этих гусей вывезли в Европу.

Позднее, когда выяснилось, что птицы могут жить в неволе, их в большом количестве вывезли с островов. В 1830 году даже у короля Англии Георга IV было два гуся. Их поместили в Виндзорский парк, где они стали довольно быстро размножаться. Многим своим друзьям

король подарил по паре гусей. Вскоре их стали разводить ради мяса.

Со времен Лабиллардые ни один путешественник, побывавший на островах Бассова пролива, не обошел своим вниманием этих птиц и в путевом журнале писал об охоте на них. В ранних хрониках сообщалось о большом количестве гусей на всех островах Бассова пролива. Говорилось, что гуси совсем непугливы, их можно бить палками и ловить руками. В то время аборигены еще не жили на островах, и вполне вероятно, что гуси до прибытия первых мореходов еще не встречали человека.

В естественных условиях гуси довольно своенравны, а гусаки при встрече часто затевают отчаянные драки. В неволе пары следует держать отдельно, чтобы у каждой был свой участок.

Хотя эти птицы относятся, по существу, к птицам малых островов, кейп-барренские гуси в периоды между гнездованием мигрируют на материк. Мне доводилось видеть их на равнине Виктория между сентябрем и январем. В это время они находятся под охраной, а сезон охоты открывается в начале марта, когда птицы возвращаются на места гнездовий.

Сезон охоты закрывается в то время, когда птицы готовятся выводить птенцов, это бывает между июнем и августом. На островах, где они в течение столетий устраивали свои гнезда, их ничто не тревожит.

Гнезда, по форме напоминающие блюдца, сделаны из травы и пуха. Самцы и самки в равной мере трудолюбиво собирают строительный материал и строят гнездо на земле. Но если они находят удобное место в траве или на нижних ветках кустов, они устраивают их там.

Оба родителя чрезвычайно заботливо оберегают большие кремовато-белые яйца, а позже так же бережно опекают птенцов. Гусаки воинственно кидаются в атаку на людей, птиц или крупных животных, если те подходят к гнезду. Однако если птицам не удастся отвести человека от гнезда и он берет яйца в руки или дотрагивается до них, то птицы немедленно бросают гнездо и улетают.

Когда на островах появились первые поселенцы, они собирали яйца и употребляли их в пищу. Сейчас

это делать запрещено. Те немногие наблюдения, которые были проведены, доказывают, что у гусей не сохранилось близких сородичей.

Как-то Гарри Бойз повез меня с группой охотников на остров Кенгуру. В охоте участия я не принимала, зато узнала историю девушки, которая умерла от смеха.

Впервые Гарри Бойз узнал о Матильде Мейнард лет двадцать назад, когда он был молодым парнем. К тому времени прошло сорок восемь лет со дня смерти Матильды.

Рассказывали, что ветер сдул весь песок с ее неглубокой могилы на берегу и обнажил гроб. Бойз вызвался съездить на остров Кенгуру и перевезти гроб для захоронения на кладбище на острове Флиндерс.

Для кого угодно подобная миссия могла показаться ужасной, но Бойз отнесся к этому по-другому. К тому же его отец в 1897 году участвовал в похоронах Матильды на острове Кенгуру и часто рассказывал о том, как жила и как умерла эта девушка.

В 1938 году юный Гарри Бойз отправился на судне, чтобы выполнить задуманное. До сих пор он вспоминает тот момент, когда заглянул в гроб. То, что он там увидел, врезалось ему в память.

— У нее были рыжие волосы, прекрасные длинные рыжие волосы. Это меня потрясло,—вспоминал он потом.

Отец Гарри рассказал ему о трагических событиях 1897 года.

— Девушка была из семьи Мейнард. Они поселились на этих островах очень давно. Мейнарды жили на острове Чаппел. Отец говорил, что у девушки был веселый нрав. Как и все восемнадцатилетние, она любила шутить и смеяться,—рассказывал Гарри Бойз.

В то время, когда произошла эта история, его отец жил на острове Кенгуру. Там же жили еще Харли и Хаммонды, всего три семьи. Они разводили овец, питались дичью и рыбой и жили как короли. Дома их были прилично обставлены, и, как говорят наши женщины, на окнах в доме Харли висели самодельные кружевные занавески, за которые сейчас бы дали приличные деньги.

В доме было пианино. По вечерам у Харли устраи-

вались танцы, на которые собирались жители с соседних островов.

Иногда танцевали в доме, но чаще — под навесом. Прямо перед домом была удобная стоянка для лодок. На закате лодки причаливали к самому берегу, и мужчины выносили женщин из лодок на руках.

Женщины торопливо бежали к дому, чтобы до начала танцев привести себя в порядок и переодеться, ведь иногда в лодках оказывалось много воды.

Путешествия на лодках через бурные потоки, несущиеся между небольшими островками, полны опасности, но мужчины были прекрасными мореходами. Ничто не могло остановить желающих потанцевать: ни ненадежность суденышка, ни полная опасностей дорога. До утра под навесом звенел смех и раздавалось топание ног, а на рассвете гости уплывали на свои острова.

Само собой разумеется, что рыжеволосая девушка тоже была среди танцующих. Ведь остров Чаппел расположен всего в нескольких километрах, а девушка больше чем кто-либо любила повеселиться. Говорят, что ее убил смех.

— Она заливалась, как жаворонок, — рассказывал отец Бойза. — Юноша поймал ящерицу и побежал за Матильдой, грозя запустить ящерицу ей за шиворот. Так обычно молодые люди заигрывают с девушками. Они бегали и хохотали до тех пор, пока не обессилели. Юноша выбросил ящерицу, и они, продолжая смеяться, присели на скалу. Вдруг девушка замолчала, и, когда юноша посмотрел на нее, она была уже мертва. Говорят она умерла от разрыва сердца. Ее тело положили в лодку и повезли на остров Кенгуру. Там на двух холмах разожгли костры, на которые сверху положили охапки зелени, чтобы дым, вестник тревоги, был виден отовсюду.

Вскоре островитяне с соседних островов прибыли на Кенгуру. Они увидели, что мужчины сколачивали из грубо отесанных досок гроб для хохотушки Тилли Мейнард. Остальные отправились искать место для могилы. Задача у них оказалась не из легких. Гранитные камни острова покрыты лишь тонким слоем почвы. Наиболее подходящее место нашли у берега. Выкопали, насколько было возможно, могилу и вечером опустили туда гроб.

К тому времени собрались все, кто жил на близлежащих островах. Была среди них и мать Матильды — Алисия Стаффорд. Ей острова не принесли ничего, кроме горя. Она, белая женщина, вышла замуж за Мейнарда Дэвида вскоре после того, как бесследно исчез ее отец, работавший на маяке. Однако на этом несчастья Алисии не окончились. У нее был еще сын Тэд, которому в день смерти Матильды было десять лет. Тэд погиб позднее, при высадке войск в Галлиполи.

Отец Гарри Бойза с одиннадцати лет жил на острове в семье Харли. Как и большинство островитян, он умел делать все: управлять лодкой, стричь овец, охотиться на «лунных птиц». На острове Кенгуру нет леса, поэтому материал, который был необходим для гроба, доставили на суденышке. То было трудное время — на каждом шагу людей подстерегала опасность.

На этом же острове захоронен также и старик, хотя могила его никак не отмечена. Старика укусила змея, но, вместо того чтобы поспешить домой за помощью, он сначала вытащил из норы змею и убил ее. Пока он добирался до дома, яд успел подействовать, и старик вскоре умер.

Из трех поколений семьи Харли двое — дед Харли и его сын — утонули, когда плыли на лодке от острова Кенгуру к Чаппелу.

Старый дом, построенный руками деда Харли, стоит до сих пор. Вокруг него разрослась живая изгородь, и, чтобы попасть в дом, надо на коленях ползти через колючие заросли. Изгородь уже проросла в открытую дверь и разбитые окна, и когда налетает стремительный ветер, он запутывается в кружевных занавесках ручной работы.

Когда Харли покидали остров, они оставили здесь всю обстановку. Теперь в стоящем в гостиной старом пианино, под звуки которого некогда танцевала Матильда Мейнард, птицы свили гнездо.

Ветер разбросал по полу десяток фотографий, на которых изображены усатые мужчины, женщины в кринолинах, мальчики в бриджах и девочки в платьях с пышными рукавами.

Почти на всех снимках стоял штамп лонсестонских фотографий. Я невольно подумала, что среди людей, изображенных на этих снимках, были и те, кто перепра-

вился через Бассов пролив на утлых суденышках, на которых, судя по описаниям миссионеров, «паруса были привязаны травой, а корпус зашпаклеван мылом».

На ферме предметом особой гордости госпожи Харли, безусловно, была колониальная печка, которой она очень гордилась, ведь большинство островитян в то время готовили еду на открытом огне и иногда пользовались железными походными печками.

Огонь в такой печке поддерживается одновременно и сверху и снизу, и женщины, которым доводилось на них готовить, считали, что в них можно прекрасно печь пироги, потому что можно регулировать равномерность накала, сгребая уголь или раскидывая его.

На кухне, как много лет назад, вы увидите чайники и сковородки. На столе нарядные керосиновые лампы стоят в ожидании огня, который никогда в них больше не загорится. В вазах уже больше не появятся цветы, да их и нет теперь на острове.

Обои на стенах облезли, обнажив грубо сколоченные колья, но дерево столь прочно, что продержится еще многие годы, когда все сгниет и истлеет.

Дом Хаммондов, еще одной семьи, некогда проживавшей на острове, зарос кустарником. Чтобы проникнуть в него, пришлось продирается через зеленую колючую изгородь. По внутреннему убранству дома нетрудно судить, какие люди здесь жили и были ли они довольны собой и счастливы, как, например, семья Харли.

Площадка перед домом, где, должно быть, когда-то был разбит садик, даже по прошествии стольких лет свидетельствует, что за ним присматривала хозяйка. Кирпичи и камни, теперь почти невидимые под травой, образовали забор, ограждавший сад от кустарника.

За домом забор оброс кустарником. Наверху на камнях греются на солнце ящерицы, а внизу обосновались «овечьи птицы».

До сих пор пользуются старым навесом для стрижки овец. Джордж Харли, внук того Харли, который утонул здесь, разводит на острове овец. Он регулярно навещается сюда и стрижет овец под теперь уже историческим навесом. На перекладинах крыши сохранились высеченные имена многих стригалей и их комментарии.

Одним из них был Гарри Бойз, который впервые по-

пал на остров в 1939 году. Рядом со своим именем он нацарапал: «Больше никогда».

Вспоминая теперь об этом своем посещении острова, Бойз сказал:

— Это произошло до второй мировой войны. Когда я нацарапал эти каракули, я не предполагал, что не так далек от истины. Не раз я готов был отдать все на свете, чтобы знать, что останусь жив и еще приеду на остров Кенгуру стричь овец.

Во время второй мировой войны Бойз служил в ВВС на Среднем Востоке. Теперь в нем трудно узнать того застенчивого юношу, который сумел найти на острове Кенгуру заброшенную могилу и перевезти останки девушки на остров Флиндерс. Однако в памяти это никогда не померкнет.

Когда далекой ночью Гарри вернулся домой, он спросил отца:

— Отец, у той девушки, что ты захоронил на Кенгуру, были рыжие волосы?

— Да, — сказал отец. — А ты откуда знаешь?

— Я видел ее сегодня, вернее, то, что от нее осталось, — рыжие волосы.

У кромки воды почти скрытый от глаз зарослями травы надгробный камень, на котором высечено: «Светлой памяти Матильды Джесси Мейнард. Умерла 9 апреля 1897 года восемнадцати лет от роду».

Как-то за обедом, когда я впервые приехала на остров Кенгуру, я подумала о пеликанах и о той бессмыслице, которую о них пишут. Мы сидели на скале, выжидая, когда поджарятся на костре молодые «овечьи птицы». Совсем недалеко от нас «рыбачила» группа пеликанов. Хлопая по воде своими огромными крыльями, они загоняли рыбу на отмель.

Гарри сказал, что колония этих птиц гнездится здесь неподалеку. Это удивило моих друзей, которые считали, что пеликаны гнездятся лишь на засушливых землях, и в доказательство процитировали какое-то стихотворение. По-моему, тот факт, что о пеликане написано много стихов, еще не доказывает, что эта птица уникальна, тем более что большинство стихов основано на ошибочных предположениях.

Поэты и даже некоторые древние ученые допустили две грубые ошибки, предполагая, во-первых, что пели-

каны строят свои гнезда в недостижимых для человека местах, и, во-вторых, будто самки вскармливают птенцов своей кровью.

Одно из таких стихотворений любят декламировать дети:

Где пеликан строит свое гнездо,
Там не страшна засуха, не страшны наводнения.

Это строки, основанные на представлении, что пеликан может гнездиться только в таинственных засушливых пустынях страны Никогда-Никогда (Never-Never), написаны в те времена, когда это предположение было общепринятым.

С той поры орнитологи уже доказали, что австралийский пеликан гнездится во всех уголках страны, причем не только возле внутренних водоемов, но и в заливах и на островах в океане. Тасманийские воды являются излюбленным местом гнездования птиц. Когда члены Австралийского Королевского общества орнитологов в 1912 году на корабле «Манавату» отправились на поиски излюбленных мест птиц в Бассовом проливе, они нашли процветающую колонию пеликанов на острове Пингвин.

У пеликана громоздкое туловище, короткие ноги и перепончатые лапы. На суше он ходит, забавно переваливаясь, а перед тем как взлететь, смешно подпрыгивает. Зато в полете это одна из самых грациозных птиц, умеющая красиво взмывать вверх и парить в воздухе.

Клюв пеликана весьма необычен по конфигурации, он длинный, плоский и на конце изогнут крючком. На подклювье большой кожистый «мешок», способный растягиваться.

Пеликаны — птицы общительные. Они часто большими группами ловят рыбу. Бродя по мелководью и хлопая большими крыльями, они загоняют рыбу на отмель и ловят добычу своими «мешками». Обычно они, подобно глупышам, пикируют в воду, хватают рыбу и тотчас отправляют ее в желудок. Пеликаны не только прекрасно плавают, но и быстро летают.

Австралийский пеликан (*Pelecanus canspicillatus*) — один из самых крупных представителей своего рода.

Он напоминает пеликана в пустыне, о котором упоминается в Библии.

Во многих стихотворных произведениях, посвященных пеликанам, говорится, будто матери вскармливали птенцов кровью, порой разрывая свое сердце. Вероятно, истоки этого предположения стоит искать в третьей книге Ветхого завета, там перечислены птицы, чье мясо запрещено употреблять в пищу. В их числе упомянут и пеликан.

Француженка мадам Мишле писала о пеликанах по-матерински трогательно:

Кровь неудержимо капает из глубокой раны.
Тщетны поиски в морских глубинах,
Пустынен океан, безмолвен берег.
И отдает тогда она птенцам своим
Все, чем владеет, — свое сердце.

Следует, однако, заметить, если бы мадам Мишле увидела пеликанье гнездо, она бы не была столь сентиментальна. Из всех гнезд морских птиц гнездо пеликана пахнет отвратительнее всего. Обычно оно строится прямо на скалах и имеет примерно около метра в диаметре. В гнезде можно найти кроличьи кости и дохлую рыбу, гниющие водоросли и скелеты погибших пеликанов.

Родители сидят в гнезде по очереди, никогда не оставляя его без присмотра, потому что морские чайки не упустят возможности полакомиться яйцами и даже птенцами.

В каждой кладке два яйца с продольными кроваво-красными полосами, что тоже, видимо, способствовало созданию теории о вскармливании кровью. У некоторых пеликанов кончик клюва окрашен в ярко-красный цвет, и это, наверное, также придавало теории весомость.

У австралийского пеликана белое оперение, черные крылья и хвост, розовый клюв и желтоватого цвета «мешок». Птенцы рождаются слепыми, голыми и беспомощными и в течение длительного времени находятся на попечении родителей. Вид у них очень непривлекательный. Блестящая кожа обтягивает студенистый «мешок», заполненный косточками. Птицы бормочут и кричат, а когда возвращается кто-то из родителей, они заталкивают свои лысые головки им в горло и шумно едят.

Недостаток привлекательности компенсируется жиз-

нестойкостью. Когда у птенцов открываются глаза и они узнают своих родителей, возвращающихся с добычей, их прожорливость достигает апогея. Птенцов кормят дважды в день свежей рыбой и полупереваренной пищей, и, несмотря на это, они, пытаясь урвать побольше, буквально волочат своих родителей по земле, вцепившись им в клюв.

У пеликанов маленький язык, не мешающий проходу пищи. У птиц-родителей в «мешке» под клювом хитроумная западня для рыб. Клюв пеликана гибок и может раскрываться очень широко, а в его верхней части находится крючок, который задерживает рыбу, пытающуюся выскользнуть, так что у рыбы шансов на спасение мало. Птица, клювом зачерпнув воду, а вместе с ней и рыбу, процеживает ее. Затем, подбросив рыбу в воздух, она или заглатывает или отправляет ее в «мешок».

У молодых птиц нет ни большого «мешка», ни длинного клюва. Они развиваются позже, когда птицы покидают гнездовье. Это дает возможность предположить, что пеликаны происходят от птиц с короткими клювами.

Удивительная птица пеликан,
Клювом захватывает больше,
Чем может проглотить.

Глава XII

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ ПРЕДКОВ

Мы расположились на отдых на высокой скале в юго-восточной части Бейбела. Колючая трава колола через брюки, по спине бежали струйки пота. Для доктора Доменика Сервенти это был обычный рабочий день. Приближалось время обеда, мы уже выдохлись, а он ни разу не присел. Пока мы отдыхали, он осматривал гнездовья на соседнем острове Кэт. Мы предполагали ознакомиться с колонией глупышей, как только на Бейбеле кончится кольцевание птиц и на наш дымовой сигнал за нами придет лодка.

Вдруг Доменик горестно всплеснул руками и закричал:

— Жулики проклятые, ничтожные убийцы!

Доктор увидел рыбацью лодку, которая пристала к маленькому острову. Рассел Драйсдейл, неоднократно сопровождавший Сервенти во время экспедиций, попытался было высказать сомнение:

— Может, они вовсе не собираются нарушать закон.

В этот момент раздался выстрел. Доменик больше не кричал, он просто онемел. До птиц было рукой подать, а он стоял здесь и не мог защитить своих любимцев. Мы почувствовали себя пленниками острова. Казалось, мы находимся за тысячи километров отсюда. Собравшись с силами, Доменик закричал, но люди в лодке не слышали его из-за шума мотора. Для защитника птиц ситуация самая что ни на есть обескураживающая. Правда, позже я узнала, что люди в лодке не интересовались глупышами, которые жили на острове Кэт. Они получили разрешение на отстрел тюленя (он постоянно досаждал им тем, что рвал сети, раскинутые между островами Кэт и Сторхауз). Однако мы, зная историю острова Кэт, испытывали такое же огорчение, что и Доменик.

Гонимые призраками десятков тысяч своих предков, бездумно загубленных в течение последних пятидесяти лет, десятка два глупышей, этих, пожалуй, самых грациозных из всех морских птиц, обосновались на острове Кэт в надежде выжить. Предпринимаются кое-какие попытки защитить и сохранить то немногое, что осталось от некогда огромной популяции глупышей, но будущее этих птиц вызывает большое сомнение.

В 1912 году экспедиция Королевского Австралийского общества орнитологов, предпринятая на остров Кэт, насчитала там десять тысяч глупышей. Во время своей последней поездки доктор Сервенти обнаружил всего около двадцати четырех гнездящихся там особей.

Он считал, что многие годы ловцы лангустов в проливах питались тушками этих прекрасных птиц. В наше время рыбаков просят не трогать оставшихся в живых птиц на острове Кэт. В конце 50-х годов Совет по охране зверей и птиц Тасмании договорился о том, чтобы на острове был смотритель, который в сезон гнездования, то есть в течение трех месяцев, начиная с конца весны и до начала лета, мог охранять и защищать птиц. В результате этой работы за несколько лет было уничтожено лишь небольшое число птиц.

Следует заметить, что в отличие от острова Кэт на мысе Киднаппер, в заливе Хока (Новая Зеландия), гнездовья находились под присмотром и защитой. Этот мыс привлек к себе туристов многих стран мира.

Чтобы добраться до этого заповедника, туристы вынуждены прошагать пешком примерно километров шесть, затем по отвесной скале добраться до обзорной площадки, откуда можно наблюдать за птицами, не тревожа их. А на острове Кэт, стоит только с острова Флиндерс доплыть туда на моторке, особенно если море спокойно, сходишь на берег и оказываешься в гнездовье.

Австралийские орнитологи с завистью говорят о тех официальных мерах, которые принимаются в Новой Зеландии для охраны и разведения глупышей. Они испытывают чувство горечи оттого, что когда-то и в Австралии была не менее крупная и не менее интересная колония глупышей, чем та, которой знаменит теперь мыс Киднаппер. Однако колония почти исчезла, и произошло это из-за отсутствия контроля за рыбаками, которые зверски убивали птиц дубинками. Доктор Сервенти считает, что с исчезновением глупышей Австралия утратила одну из своих самых значительных природных достопримечательностей.

Глупыша, эту скромную морскую птицу, можно встретить практически в любой части света, но наблюдать их интересно в местах гнездования. Взрослая птица — поистине чудесное создание: белоснежное оперение, отороченные черным крылья, а шея и голова золотисто-янтарные. Почти белые глаза, обведенные голубыми кольцами, создают впечатление очков. Птицы прекрасно смотрятся, когда ныряют за рыбой. В полете они, пожалуй, одни из наиболее грациозных и прелестных морских птиц.

Когда в 1912 году на остров Кэт приехала группа орнитологов, они обнаружили там многочисленную популяцию взрослых птиц, только что вылупившихся птенцов, молодых самочек и «соискателей» — так называют молодых самцов, не нашедших подруг. В отчете экспедиции говорилось: «4047 квадратных метров земли были покрыты холмиками гнезд, в которые птицы откладывали яйца и высиживали птенцов. Все птицы сидели, повернув клюв в одном направлении. Зрелище трогательное и прекрасное».

В 1959 году смотрителем на острове в течение всего сезона гнездования работал Мортон Данн из Кингстона (Тасмания). По его мнению, попытки сохранить птиц предприняты с большим опозданием:

— Количество глупышей на острове Кэт сейчас настолько ничтожно, что возникает сомнение, а не слишком ли мал этот процент, необходимый природе для восстановления колонии птиц.

В декабре 1959 года, когда Данн с женой прибыл на остров, птенцы уже вылупились.

— Я и подумать не могла, что после рискованного путешествия на маленькой лодчонке птицы вызовут у меня какой-нибудь интерес. Но стоило мне их увидеть, как сейчас же возникло желание позаботиться о них и защитить. Я ничего подобного в жизни не видела, — говорила госпожа Данн.

Маршрут путешествия, о котором она упоминала, пролегал через Пот-Бойл и отмели Ванситтарт.

Госпожа Данн, уже немолодая женщина, оставила свой роскошный дом с окнами на залив и три месяца прожила в хижине на острове Кэт, разделенной перегородкой на две комнаты. В полуразрушенном камине она умудрялась печь хлеб. Они с мужем питались в основном консервами, иногда добрые рыбаки подбрасывали им лангустов и рыбу, которых они вылавливали в местных водах.

Каждое утро Данн и его жена обходили остров и наблюдали за птицами.

— Глупыши проявляют свои чувства поглаживанием клювами шеи друг друга, — вспоминала госпожа Данн.

В тот год вылупилось всего тринадцать птиц — печальные данные о гнездовье, где когда-то ежегодно появлялось две с половиной тысячи птенцов.

Гнезда птицы строят из морских водорослей примерно в тридцати дюймах друг от друга, на достаточном расстоянии, чтобы избежать острого клюва соседки.

— Когда мы приближались к гнездам, птицы не улетали. Наверное, они побаивались серебристых чаек и альбатросов, которые парили вокруг в надежде стащить яйцо или птенца, — рассказывала госпожа Данн.

Только что вылупившийся птенец выглядит совсем непривлекательно. Он похож на жалкий мешочек с ко-

стями, но вскоре птенец покрывается белым пухом и превращается в весьма очаровательное создание.

Немного позднее оперение покрывается коричневыми крапинками. Это помогает птенцу маскироваться, когда он предпринимает свои первые, полные риска путешествия в заросли тассока.

Затем наступает момент, когда у птенца появляется непреодолимое желание взлететь. Однако это сделать нелегко даже и взрослой птице. На земле она выглядит неуклюжей и смешной, особенно когда подпрыгивает. Она плюхается, снова подпрыгивает, пока не попадает в воздушный поток, который поднимает ее вверх. Нельзя не почувствовать птенцу, наблюдая, как он отправляется в свое первое путешествие, движимый извечным стремлением птиц к полету в неведомое.

В воздухе птица становится изящной. Стоит появиться косяку рыб, как глупыши падают вниз и, подобно снежинкам, тают в волнах.

Глупыши — отменные рыболовы. Клюв у них с зубринами, причем они направлены внутрь, чтобы рыба не выскальзывала. Птенец, жаждущий получить принесенную пищу, часто с головой забирается в клюв родителя, пытаясь извлечь рыбу.

Гнездовья глупышей на острове Кэт построены на слое гуано толщиной около пяти метров, что является доказательством того, что птицы гнездились здесь с давних времен. Гуано придает всей территории гнездовья ослепительно белый цвет. Это помогает маскироваться и юным пушистым птенцам, и повзрослевшим птенцам в белом оперении.

Когда работа на Бейбеле была закончена, рыбак Джонни Липскомб отвез нас на остров Кэт. Это плоский, однообразный остров, получивший свое название благодаря кошке, которую много лет назад завезли и отпустили на острове. Здесь трудно найти укрытие, откуда можно было бы следить за глупышами.

Я наблюдала, как один из птенцов упорно пытался взлететь. Вот уже несколько дней он с остатками коричневых крапинок на оперении делал суетливые движения, стремясь подняться в воздух. Птенчик энергично махал крыльями и подпрыгивал, имитируя движения взрослых, и всякий раз шлепался на землю. Тогда в полном отчаянии он забрался на скалу, нависшую над

водой (на это у него ушло часа два, причем все это время он делал попытки взлететь). Наконец птенец добрался до скалы, прыгнул в воду и поплыл туда, куда полетели взрослые птицы.

После всех сложностей, связанных с первым полетом, поражает скорость, которую приобретают птенцы, и расстояния, преодолеваемые ими. Известен случай, когда птенец в первый день своей самостоятельной жизни, только выбравшись из гнезда, пролетел более шестидесяти километров.

Теперь птиц на острове Кэт кольцуют, чтобы определить расстояния, на которые они летают, но эта работа начата недавно.

На Новой Зеландии птиц кольцуют несколько лет, и уже отмечены полеты на значительные расстояния. Двух птиц, которым было менее года, окольцованных в Горугору в 1955 и 1956 годах, обнаружили в Индийском океане, у берегов Западной Австралии. Одна из них пролетела 7240 километров, а другая — около 8000 километров.

В период между 1951 и 1959 годами на четырех гнездовьях на Новой Зеландии окольцовано 3999 птенцов.

Кольцевать птиц — дело мудреное. Глупыши крупные, подвижные, к тому же у них острый как бритва клюв. Если держать глупыша не очень крепко, он может больно поранить. Поэтому кольцуют птицу два человека: один держит, а другой закрепляет на лапке кольцо.

Доктор Сервенти говорил, что он ничего не имеет против этой тяжелой работы. Его единственным желанием стало окольцевать еще тысячи птиц на острове Кэт. Обращаясь к рыбакам с просьбой не вторгаться в пределы гнездовий, доктор Сервенти подчеркивал, что глупыши — истинные друзья рыбаков, поскольку само их присутствие — свидетельство того, что в этом месте появился косяк рыб.

Мортон Данн не относился к числу рыбаков, которые в прошлом истребляли глупышей. Он занимался ловлей морских раков. Хотя он и протестует против охоты на этих великолепных птиц, но вынужден признать, что раколов, работая весь день в воде и испытывая большие неудобства, с трудом удерживается от искушения поймать глупыша. Вечером хочется по-

скорей выбраться из воды и приготовить себе что-нибудь на ужин.

— Это верно, что лишь один вид глупышей, которых так легко и просто поймать, — приманка для рыбаков, но я не представляю, как можно убивать таких красивых птиц, — говорил мне Данн.

Однажды Джонни Липскомбу здорово не повезло. Недели за три до моей поездки на Бейбел я видела его в Леди Баррон: он выбрасывал весь свой улов в море. Джонни, как и большинство рыбаков, находящихся на грани финансового краха, озабоченный и жаждущий найти выход из трудного положения, загрузил в лодку слишком много раков, и из-за тесноты они все погибли. Бедняга Джонни! Очередной взнос за лодку был значительным, а платить следовало незамедлительно. Для него это был последний шанс.

Через несколько дней после нашего приезда на остров Кэт, как-то вечером, пришел Джонни и принес нам мешок рыбы. Раков было мало. Когда он ушел к своей лодке, стоящей на якоре в заливе, я рассказала членам нашей экспедиции о его неудаче. Тас Драйсдейл ничего не сказал, а позже, когда пора было идти к гнездовьям, чтобы наблюдать за вылетом птиц, он принялся вырезать каракатицу. В течение дня он уже сделал их несколько. Теперь он трудился над продолговатым, как у тики, грозным лицом со свисающими вдоль шеи волосами. Трое из нас собирались отправиться утром на лодке Джонни, чтобы проверить его ловушки.

— Возьми и передай это ему, — сказал Тас. — Скажи, чтобы бросил его в море там, где ставит свои ловушки.

Я с удовольствием оставила бы эту штуку у себя. Я долго вглядывалась в каракатицу, успокаивающе действующую на жестокого, своенравного и капризного бога. Утром я отдала ее Джонни, и он бросил ее в море, когда забрасывал ловушки. Вечером, когда мы шли возле континентального шельфа, где флажки маркерного буя полегли от налетающего ветра, нам пришлось помогать Джонни справиться с добычей: все ловушки были полны с верхом отборной рыбой.

На заре счастливый Джонни приплыл в наш залив и вышел на берег, чтобы помочь нам перенести вещи. С ним нам предстояло обратное путешествие на Леди

Баррон, через отмели Ванситтарт и Кипящий Котел. Джонни чувствовал себя счастливым, а бедный Доменик лежал внизу на койке. Вокруг бушевало море.

Глава XIII

ЛУЧШЕ ВСЕХ ЗАПАХОВ ЗАПАХ КОРАБЛЯ

Когда я училась в маленькой лесной школе, в нашем учебнике было одно стихотворение, которое мы очень любили, возможно потому, что жили далеко от моря. Теперь я понимаю, что автору неизвестно было то, о чем он писал. Стихотворение называлось «Запахи».

В нем поэт описывал свои любимые запахи, но последнее четверостишие приводило нас в экстаз:

Камфора, скипидар и чай,
Бальзам рождественского дерева —
Это все души умерших.
По мне запах корабля лучше всего.

Когда диких быков острова Пэссидж сняли с борта «Шиэруотера», у нас уже не осталось времени навести после них порядок, так как начинался сезон перелета птиц. Быки пробыли под палубой несколько дней, и ребятам пришлось целый день выгребать навоз лопатами. К сожалению, шлангами там промыть оказалось невозможно, пришлось набросать опилки и уже на них ставить бочки с тушками птиц. Бочки протекали, рассол капал, а одна огромная бочка и вовсе рассыпалась, залив весь пол густой маслянистой жидкостью.

Погода стояла теплая. И несмотря на то что ветер завывал и море бесновалось, солнце припекало нещадно.

Стоя на якоре или спеша укрыться в гавани, мы целыми днями пропадали на судне и понятия не имели, что у нас что-то неладно, пока к нам не подошел «Роберт Джон».

Когда судно приблизилось к нам с подветренной стороны, ребята открыли дверь рубки. Мы сгрудились, всем хотелось поговорить, но, прежде чем обменяться любезностями, они почему-то стали принюхиваться и спросили:

— Откуда так сильно пахнет?

Мы никакого запаха не чувствовали, но тут они запустили моторы и отплыли в сторону.

— Да ведь от вас несет этим, как его... — Они затруднялись подобрать слово. — Черт знает чем.

— Не машинным ли маслом? — забеспокоился Лес.

— Да нет, не таким приятным. Неприятное, отвратительное зловоние. Да неужели вы сами не чувствуете? Вы же окутаны им, как туманом, — говорили они.

Но мы ничего не ощущали, да и думать об этом забыли, пока разыгравшаяся непогода не загнала нас в укрытие. Лес оттягивал наше возвращение в гавань, пока не стало совершенно ясно, что погода не улучшится, поэтому большинство рыбачьих судов добрались туда раньше нас, собрались в кружок. Люди на палубе перекидывались новостями и ругали погоду. Поначалу мы шли с надветренной стороны, а когда стали подходить ближе к ним, они начали оглядываться на нас. Люди на «Фюр Венчэр» принялись выбрасывать содержимое коробок с наживками за борт. Очевидно, они подумали, что кое-что успело протухнуть.

Однако вскоре все поняли, что причина в нас, и поэтому те, кто еще не успели бросить якорь, обходили наше судно с надветренной стороны.

Самым вежливым образом они объяснили нам, что мы им действуем «на нос».

— Вы как в облаке, — кричали нам Билли и Тэд с «Роберта Джона».

Лес решил проверить, в чем дело. Сняли брезент и подняли крышку люка, чтобы спуститься, но оказалось, что в этом не было надобности. Все выяснилось, как только подняли брезент.

— Не трогай его, Пит! — приказал Валлаби.

Брезент положили на место, и запах исчез, мы его не ощущали, зато рыбаки громко роптали.

На корме запаха не ощущалось, да и на баке ребята его не чувствовали. Пит его тоже не почувствовал, даже когда открыли люк! Наступила влажная, душная ночь. На корме нечем было дышать. Труба проходила от двигателя через каюты и так сильно накалилась, что прислонись — и одежда вспыхнет. Да и никому не нужная печь тоже накапливала в себе тепло, и находиться между камбузом и каютами было невыносимо.

Честный Том страдал бессонницей, а в такую душную ночь он и вовсе не мог заснуть. Поэтому Том решил отоспаться на полубаке.

Однако минут через десять он вернулся позеленевшим, его тошнило. Он не мог промолвить ни слова, пока не принял желудочные таблетки.

— Заснешь тут, — выдохнул он. — Стоит раза два глубоко вдохнуть, и можно потерять сознание.

Через люк трюма шел одуряющий запах, а ребята словно ничего не замечали.

Когда Лес обмолвился об этом, один из парней сказал:

— Вот оно что! Я ощущал это запах, но не хотел признаваться. До этого мне не приходилось выходить в море, и я понятия не имел, чем должно пахнуть на корабле.

Впрочем, во время следующего рейса в Лонсестон обоняние нас не подводило. Ребята вычистили как следует «хранилище запахов», а я улетела самолетом из Лонсестона в Мельбурн, чтобы успеть на гастроли балетной труппы мадам Рамберт и посмотреть Салли Гилмор в партии жены морехода.

Я вылетела первым рейсом. Мне так хотелось поскорее купить себе новое белое с нежно-розовыми бутонами шелковое платье. Я мечтала о таком. К тому же плечи у него должны были быть открытыми, а длина до колен. Нижние юбки у него были розовая, кремовая, нежно-зеленая и белая. В то время это было очень модно. Много месяцев я носила брюки и темные свитеры. И теперь мне особенно захотелось быть женственной. В какой-то мере мне это удалось, так по крайней мере я думала до тех пор, пока не увидела свою фотографию в разделе новостей, на которой из-под короткого платья виднелись мои израненные и заклеенные пластырем ноги.

Несмотря ни на что, балет мне понравился. А как мне обрадовалась мама, когда встречала меня в аэропорту.

— Не знаю, чем ты там занималась, но ты просто пышешь здоровьем. Наверное, сказался твой отдых на море, — воскликнула она.

Я не стала возражать и объяснять, что такое морское путешествие. Да и как описать, что такое «Шиэру-отер». Всего каких-то несколько месяцев назад я поня-

тия не имела о той необычной жизни, которой жила теперь. Тогда я была поглощена повседневными заботами театра, художественного совета, деятельностью Международного Красного Креста. Теперь мне стало ясно, что от меня ждут те, кто, как и я раньше, многого не понимали.

Инстинктивно чувствуешь, что о постоянной опасности, лишениях и суровых испытаниях, выпавших на вашу долю, о страшных штормах, на которые моряки молча приучали вас не обращать внимания, о грязи, пропитавшей вашу одежду и прилипшей к телу, о людях, которые старались не говорить о своих предках, чтобы после смерти возродиться уже белыми людьми на островах Бассова пролива, о тяжелом рабском труде, способном излечить и ум, и сердце, и душу, и все, что поддается боли, рассказывать не стоит. Всего этого не объяснишь.

Когда я вернулась на корабль, Алек сказал мне:

— У моряков такая репутация. Они получили ее у девиц на берегу, и все из-за того, что не умеют болтать. Если не умеешь разговаривать, нужно действовать, ты понимаешь, что я имею в виду — сказал Алек.

В течение довольно длительного времени многое на берегу вызывало во мне раздражение: люди, места, которые я посещала, и даже само время. Когда-то я любила музыкальные вечера. Теперь же их напыщенная атмосфера, условность при передаче предметов друг другу, маленькие пальцы, держащие бокалы с вином, вызывали во мне неприязнь. Я чувствовала себя в юбке удивительно неловко, приходилось поминутно контролировать себя, так ли поставила ноги, не приняла ли свою излюбленную позу, не закинула ли правую ступню на левое колено. К счастью, у меня было не так уж много времени, чтобы, выражаясь словами Пита, «болтаться без толку».

Как-то раз, когда мы ждали в Лонсестоне прилива, мы с Питом и Алеком отправились в кино на дневной сеанс.

Демонстрировался фильм «Мыши и люди». Пит то и дело вскакивал, пришлось его одернуть. Ребята досидели до середины картины, но, прежде чем уйти, притащили мне и себе по пять брикетов мороженого. Не представляю, что побудило их к этому, но представляю, как

ругала нас уборщица, которой пришлось выгребать мусор из-под кресел.

Когда я пересказала содержание фильма Лесу, он заметил, что, должно быть, ребята подражали недоумку Ленни, герою фильма. За эти слова ребята обещали вышвырнуть его за борт, потому что, как они объяснили, «Ленни несладко приходилось в жизни».

В каждом порту имелась пивная для моряков. В Лонсестоне была гостиница «Морская», которая для хозяина «Шиэруотера» служила и конторой, и клубом, и кафе. Когда судно стояло на причале в Лонсестоне и кому-нибудь хотелось узнать время отплытия, надо было лишь заглянуть в «Морскую». Лес обычно пил немного и никогда перед выходом в море. Ему нужно было общество. Там, в «Морской», он подписывал документы, заполнял декларацию судового груза, которой потом закрывали форточку, чтобы не дуло, отрывали от нее кусочки, чтобы прикурить, и использовали для других целей. Однажды ее и вовсе унесло за борт.

Все моряки с небольших торговых судов, как только причаливали, сразу же отправлялись в «Морскую». Я ни с кем из них не была знакома, а они меня узнавали, и если я собиралась туда пойти, то старалась выглядеть наилучшим образом. Моему самолюбию льстили их замечания, которые, вероятно, надо было рассматривать как выражение восхищения.

В противоположность сложившемуся мнению об их амурных приключениях моряки отменно разбирались в женской красоте и прочих прелестях. Порой, когда женщины хмурились в ответ на присвист или возмущались, слышав: «Милая, ты меня покорила!», я думала, как жаль, что они не знают, что такое выражение чувств дороже всяких комплиментов, потому что непосредственность неподкупна. Многие женщины поежились бы, доведись им расслышать замечания, когда они гордо и высокомерно шествуют мимо моряков.

Как-то Пит пригласил меня в «Морскую» перед отплытием. Мне было слышно, как он о чем-то долго спорил с барменом. Неожиданно передо мной появился громадный бокал с мятным ликером. Я чуть не вскрикнула от удивления.

— Помнится, ты как-то сказала, что тебе нравится этот напиток,— сказал Пит.— А Дадли пытался всу-

чить мне крохотную рюмку. Наверное, думает, что у меня монет не хватит! Тогда я кинул ему пятерку, схватил этот бокал и сказал: «Наливай полнее, Дад».

Однажды вечером, перед выходом в море, Лес Джексон вернулся из «Морской» и сказал, что Дадли недо считался двухшиллинговых монет.

— А у меня их навалом, — сказал он.

У Леса действительно их было много. Он раздавал их на чай направо и налево. Монеты позеленели и пахли плесенью. Лес собрал их, подобрал с пола носок, ссыпал туда монеты, перекинул его через плечо и, как Санта Клаус, отправился в бар.

Когда мы прибывали в порт, там бывало шумно и весело. Однажды субботним днем мы подходили к своему причалу. В это время у гребцов на парных лодках шла тренировка. Указывая на них, наши ребята буквально падали от смеха:

— Вот устроили потеху, за ними не угонишься!

Однажды поздно вечером мы поднимались по реке Тамар. Капитан, свесившись с рангоута, давал указания рулевому, потому что река была плохо освещена, и вдобавок на ней имелось много извилистых поворотов.

— Правого борта, Пит, правей немного! Где твоя правая рука, Пит, понимаешь? Правая рука, Пит! Вот в эту сторону! — И в этот миг большой деревянный бакен прошел так близко, что я даже потрогала его рукой.

— Ну и ну, чуть не врезались!

— Чуть, — сказал Лес. — Я ведь говорил Питу, что нужно взять правее.

Мы причалили к пустынной пристани Лонсестона.

— Где же люди?

— А ты как думаешь? День-то не рабочий, воскресенье.

Да откуда нам было помнить об этом!

Как только разнеслась весть о нашем приближении и о том, что мы привезли большое количество «овечьих птиц», к пристани стали стекаться такси, автобусы, грузовики, мотоциклы, велосипеды и пешеходы. Местная радиостанция бесплатно делала нам рекламу, объявляя, что «Шиэруотер» входит в порт. Это означало, что мы начнем торговлю, как только причалим. Я напишу этикетки: «свежая — 3 шиллинга, соленая — 2». Пит устроит на пристани нечто вроде прилавка, а к обеду все

пятьсот свежих и пятьсот соленых тушек будут раскуплены, хотя каждый раз при виде полицейского Питу придется прятаться, так как у нас нет разрешения на торговлю на улице.

Ночью ребята иногда карабкались на борт корабля-конкурента и рисовали грузовую ватерлинию не там, где ей положено быть, в отместку за то, что этот корабль, с их точки зрения, несправедливо имел более высокую грузовую отметку.

Пит, бывало, отправлялся разглядывать торговое суденышко меньше нашего, а потом, запыхавшись, возвращался с новостью:

— У них на койках есть простыни! Самые настоящие простыни! Ребята из команды клянутся, что их меняют каждую неделю. Наверное, они шутят.

Глава XIV

МОРЕ ВЛЕЧЕТ ВСЕГДА

Я сразу поняла, что «Шиэруотер» не «Куин Мэри». Вряд ли найдется еще другое более неудобное судно, чем «Шиэруотер». По правде говоря, меня не раз спрашивали, как вообще умудряются набрать команду на наше судно при тех тяжелых условиях, которые на нем существуют.

Ответ прост. Дело в том, что на судне всегда происходило что-нибудь интересное, здесь никогда не смолкал смех и оно было самым удачливым из всех. Когда судам приходилось укрываться в плохую погоду в гавани, люди приходили в уныние и проявляли свой дурной характер. Ни один просоленный морем моряк не желал стоять на якоре.

Однако на «Шиэруотере» из этого положения извлекали максимум удовольствия. То же происходило и во время захода в порты. Как-то нам пришлось простоять несколько дней на якоре на острове Бейбел. Мы не могли выйти в море — слишком штормило, так же как и вернуться домой — мешал сильный ветер, поэтому наше судно вместе с семью рыболовными судами было вынуж-

дею укрываться в бухте острова Флиндерс под названием Селлер (Погребок).

По вечерам на судах загорались огоньки. Со стороны суда напоминали маленький город. Мы выходили на палубу и спорили, кому принадлежит тот или другой огонек: «Черной ведьме», «Роберту Джону», «Звезде Эдема» или «Газели», которую мы прозвали «Обжорой». Со временем мы стали отличать один корабль от другого: ночью — по расположению огней и по другим признакам, а днем издали — по высоте мачт, расположению рубки. Если корабль был вообще едва виден, то, как выражались мои бабушки, «по наитию».

В те дни, когда нельзя было пойти на гнездовье, мы, чтобы убить время, отправлялись на судно «Фэр Венчэр», хозяева которого ставили ловушки на креветок. Это было весьма драматическое мероприятие. Шкипер «Фэр Венчэра» Рей Фрэнд сидел у штурвала, одним глазом наблюдая за рулем, а другим — за эхолотом. Линия, вычерчиваемая на бумаге, отражала контуры морского дна. Опытным глазом рыбак легко отличал скалистое дно от песчаного. Во всех этих премудростях я ничего не понимала, но душа моя уходила в пятки, стоило линии на карте резко взмыть вверх, указывая на подводный горный кряж в форме вулкана. Мне казалось, что она никогда не остановится в своем движении вверх, пока не проткнет наше судно своей вершиной.

Я поднимала глаза на Рея, чтобы убедиться, что он следит за эхолотом. В самый последний момент, ровно за секунду до того, как на диаграмме должна была появиться вершина и тотчас начинался спуск, Рей бросал взгляд на эхолот и кричал:

— Запускай!

Ребята на палубе «выстреливали корзину», то есть резко бросали ее за борт, чтобы она попадала на выступ скалистого кряжа.

Все утро они кидали вокруг корзины с приманкой — кусочки мяса акулы, ската, осьминога. В каждый кусочек они вставляли деревянную шпильку, которую накрепко прикрепляли к внутренним стенкам бамбуковых корзин. Корзинки висели на длинном шнуре с красными пластмассовыми и желтыми стеклянными шариками, для того чтобы их можно было легко найти. На каждом участке с корзинами Рей приказывал оставлять вымпел.

Яркие вымпелы крепились к двухметровому бамбуковому шесту, воткнутому в большой кусок пробки, к которому, в свою очередь, были подвешены корзины. Эти шесты были видны за несколько километров. Когда работа велась на краю континентального шельфа, эти шесты были необходимы для тех, кто хотел отыскать в море свои корзины-ловушки.

Днем мы прошли по проложенному маршруту и вытащили ловушки. Мужчины в желтых дождевиках вытягивали мокрые бамбуковые корзины и высыпали их содержимое на палубу. Больше всего здесь было лангустов, но попадались и яркие рыбы-попугаи, маленькие скаты и, конечно же, осьминоги. Их можно было просто убить, как и всю остальную добычу, но моряки испытывали к осьминогам такое отвращение, что старались выместить на них всю свою неприязнь.

Всех ракообразных измеряют по спинному щиту. Тех, которые отвечают минимально допустимому размеру, бросают в люк, а мелочь выкидывают за борт.

Работа проводилась в то время, когда судно продолжало швырять по волнам. Я держалась обеими руками, но даже так трудно было устоять на палубе, через которую перекачивались волны. А люди должны были работать, и работать быстро, обеими руками, ловко жонглируя тяжелыми корзинами. Они удерживали равновесие, стоя на полусогнутых ногах и слегка наклонившись вперед.

Маленькое суденышко ныряло и скользило по волнам, чего «Шиэруотер», больший по размеру, никогда бы не смог сделать. Нас швыряло из стороны в сторону, мы промокли до нитки и, так же как и на «Шиэруотере», ели на ходу.

Однажды днем Рей Фрэнд получил по радио сообщение для молодого рыбака Питера Пикета. На борту судна, на котором он плавал, радио не было, и нам пришлось помотаться, чтобы отыскать его в море. Когда мы оказались на траверзе его лодки, море так штормило, что подойти к судну мы никак не могли. То его заносило на гребень волны, то наше судно куда-то проваливалось и исчезало из виду. Рей из всех сил кричал, чтобы передать сообщение, но ветер уносил его слова. Тогда он выстроил нас вдоль борта «Фэр Венчэра», и в тот момент, когда мы поравнялись, все разом крикнули:

— Привет, папаша!

Питер Пикет недоверчиво ткнул себя пальцем в грудь, как мальчишка, получающий подарок от Деда Мороза, а потом вдруг закричал:

— Ура!

Он впервые стал отцом.

Четыре года спустя Питер ушел в море, попал в шторм и не вернулся. В газетах сообщалось, что у него остались жена и четверо маленьких детей. Его приятель Рей Фрэнд отправился на судне вдоль восточного побережья Австралии. Он останавливался в портах, чтобы собрать пожертвования рыбаков в пользу погибшего. В газете напечатали обращение, и это помогло собрать несколько тысяч фунтов стерлингов. Так что с финансовой стороны семья теперь была обеспечена даже лучше, чем до смерти кормильца. Но разве могут деньги заменить светловолосого юношу, взгляд его голубых глаз! Никогда не забуду, как радостно он реагировал на наше «Привет, папаша!» Как недавно все это было!

Проходит время, и меняются и люди и корабли. Одно лишь море остается неизменным. Оно — в извечном ожидании.

Однажды утром Билл и Тэд с «Роберта Джона», проплывая мимо, сообщили нам сводку погоды, полученную по радио из Мельбурна.

— Радио на судне — великая вещь, — сказал Лес.

Ребята, совершая еще один заход вокруг нашего судна, спросили, как готовить «овечьх птиц». Дело в том, что они поймали несколько штук, о лицензии и речи не могло быть. Потом они сделали еще один круг, и, когда судно было рядом, я попыталась перешагнуть к ним, чтобы помочь им приготовить птиц.

— Я в тапочках, — крикнула я, хватаясь за соломинку. По правде говоря, мне совсем не хотелось переходить к ним и готовить на их маленьком суденышке.

— Раз ты мастерица готовить, мы примем тебя и боюсь, — отозвались они.

Что правда, то правда. Готовить птиц я научилась. Я, должно быть, наготовила их не меньше тысячи. Их привкус ощущался во всем, что бы я ни ела, даже чай отдавал птицами. Островитяне говорили, что со временем запах этих богатых жиром птиц пропитывает кожу. Теперь я в этом не сомневалась. Я побаивалась, что мое

умение готовить «овечьих птиц» приобретет такую известность, что меня будут отсылать на каждое судно, где успели незаконно наловить птиц.

Однако мои опасения не оправдались. Рыбаки с «Роберта Джона» вовсе не жаждали, чтобы я им готовила. Просто им захотелось поговорить с кем-нибудь о музыке.

— Мы слышали, ты любишь музыку. — Это было их единственным объяснением, а может быть, и оправданием.

К тому же ребята с «Шиэруотера» изрядно хвастались тем, что я их вкусно кормлю. Как только мы отошли подальше от маленьких суденышек, где нас не было слышно, они достали свои музыкальные инструменты и с девяти утра до шести часов вечера услаждали рыб и птиц музыкой. Ребята одолжили у кого-то на острове Флиндерс старую скрипку, но оказалось, что никто из них не умел на ней играть. Тут выяснилось, что скрипка была единственным, кроме пианино, инструментом, на котором я играла. Таким образом, мое имя заняло в программе заметное место.

У них были духовые и деревянные инструменты. Кроме того, они отлично спелись. Однажды я уже слышала, как они пели в отеле «Уайтмарк» свою любимую песню о друзьях с перепончатыми лапками. Когда Тэд Райян работал в порту, он играл в оркестре в своем родном городе Куинскилфе и считался одним из лучших музыкантов.

Билл Уитерс играл менее профессионально, но, несмотря на это, имел большой успех. Когда они собирались вместе, то непременно пели. По утрам, скользя по бушующей синеве океана, когда земля казалась неясным грязноватым пятном, они пели, закидывая корзинки. Они исполняли и оркестровую музыку. Я напрочь забыла о том, что мне надо готовить, и, когда подошло время обеда, чувствовала себя очень неловко. Однако вскоре я уже смеялась. Мы сидели в их безукоризненно чистой кухне и наслаждались превосходно приготовленным блюдом. Оказывается, они заранее поставили варить птиц на медленном огне.

Они знали толк в птицах, эти ребята. Через центр стола проходила корабельная мачта во всю длину, увешанная дужками самых разнообразных птиц: дикой

утки, лебедя, чирка, кейп-барренских гусей, перепелов, бекасов.

После трапезы оставалось часа четыре до подъема корзин. Время пролетело совершенно незаметно. Все вышли на палубу, и Тэд стал играть на трубе. Палубу «Роберта Джона» опоясывали канаты на высоте всего полутора метров, поэтому безопасности ради я села на пол, а Тэд стоял на раскачивающейся палубе, расставив ноги, и посылал чудесные звуки в напоенный морем воздух. Он играл целый час. Косяк кейп-барренских гусей, гогоча, пролетел над нами. Тэд направил в их сторону сверкающее серебро музыки и как эхо повторил их крик. Словно зачарованные, гуси парами пролетели над судном. Какое-то мгновение они были с нами, а потом улетели.

Музыка продолжалась почти до заката, когда удочки, которые тащились за кормой весь день в ожидании барракуд, вдруг задергались. Билл закрепил рулевое колесо таким образом, чтобы судно повернуло кругом, и схватил обманку. Немного погодя ее взяла и я.

Обманка — это ярко раскрашенный кусочек дерева с прикрепленным к нему большим крючком. Она крепится шпагатом к короткому шесту, который держат в руке. Когда рыбы видят нечто яркое, они начинают безумствовать и хватать приманку.

Почти все время наша тройка вытягивала добычу одновременно. Барракуда — свирепая рыба длиной около метра, плавает она стаями. У этой рыбы зубы неровные и острые как бритва. Когда барракуда хватается обманку, ее вытаскивают из воды, с размаху кидают на палубу и бьют по голове железкой, вырывают крючок изо рта и снова забрасывают удочку.

Еще до того как закончилась ловля, вся палуба была усеяна огромными хищными, переливающимися всеми цветами радуги рыбами. А в отдельном ящике лежали три щуки, пойманные мною. До этого мне не приходилось рыбачить, как, впрочем, и после этого. Тогда, во время короткого бабьего лета, мне довелось поживать на лаврах.

К чаю подали дикую утку и бекаса. Когда мужчины вышли, чтобы приготовить для меня лодку, я взобралась на стол и прикрепил к мачте еще одну птичью дужку. Они тут были самых невероятных форм; некоторые, на-

пример лебяжьих, напоминали скорее всего крошечный лошадиный хомут.

Решили, что меня доставят на дальний конец острова, туда, где заброшены корзины, а оттуда я пешком доберусь до Биг-Галча, где меня подберут. В конце апреля рано темнеет. Перешагнув через борт лодки, я очутилась в кромешной тьме. На плече я несла шест с тремя шуками, а в руке — рюкзак с морскими раками.

— Улов, достойный «Шиэруотера», — сказал Тэд, помахав мне на прощание.

Билл, стоя на корме, оттолкнул лодку и начал грести. Я ощущала гордость, что возвращаюсь с хорошим уловом.

Вода казалась черной, небо и остров — тоже черными, но, как только Билл принялся грести, вода вокруг весла стала фосфоресцировать. Вскоре яркие зеленые огоньки осветили весь путь от «Роберта Джона», а также весло и борта лодки.

Послышался голос Билла:

— Наверное, рискованно пробираться вдоль берега. Скалы вокруг довольно круты. Еще тапочки свои промочишь.

Я промокла насквозь. Порядочный Джек, соперник Честного Тома, полный энтузиазма, ожидал меня на скале с факелом. Он старался осветить путь к берегу приближающейся лодке. Как он объяснил потом, он хотел зацепиться за нее. Джек с грохотом бросил свои почти сто двадцать килограммов на борт маленькой лодочки, и она вместе с двумя пассажирами перевернулась. Билл выронил свой факел, и мы тотчас погрузились во тьму.

Это произошло неожиданно и быстро, рыбаки вытолкнули меня на берег. Я слышала, как ругался Билл, стараясь перевернуть лодку.

— Тащи Пэтси к берегу! — крикнул он Порядочному Джеку, который уже был готов махнуть рукой на рыцарство и податься домой.

— Ладно, — ответил Джек не очень любезно. — Давай руки.

— Я не могу, — упрямо заявила я.

Потом из-за этих моих слов обо мне рассказывали небылицы, будто я не бросила бы рыбу, даже если бы это могло меня погубить. Мне это так понравилось, что

я даже не пыталась объяснить истинное положение дела. На самом деле все было проще: меня так потрясли последние события, что я не могла сообразить, где у меня руки, а где ноги. Ведь я не умела плавать, поэтому не успела испугаться, а просто была ошеломлена.

Билл вцепился в меня, вытащил на поверхность вместе с моими рыбами и всем остальным, а потом подтолкнул к скалам. Я еще не успела отдышаться, как он уже повернул лодку и отправился восвояси.

— Осторожней, Пэтси! — крикнул он. — Бейбел будет тебя преследовать. К нему всегда возвращаются. Так уж повелось. Так что хватай свою рыбу и мотай отсюда.

В то время самой модной была пластинка «Рыбак Педро», и на прощание Билл крикнул словами песенки:

— Прощай, я тебя покидаю.

Однако нам больше не суждено было встретиться, но тогда никто еще не знал об этом.

Тэд заиграл на палубе. Поначалу мы не могли уловить мелодию, потом, продолжая грести, запел звонким чистым голосом Билл:

Прощай, я тебя покидаю,
Не омрачай расставанья,
Помни, расстаются даже лучшие друзья...

Стоя на скале, Порядочный Джек отозвался своим могучим голосом, полностью соответствующим его фигуре:

Прощайте, прощайте, славные друзья,
Прощайте, да, прощайте,
Не быть мне больше с вами,
Свое сердце на плакучей иве оставляю.

Билл отплывал все дальше и дальше. Только было видно, как вода флуоресцировала под ударами его весел, и слышался затихавший голос:

Пусть мир будет в мире с тобой-бой-бой...

Труба издала хриплые звуки, оба исполнителя рассмеялись, а мы отправились своей дорогой через гнездовья. Там вокруг норок суетились птицы, прилетевшие кормить птенцов.

Пока мы стояли на якоре, Пит не тратил времени даром и однажды заявил, что его ждет «нечто приятное».

В переводе это означало, что он познакомился с хорошенькой девушкой и рассчитывает, что не встретит практически никакого сопротивления с ее стороны, какими бы решительными его действия ни были.

Капитан не возражал против этого, что кто-то отвезет Пита на берег, а затем съездит за ним. Однако лодку на берегу оставлять он не позволил. Двое ребят добровольно согласились отвезти Пита, но, когда пришло время ехать за ним, выяснилось, что они заснули.

Пит что-то кричал с берега. Лес сказал, что, видимо, ему самому придется съездить за парнем, но с места не сдвинулся. Прошел час. Пит продолжал орать, в его голосе уже слышалось волнение. Честный Том сказал:

— Лес валяется на койке в сапогах, а это значит, что, возможно, он еще съездит за Питом. Наверное, Пит продрог, — громко добавил Честный Том.

— Да уж, наверное, промерз до костей. Он еще попрыгает, — рассмеялся Лес.

Немного погодя крики Пита резко прекратились.

— Может, он плывет к нам? — спросила я.

— Да нет, — спокойным голосом заметил Лес. — Пит не умеет плавать.

Откуда-то со скал, недалеко от того места, где мы стояли на якоре, раздался свист.

— Пита обходят, надо его вызволять, — сказал Лес из каюты.

Тех, кто не знал, что Лес получил образование в одной из старейших школ Австралии, его словарь приводит в изумление. (Учитель этой школы рассказывал мне, что Лес был отличным учеником, учителя жаловались только на то, что тот подолгу сидел, уставившись в окно. Только после того как Лес закончил школу, они узнали, что он ставил в школьном парке ловушки и все время следил, не попался ли кто-нибудь в них.)

Поздно вечером снова слышались крики, на сей раз с того места, которое охотники называли Булл Хэд Скраб, или Бычья Плешь.

— Нашел куда вести девчонку, — сказал Лес.

Прошло немного времени, и парень вернулся к берегу.

— «Шиэруотер» — кричал он. — «Шиэруотер»! Валлаби!

Лес лениво прохаживался по палубе:

— Привет, малыш!

— Я готов! — поспешно выкрикнул юноша.

— Понятно.

— Ну так приезжай, заведи меня!

— Когда?

— Сейчас. Поскорее, да скорее же! Мне угрожает опасность!

Изыясниться короче, чтобы немедленно вызвать капитана, было невозможно. Лес зашелся от хохота:

— За ним гонится ее старик!

По воплю на берегу можно было судить, что Пит кинулся в заросли. Немного погодя свист снова раздался с Бычьей Плеша.

— Они разбудят в нем зверя, — сказал Лес и снова ушел в свою каюту. — Он в безопасности, пока может бегать. Никто из местных дальше порога дома ночью не выйдет.

Когда Пит снова появился на берегу, Лес вышел на палубу и перекинулся с ним несколькими словами. Их голоса звонко раздавались в прохладной тишине ночи:

— Как ты там, Пит?

— Что ты предлагаешь?

— Ты о чем, Питер? — словно ни о чем не догадываясь, спросил Лес.

— Ты прекрасно понимаешь о чем. Ну, короче, Валлаби. Приезжай за мной. Я нахожусь... А-а-а-о-о! — Его голос, удаляясь, замер.

— Это ужасно, — сказала я. — Он еще совсем мальчик.

— На берег он сошел не с мыслями мальчика, — сказал Лес.

— Но он натерпелся страха, — причитала я.

— Такой урок всем впрок, — заключил Честный Том.

Однажды вечером Лес устроил нам, как он выразился, «настоящий шикарный ужин». Он никогда не держал на борту спиртного, считал, что несчастные случаи в море и так довольно часты, так что нет надобности создавать их искусственным путем. Так или иначе, но ему никогда не удавалось так спрятать вино, чтобы его не нашли.

— Искать иголку в стоге сена для моряка — детская забава, если на кончике иголки есть хоть капля грога, — сказал мне как-то с гордостью Алек, когда я увидела

его с пустой флягой, которая вчера еще была полной. (Мать дала мне ее с собой «на непредвиденный случай», я спрятала ее как следует и никому об этом не говорила.)

Поэтому, когда Лес объявил, что устраивает нам «настоящий шикарный ужин», мы были изумлены. Человек, Стрелявший По Туалетам и Алек пошли спать, приняв его слова за шутку. Пит отправился на берег продолжать свои амурные дела. В этот вечер он так и сыпал изречениями вроде «Молния не бьет в одно и то же место дважды». «Кто знает о грядущей беде, знает, как ее избежать». А одно изречение — «Робость мешает успеху» — просто покорило нас.

Лес отвез его на берег на моторке, а сам отправился объезжать рыбачьи суда, чтобы собрать всех рыбаков.

Мы с Томом читали на камбузе, когда они вдруг перемахнули через борт и заполнили все пространство. Они были в своих рыбачьих робах, у многих на головах шапки, и у каждого в заскорузлых руках по большой кружке и по бутылке.

Моя первая мысль была о чисто вымытых полах. Но прикрывать их чем-либо было уже поздно; не понимаю, откуда в море берется грязь, но ни одна квартира не требует столько уборки, сколько самое маленькое суденышко.

Я допустила одну неловкость, предложив на ужин морских раков. Однако после небольшого замешательства (рыбакам иногда по три раза на дню приходится питаться раками в течение многих недель) пир продолжался. Джек Баск добродушно вытащил одного рака, разделал его и начал жевать, чтобы замять неловкость. Наверное, это был единственный случай, когда пили пиво и с презрением отвергали раков.

В остальном вечер прошел превосходно. Рыбаки рассказывали забавные случаи о себе и своих судах. Валлаби декламировал. Пит был в приподнятом настроении и в красочных деталях рассказал о своем вчерашнем положении. Он старательно подчеркивал, что «разбудил в ней зверя» за то, что она заставила его полчаса ждать в Булл Хэд Скрабе. Том забрался на ящик из-под хлеба и запел: «Вы все бывали в море, я знаю — это так». После этих слов он решил украсить выступление танцем,

подпрыгнул на одной ноге, ударился головой о балку и молча шлепнулся за борт.

Рыбаков развезли по судам, и, когда Пит возвращался на лодке мимо «Газели», шкипер крикнул ему, что они забыли у нас свои кружки. Они подплыли к борту «Шиэруотера», и Пит позвал Честного Тома, тот собрал кружки и попытался передать их, стоя на корме.

— Нагнись пониже — попросил Пит. Честный Том наклонился и вместе с кружками свалился на Леса, они оба шлепнулись на дно лодки. Том упал на спину, но, поскольку он свалился на беднягу Леса, ему, наверное, было гораздо лучше, чем капитану.

В одной из хижин на берегу светился огонек, а поскольку на судне не было часов (капитан считал, что раз работа начинается на рассвете и кончается на закате, часы вроде бы ни к чему), мы решили, что там, видимо, уже готовятся к началу рабочего дня.

— Не все ли равно, который сейчас час, — заявил Честный Том, наслаждаясь самым, по его словам, беззаботным вечером. — Гулянье продолжается.

Они шумно раздавали кружки, потом отправились в «круиз» по заливу, стремглав обходя стоящие на якоре корабли и горланя что есть сил.

Я почти заснула, когда они вернулись, однако слышала, как Честный Том сказал, что это был самый лучший вечер в его жизни.

— И хорошо, что завтра будет штормить, можно будет отоспаться, — сказал он.

— Это уж точно.

На море можно быть уверенным лишь в том, что ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным.

К семи часам утра мы проходили через отмели Ванситтарт, где нас выворачивало наизнанку и все чувствовали себя беспомощными, как дети. Я увидела на берегу костер, но мужчины не обратили на него внимания. Огонь горел прямо перед домом. Я спустилась с койки и открыла дверь камбуза, чтобы к утру улетучился запах сигарет.

— На берегу костер тревоги, — крикнула я Лесу.

— Не говори глупости. — Его голос звучал решительно.

Честный Том пробормотал что-то спросонок, потом повернулся, его койка закрипела.

— Пэт, не надоедай, будь умницей.

— Но там горит костер.

— Жгут отбросы, — сказал Пит. — Замолкни и иди в свою каюту.

Я вернулась к себе и проспала целый час. Неожиданно меня разбудил Лес.

— Приготовь мою койку для ребенка, — крикнул он.

— Что?

Я выползла на палубу.

— У ребенка менингит.

— Кто сказал?

— Мать сказала.

Словам Мэй Джексон можно верить. Я приготовила койку. На самодельных носилках из двух веток *мелалеуки*, покрытых мешками, они внесли ребенка, маленькую девочку, и прямо на носилках положили на койку Леса.

Мать села рядом, а отец пристроился на корточках на полу. В предрассветном сумраке, просачивающемся в узкое окошко иллюминатора, мне показалось, что на губах ребенка остатки пищи.

— Вы кормили девочку? — спросила я.

— Нет, — ответила мать. — Уже несколько часов это выходит из нее.

Наклонившись над ребенком, я разглядела, что на стиснутых губах показалась пена. Стоило мне стереть ее влажной губкой, как она снова появлялась, сливаясь с потом, стекающим с ее головки. У девочки было светлое личико и каштановые волосы. Она лежала не двигаясь. Только раз она приоткрыла глаза. Пульс был настолько слабый, что мне долго не удавалось его нащупать.

Мать плакала.

— Она умрет, — говорила она. — Я дала ей чашку чаю, но она не может пить. Пэт, она умрет?

— Нет, — сказала я, хотя думала иначе.

Путешествие было тяжелым. Вскоре мать обессилела. Ее рвало. Потом она свернулась калачиком на койке и закрыла глаза. Морская болезнь — тяжелая штука, мгновенно забываешь обо всем на свете, кроме своих собственных страданий. Мне не раз доводилось наблюдать подобное. Отец сидел возле девочки и все время вытирал ее лицо и приговаривал:

— Моя маленькая, моя маленькая девочка.

В каюте было душно, и, кроме того, от ребенка исходил какой-то непонятный запах. Я вышла на палубу, на свежий воздух.

О том, что мы везем ребенка, рыбаки передали по радио, и когда «Шиэруотер» пришвартовался у пирса Леди Баррон, нас уже ждали полиция и врач. Девочку тотчас увезли. Как мы потом узнали, ее отправили самолетом в Лонсестон.

В течение нескольких недель мы не получали о них никаких вестей. Мы уже готовились отплыть из Лонсестона. Вдруг на пристани появилось такси. Из него вышли нарядно одетая женщина и мужчина в голубом костюме. Они махали нам руками. С ними была девочка. Она выглядела бодрой и здоровенькой, ее чистые волосы блестели, а на макушке был повязан большой голубой бант.

Как-то, когда я музицировала на пианино в доме своих друзей, мне сообщили, что Билл и Тэд погибли, а «Роберт Джон» затонул. Смотритель маяка у входа в залив Порт-Филипп, близ Мельбурна, видел мачту и часть корабля, затонувшего недалеко от берега. В тот день море так бушевало, что ни один корабль не вышел из гавани.

— В такую погоду спастись невозможно. Я только надеюсь, что это судно унесло с причала, но, может быть, там не было людей,— сказал смотритель маяка.

Тем не менее оказалось, что там были Билл и Тэд. Они вышли в Бассов пролив и, несмотря на свои опасения, направили судно в сторону дома. В их родной город Куинсклиф на следующий день должен был приехать генерал-губернатор, и им захотелось приветствовать гостя оркестром.

Но наступил день, и оркестр скорбно молчал.

Мои друзья говорили:

— Должно быть, они были важными людьми, коли по ним скорбит весь город!

Но как им объяснишь, что Билл и Тэд вовсе не имели того веса, который так ценится в обществе. Их просто очень любили, вот и все. Может быть, это самое главное.

— *Прощай, я тебя покидаю*, — пели они в тот последний вечер на Бейбеле, когда я, промокшая, стояла на

скале рядом с Порядочным Джеком. — *Помни, расстаются и лучшие друзья.*

Я представила себе мачту «Роберта Джона», украшенную косточками диких птиц. Больше всего я запомнила их музыку, плывущую над морем, гусей, пролетающих низко над нами и как бы вторящих им своим криком, и конечно же, песни.

Когда нам снова довелось плыть на Бейбел, стояла ужасная погода. Рыбаки уверяли, что до этого она была хорошей. Мы застряли в Селларе на несколько дней, перевоза бочки на корабль, если позволяла погода, и укрываясь в безопасном месте, когда работать становилось совершенно невозможно.

Сезон лова птиц закончился, и охотники жаждали выбраться отсюда. Лесу очень хотелось за один рейс вывезти и людей и груз.

И вот наступил день, когда охотникам ждать стало просто неумоготу. С последним грузом на лодке к борту «Шиэруотера» прибыла небольшая делегация. Лодка качалась и подпрыгивала, а люди стояли, цепляясь за борт судна, и излагали свое дело Лесу.

— Нам нужно вернуться, чтобы привезти еду для женщин и детей, старина, — говорили они.

— Но... — вмешался Пит.

— На острове двое грудных ребятишек, а у нас кончилось консервированное молоко. Нам нужно вернуться, старина. Молока нет.

— Но... — заикнулся было Пит.

— Придержи язык, — сказал Лес.

— Мы не можем больше ждать. Как ты думаешь, может, завтра поедем, старина?

— Нет. — честно признался Лес. — Может быть, послезавтра, если погода улучшится.

— Больно поздно, старина, ребятишки режут от голода.

И лодка отправилась назад к берегу, подпрыгивая на волнах. Их лица в свете фонаря были хмуры и озабоченны.

— Послушай, Валлаби... Я знаю... Мы вывезли с берега огромные запасы продуктов, к которым почти не прикасались; на складе в Биг-Галче есть порошковое молоко. В конце концов какое значение имеет один лишний день?

— Я объясню тебе. Они уедут. И что бы мы ни делали, что бы ни говорили, их ничто не остановит. Они как птицы, которых зовет море. Их безумно мучит жажда, опасная жажда. Они могут попытаться отправиться даже вплавь. Такое уже случалось, когда они не в силах были больше сопротивляться. Не волнуйся, они как-нибудь выберутся.

Однако сам он был обеспокоен. После чая он долго стоял на палубе. Мимо проплывала рыбацья лодка, и ребята попросили у рыбаков одолжить им игральные карты.

Не зная, что на судне есть женщина, они бросили нам пачку. Когда мы сели с ребятами играть и двое из нас получили карты, наступило минутное молчание: карты были разрисованы откровенными картинками — безыскусно, но с большим воображением. Чуть позже мы услышали звук мотора.

Это подошел «Иден Стар», красивый небольшой сейнер. На борту его был владелец Билл Уорн со своим сыном Нэвиллом.

— Валлаби, на берегу волнения, — крикнул Билл.

— Из-за чего?

— У них кончились продукты. Ребенок умирает: у них нет сгущенного молока — так они говорят. Они хотят, чтобы я подбросил их утром на северный край Флиндерса.

— Возьми с собой Пэт. Она поможет управиться с женщинами.

— Хорошо.

Таким образом, островитяне пытались разжалобить доброго Билла, чтобы он отвез их, а меня бросили к ним, словно мешок с картофелем. Лес вошел в каюту, прошел к своей койке. Мы продолжали играть в карты, и мне, стараясь сделать это незаметно, мешали взять непристойного вида пиковую даму и удивительно нахального бубнового короля.

Утро выдалось ясное и солнечное, дул легкий ветерок. Наше судно болталось на якоре, словно цирковая лошадь.

Я приготовила бланманже и желе и, чтобы они застыли, выставила на рулевой рубке. Выяснилось, что их можно безбоязненно ставить не закрепляя, если подложить влажную ткань. Затем я перебралась в ожидаю-

щую меня лодку, и мы быстро поплыли навстречу «Иден Стар» и хлопотам грядущего дня.

Несколько мужчин, которых «отчаянно томила жажда», сидели на берегу спиной к морю, а женщины не желали даже подойти к нам.

Они сами устроили эту суматоху и подбили мужчин найти транспорт, чтобы уехать, а теперь, увидев, как между ними и «Иден Старом» море покрывается белыми барашками, раздумали.

Да и у мужчин было такое же настроение, но они не хотели его показывать. Они сердито покрикивали на женщин, изображая бравых храбрецов, пока рядом с ними были моряки, а когда им казалось, что они остались одни, старались незаметно помочь женщинам перетаскать весь скарб подальше от берега в кусты.

Если бы так и продолжалось, они бы исчезли в кустах. Однако Большой Билл Уорн не счел нужным спускаться на берег, а предъявил им ультиматум: ехать сейчас или никогда. Видя, как небо покрывается черными тучами, они отлично понимали, что если поднимется шторм, то они застрянут здесь еще на неделю, а чья иссушенная глотка выдержит такое? Женщины продолжали стоять в нерешительности, но мужчины уже заталкивали их в лодку. Большой Нэвилл приналег на весла. Женщины визжали от страха. Вскоре мы прибыли на корабль.

Багаж у них оказался небольшим: всего-навсего чемоданы с одеждой и кое-что из постельных принадлежностей, чтобы как-то устроиться в лесочке возле пивной в Уайтмарке, так что в путь мы отправились скоро.

Я с удовольствием слушала, как поднимали якорь. Наши ребята с «Шиэруотера», проносясь мимо на нагруженной лодке и всякий раз глядя на команду «Иден Стар», выкрикивали:

— Приглядывай за ними, Пэт, приглядывай за ними!

Охотники живописно расселись на палубе. Стараясь, как всегда, сохранять достоинство, хотя бы в начале путешествия, они делали вид, что их не очень-то интересует все происходящее и даже то, чем занимается команда. Они спокойно сидели на сложенных сетях и своих тюках и тихо переговаривались.

У меня работы не было, и я с удовольствием слушала старого рулевого, который рассказывал всякие истории о рыбном промысле и рыбаках. Было ясно, что, как только мы обогнем оконечность Бейбела и направимся к Флиндерсу, где нужно будет высадить охотников, море проявит свой нрав. Уже сейчас моряки то и дело прохаживались между сидящими на палубе, закрепляя все, что может двигаться. Я оглядывалась, ища, как бы пристроить пассажиров подальше от волн, но так и не нашла.

Под маленькой рубкой на крохотном пространстве размещалось шесть коек. Я спустилась посмотреть, подойдет ли это место, но, пробыв там несколько минут, поняла, что там могут находиться только люди с железными нервами и под страхом смерти. Такого мне еще не приходилось испытывать. Создавалось ощущение, что тебя посадили в ящик и бросили в океан.

Я стояла между койками, испытывая безумный страх перед замкнутым пространством. Переборки, словно руки, стискивали лицо, потолок давил на голову. Грудь стеснило, я хрипела, шумно вбирая воздух. Под ногами вместо ощущения бурно вздымающегося океана, ласкающего и прижимающего к себе грудь судна, слышалось хрипение тяжело работающего мотора, как будто шевелилось какое-то гигантское животное, и от этого маленькое пространство становилось еще меньше. Стены обступали все плотнее. Теперь я не могла остановить взгляд на чем-нибудь одном. Казалось, мои глаза перестали зависеть друг от друга, и если правым глазом я видела переборки и потолок, расплавленной массой сползающие вниз, то левым наблюдала, как взбрыкивал и волнами переливался пол. Спасительной двери нигде не было. Я широко открыла рот, но, к счастью, прежде чем успела крикнуть, услышала:

— Эй, Пэт!

Прямо над моей головой был люк, через который я и попала в этот ящик. В полуобморочном состоянии я кое-как выбралась оттуда по лестнице; поднять голову у меня не было сил: очень сдавило лоб.

— Пэт... Пэ-э-т!— В шепоте слышалось нетерпение.— Здесь есть туалет?

О боже! Женщине надо в туалет, который находился там, внизу, откуда я только что выбралась. Я выскочи-

ла на палубу, схватилась за поручни и жадно вдохнула широко открытым ртом свежий воздух.

— Туалет внизу, прямо на носу, — ответила я.

Море становилось все более бурным, а вздымающиеся волны и реденькие облака действовали на меня успокаивающе. Исчезло ощущение тяжести в голове. Я дышала глубоко и ощущала на губах привкус соли. Я облизнула губы языком, это было так приятно. Я с трудом представила, как только что чуть не потеряла сознание. У меня было такое ощущение, будто все это произошло не со мной, а с кем-то другим.

На палубе никого не было. Там, где недавно сидели островитяне, теперь перекатывались волны и сползали в море. Маленький кораблик смело шел вперед и каждую волну встречал весело. Это самое чудесное суденышко, на которое ступала нога человека, и в ту минуту хотелось, чтобы мы плыли и плыли, бросая вызов волнам.

Мне так понравился этот кораблик, что я была согласна промчаться на нем сквозь ураган. Зато островитяне чувствовали себя неважно. Они сбились на камбузе и пугливо жались друг к другу.

— Поворачивай назад! — молили женщины.

Однако мужчины оказались более мужественными. Они понимали, что отправить женщин в лодках к берегу во время отлива невозможно. Они уже и так проявили все свое умение утром, когда благополучно доставили всех женщин на судно, а тогда море только поигрывало. Нет, решили они, раз уж мы отплыли слишком далеко, то надо двигаться вперед.

— Наверное, им худо, — сказал славный Билл Уорн.

Я стояла рядом с ним у руля в ожидании чего-то захватывающего. Есть женщины, которых приводит в экстаз прикосновение к их телу тонкой ткани, других волнует обнаженная мужская рука, многие испытывают наслаждение, баюкая детей. Мне эти чувства были неведомы до тех пор, пока я не оказалась на маленьком суденышке, ведущем сражение с морем.

Человек способен слиться с этим созданием из дерева и железа, образуя тесный союз, и действовать воедино. Порой он клянет свой корабль, а если и не делает этого, то все равно ненароком пробормочет:

— Будь ты проклята, девка! Поворачивай, черт тебя поberi!

Когда судно послушно и мерно рассекает волны, подчиняясь властной руке, и они вместе обращают уготованное им морем бедствие в триумф, и корабль перелетает с волны на волну, стряхивая воду с носа, он любовно произносит:

— Лапушка, милая моя. Ах, красавица!

И нет на свете женщины, которая бы в тот миг не позавидовала бы кораблю.

Когда плывешь на маленьком суденышке, едва ли осознаешь величие и могущество моря. Однако стоит только заглянуть в его глубины, как чувствуешь, что тебя что-то увлекает вниз. Даже в тихую погоду постоянно ощущаешь непрерывные процессы, происходящие на больших глубинах. Когда море приходит в движение, оно проявляет свой таинственный и суровый характер. Это не поддается описанию — все нужно видеть своими глазами.

Старый Билл строил свое судно сам. Деревья, которые потом пошли на обшивку, он также рубил сам. Билл знал, что его судно выдержит все — и непогоду и штормы. Я стояла на палубе и слушала звук работающего мотора (он вызывал у меня беспокойство), он сливался с шумом моря и тонул в завывании ветра и тяжелых ударах волн, обрушивающихся на нас и порой полностью заливающих корабль вместе с рубкой. Мы невольно пригибались, забыв, что между морем и нами — плотная переборка и толстое стекло. Казалось, в мире существовала лишь эта грозная битва судна с волнами, человека со стихией.

Раздались крики на камбузе, и я поняла, что у островитян начались приступы морской болезни. Кроме того, люди были страшно испуганы. Я пошла к ним.

Мужчины сидели молча, а женщины, уже не стесняясь, в страхе закрывали лица руками, чтобы не видеть бушующего моря, и громко плакали. Пятеро из них пытались уместиться на койке шкипера возле маленькой керосиновой лампы. Я сказала, что Билл разрешил им спуститься вниз. Тогда они опрометью бросились туда, ведь оттуда не видно моря.

К вечеру мы подошли к заливу у острова Флиндерс. Там островитянам предстояло сойти на берег. Все столпились на палубе. Нас сильно качало. В мелком заливе волны по-прежнему были большие, но они уже не захле-

стывали палубу. Островитяне смотрели в море, отделявшее их от берега. Одна женщина стонала и плакала. Другие с готовностью вторили ей. Пожилая женщина сидела на крышке люка рядом с дочерью, уткнув голову в девичьи колени. Вдруг молодая схватила мать за волосы, оттолкнула и в панике зарылась в колени матери. Я подошла к ним, подняла дочь и опустила голову старухи на колени молодой и сказала, чтобы та не трогала мать, пока мы не спустим ее в лодку.

На борту были две весельные лодки. Борьба разгорелась за меньшую, как только ее спустили на воду. Первыми в лодку сели мужчины.

— Мы подготовим все, чтобы помочь женщинам выбраться на берег, — пообещали они, отталкиваясь от корабля.

Однако стоило им только добраться до берега, как они кинулись наутек через песчаные холмы и скрылись из виду, бросив маленькую лодку на произвол судьбы. Пока рыбаки вылавливали лодку, время было упущено: стало темнеть.

Теперь морякам предстояла трудная задача не только грести к берегу, но и переправлять на берег женщин и багаж. В первую очередь они занялись скарбом. Пришлось взять лодку побольше, но подойти вплотную к берегу не удалось, поэтому все пожитки переносили на плечах до верхней отметки прилива на берегу. Они перетаскивали ящики, мешки, чемоданы, тюки с постелью, ни чуточки не замочив их.

Переброска женщин на берег вызвала бы прилив веселья, если бы не быстро спускающиеся сумерки. В лодке, которая раскачивалась и подпрыгивала у борта судна, находились двое мужчин. Двое других, стоящие на судне, пытались удержать лодку, чтобы ее не разбило.

Старый Билл уговаривал то одну, то другую женщину сесть на фальшборт. Билл и я стояли по обе стороны борта и держали женщин за руки. Как только волна поднимала лодку вверх, мы толкали женщину вниз, там ее подхватывали, усаживали, а мы принимались за следующую. Все шло как по маслу, если бы одна из женщин вдруг не схватила меня за шею в тот момент, когда мы ее подтолкнули. Мои ноги оторвались от палубы, и мне уже показалось, что я лечу вместе с ней. Рыбаки громко расхохотались. Наступила разрядка.

Они давно уже едва сдерживали смех при виде спускающихся в лодку женщин.

С нами была и глухонемая Минни. Она молча наблюдала за происходящим. Когда настала ее очередь прыгать в лодку, она сделала это спокойно и решительно. Я всегда восхищалась ее мужеством. Сидя в лодке, она прижимала к себе перепуганного ребенка и не испытывала чувства страха, хотя и сознавала опасность. Когда лодку швыряло в сторону «Иден Стара», она вместе с моряками протягивала руку и отталкивалась от корабля, чтобы помочь избежать столкновения. Люди, находящиеся вместе с ней, почти теряли от страха сознание, а она, которую не обучили даже языку жестов, держалась мужественно. Может, это происходило потому, что она не знала старых легенд и не была суеверна.

Большой Нэвилл, которого за силу прозвали Буйволом, взял весла, и уже в сумерках они помчались по гребням волн и вскоре исчезли из виду. Сначала издали доносились крики, а потом и они стихли.

В полутьме Нэвилл переносил женщин на берег. В это время один рыбак стоял по пояс в воде, удерживая лодку на волнах, порой достающих ему до головы. Большой Нэвилл шел вброд, держа женщин на вытянутых руках. Даже громоздкую Минни и ее не менее «изящную» сестру Беатрис он доставил на берег без видимых усилий, с соблюдением всех приличий, как будто они были знатными дамами. Недаром его называли Буйволом. Его сострадание к несчастьям других вызывало к нему чувство уважения.

Наконец лодка вернулась на «Иден Стар». Нэвилл сильно устал, но, кроме него, некому было вести лодку через прибой.

На пригорке вновь появились мужчины. Они позвали женщин к костру, от которого веяло теплом. Минни и Беатрис на прощание махали нам руками.

Лодку подняли на судно, убрали якорь, и мы снова вышли в открытое море. Я была рада этому. Теперь я снова могла часами стоять на своем любимом месте. По-прежнему Билл будет немногословен в своих рассказах о морских путешествиях. Он встанет к штурвалу, и судно вступит в новую схватку с волнами, борясь за каждый метр пути.

Команда отправилась спать. С самого утра мы ниче-

го не ели, даже не пили чай, но на море так штормило, что я ничего не могла приготовить. На нас обрушивались косые струи дождя, и порой можно было видеть капли на стеклах рубки. Луна ныряла из одной черной тучи в другую, на миг высвечивая бушующее море, которое кокетливо выглядывающая сверху луна могла перетянуть с одной стороны земли на другую.

На Бейбеле погода оказалась не лучше. Меня беспокоило, как моряки смогут переправить меня на берег. Маленькие суденышки, следуя за «Шиэруотером», как цыплята за наседкой, спешили за ним укрыться. Я вглядывалась в темноту, но ничего не видела, пока Билл не посоветовал посмотреть по траверзу, и там в абсолютной тьме, если не считать навигационных огней, стоял «Шиэруотер», причем так близко, что, когда вышла луна, я разглядела даже свои бланманже и желе, которые перекатывались по крыше рубки. Значит, ткань под ними высохла. Лес указал в сторону острова Селлер, и мы все вместе направились туда.

Итак, это небольшое приключение закончилось. Той ночью мне пришлось изрядно поволноваться, а теперь наступил финал — страшный бросок через черные грозные облака, шагающие по гребням волн, и всякий раз, когда выглядывала луна, свет от нее падал на маленькие суденышки, стоящие по ранжиру близко друг от друга.

— Великолепно, не правда ли? — сказал старина Билл. И меня это не удивило.

Я насквозь промокла, а моя фотокамера сильно пострадала на «Иден Старе». Когда я оказалась на борту «Шиэруотера», ребята ворчливо заметили:

— Не больно-то они присматривали за тобой.

Погрузка все еще не закончилась. На другое утро Лес в холодных предрассветных сумерках расхаживал по палубе. Мы в ожидании его решения толклись возле печки — Старой Бездельницы. Через открытую дверь был слышен шум прибоя, а где-то совсем рядом плескалось сердитое море. Ребята не желали ехать на берег, если погода не улучшится, а надеяться на это было нельзя. Моряки вполголоса беспокожно переговаривались. Но стоило появиться шкиперу, как разговоры смолкли. Он потер лицо тыльной стороной ладони. Наступила тишина. Все ждали, что он скажет.

— Мы здесь уже две недели, — тихо проговорил он. Все отлично понимали, что это слишком большой срок для погрузки. Лес стоял неподвижно и смотрел в сторону. Ребята переминались с ноги на ногу. Алек снял шапку, тщательно исследовал и снова натянул.

— Ну, что скажете? — спросил Лес.

— Ты говори, — ответил Алек, и все дружно закивали.

— Думаю, нужно закончить сегодня, — отрубил Лес.

Пока я жарила рыбу, ребята спустили за борт большую лодку и погрузили в нее доски для спуска груза.

В тот день у Пита был день рождения. Я связала шапку и после завтрака подарила ее Питу. Она была черная, с белыми полосками и с помпоном на макушке, как у всех моряков и рыбаков. Мне показалось, что она ему понравилась.

Алек видел, как я вручила Питу подарок, и лицемерно сказал:

— Ребенок даже покраснел от удовольствия. Видно, первый раз в жизни получил подарок в день рождения.

Мотор запускали долго. Я вышла, чтобы вылить грязную воду, и заглянула за борт. Моряки все еще сидели на месте и вытирали проклятую «грязюку». На сей раз Пит не попросил у меня носовой платок. Вместо него он использовал свою новую шапку. Сначала он вытер ею мазут с крышки мотора, а затем остатки пролившегося горючего. Когда совсем рассвело, на шапке белых полос уже не было, но она гордо восседала у Пита на макушке.

«Шиэрютер» подошел почти к самому берегу. В такую погоду судно нельзя оставлять без присмотра. Если там находился Лес, то он весь день стоял на палубе, наблюдая за действиями моряков в подзорную трубу: так он беспокоился за ребят. Я слышала, как он наставлял их перед выходом:

— Держите нос лодки высоко над водой. Ни в коем случае не перегружайте. Следите за бурунами. Они сегодня появляются внезапно где угодно.

Я сварила какао, разлила его по бутылкам из-под соуса и передала ребятам в лодку, когда они возвратились с грузом. У них не было времени пообедать, и я приготовила им с собой горячие сэндвичи.

Алек сказал:

— Ты бы посмотрела, как это забавно выглядит.

Поэтому, закончив работу и вскипятив чай, я пошла взглянуть на них. Лес Джексон сказал, что я еще об этом пожалею, и просил не брать с собой фотокамеру.

— Удача переменчива, — сказал он. — Нельзя же думать, что будет везти весь день.

Мне очень хотелось сделать хотя бы несколько красочных кадров погрузки, и я все-таки прихватила с собой фотоаппарат.

На берегу стоял юный абориген Ноэль Мейнард. Когда ребята бросили якорь, он подошел к лодке и перенес меня на плечах, а часом позже снова прошел через буруны и помог мне. Он действительно помог, ведь наша лодка тонула, и все мы, умеющие и не умеющие плавать, барахтались в воде.

Погрузка представляла собой довольно красочное зрелище. Временами ребят было не видно: их захлестывали волны. С той стороны, где привязан якорь, лодка вздыбливалась, а другой конец опускался прямо на них, когда они пытались вкатить по доскам тяжелые бочонки. Двое стояли в воде, стараясь втащить их на доски, а те, кто был в лодке, перекатывали бочонки на дно.

Когда лодка оседала в воде под тяжестью бочонков, они подтягивали ее к якорю. Хорошо еще, что груз состоял в основном из мешков с перьями и нескольких бочонков. Мешки с перьями переносили на плечах и укладывали на нос лодки, а бочонки катили по доскам.

Море волновалось все больше и больше. Накатывали громадные волны и разбивались о берег. Каждый раз, начиная погрузку, ребята крепили лодку к якорю, но волны все равно швыряли ее из стороны в сторону. С палубы «Шиэруотера» Лес что-то кричал ребятам, но ветер относил его слова в сторону, да и команда была слишком занята, пытаясь удержать лодку на плаву, чтобы прислушиваться к ним. Они собирались уже отчалить. Тут Алек перенес меня в лодку против моего желания.

— Нечего спорить, — отрезал он. — Мы и так вымотались с этой лодкой, а тут еще ты со своими капризами.

Я позволила им действовать по их усмотрению, села в лодку, закрыла камеру, надела на нее водонепроницаемый футляр, а кассету с пленкой, которую отсняла

еще днем, положила на сиденье. Там я ее и видела в последний раз.

Только мы отчалили, как сначала одна, а за ней и другая волна обрушились на лодку. Пит, стараясь уберечь мотор от воды, прикрыл его своим телом, но волна медленно и тяжело прошла над ним и над мотором. Мотор мгновенно заглох, лодка легла бортом на воду, и волны захлестнули ее. Вода доходила до икр, а потом хлынула как водопад. Намокшие мешки с перьями тянули нос лодки вниз. Пит стал быстро сбрасывать их за борт, но было уже поздно.

— Хватайся за мешок и держись, — успел крикнуть он, и лодка пошла ко дну.

Я болталась на мешке, как на надувном матрасе. Ноэль Мейнард увидел, что произошло, добрался до нас и ухватился за камеру и угол мешка. Мы были недалеко от берега, но я крепко вцепилась в его густые курчавые волосы, пока он плыл. Сделав несколько гребков, он сказал, чтобы я забиралась к нему на плечи, и тут я увидела, что он уже шагает по шею в воде. Он опустил меня на песок. Таким образом, я снова оказалась на берегу.

— Бейбел достаточно посмотрелся на тебя, — сказал Ноэль. — Теперь ты посмотри на него, Пэт.

— Разумеется, посмотрю, — сказала я.

Кое-как выбрались и ребята. Они лежали на песке, сплевывая воду. Когда Алек отдышался, он снова поплыл к затонувшей лодке. Он плавал по-собачьи и не очень уверенно держался на воде. Было любопытно, ради чего он рисковал второй раз, кинувшись к лодке. Он вернулся со старым кожаным жакетом, закатанным в рулон, и в изнеможении бросился на песок.

Все чувствовали озноб и никак не могли прийти в себя после шока. Сначала мы слегка дрожали, но вскоре нас всех стала бить дрожь. Я отрешенно сидела на песке и сильно дрожала, не замечая, что и остальные находятся в таком же состоянии.

Внезапно Алек схватил меня за плечо.

— Бежим, — пробормотал он сквозь зубы. — Бежим!

Все уже бегали вокруг скалы, догоняя друг друга. До меня с трудом дошло, что если я побегу за ними, то согреюсь. Однако со стороны они выглядели довольно смешно и глупо. Я чувствовала огромную усталость, но другого выхода не было. Алек схватил меня за руку

и потащил за собой. Мы бегали вдоль берега и даже играли в салочки.

Мы выбились из сил, и тут вдруг из-за скалы показалась детская головка, и звонкий голос спросил:

— Что вы тут делаете?

Мы остановились и расхохотались.

— Играем в салочки! — объяснили мы малышу.

Ребенка к нам послала его мать. Она приглашала нас посушиться у костра.

Алек предусмотрительно прихватил с собой скатанный кожаный жакет. Охотничья хижина, куда мы пришли, принадлежала родителям юного Клода Мэнселла. Мать и отец, безногий ветеран первой мировой войны, старались сделать для нас все возможное. Мы сбросили промокшую одежду и переоделись в то, что нам предложил гостеприимный Мэнселл. В его длинной фланелевой рубашке я выглядела, пожалуй, даже модно. Алек остался в трусах, Пит напялил что-то вроде белой ночной рубашки, а Билли не захотел переодеваться. Он стоял у большого костра, и от него валил пар. Мы прогрели и внутренности, потому что в кожаный жакет Алека была закатана большая бутылка дешевого вина.

На острова, где гнездятся птицы, запрещено привозить спиртное, так что действия Алека можно было рассматривать как контрабандистские, но, выпив несколько больших чашек вина, я одобрила его поступок. Мы с удовольствием грелись возле костра. Вдруг вошел малыш и сказал, что за нами идет капитан.

Это известие мгновенно испортило веселье.

Лес оставался один на «Шиэруотере». В подозрную трубу он видел все, что с нами произошло, но ничем не мог помочь, так как у него на борту не было лодки. Позже Рей Фрэнд подошел на «Фэр Венчэре» и одолжил Лесу маленькую шлюпку. Прилив уже кончился. Наша лодка лежала неглубоко под водой, однако из-за больших волн Лес не сумел на шлюпке добраться до нее. Тогда Рей на своем судне подошел как можно ближе к берегу, Лес принял от него канат, Алек по-собачьи еще раз подплыл к лодке, привязал к ней канат, и таким образом ее удалось вытащить.

Пока я сидела на берегу, меня снова стало трясти. Я переделась в свою одежду, но она не совсем еще высохла и была жесткой от морской соли. Стоило ли

меня переносить на руках в мокрой одежде в лодку! Впрочем, особой разницы не было, так как Пит всегда умудрялся обмакнуть меня.

Другие переносили меня в лодку на вытянутых руках, чтобы в случае большой волны поднять повыше. Так делали другие, только не Пит. Обычно он нес меня на плече, словно мешок с картофелем, держа за лодыжку, или тащил, перекинув через плечо так, что моя голова почти всегда была под водой. Иногда он сажал меня к себе на плечи, и тогда в воде оказывались мои ноги.

Мы должны были переправить бочонки и людей. Из лодки вычерпали воду, и она снова оказалась на плаву, привязанная к борту судна, громоздкая и без мотора.

Ребятам было не по себе, что они утопили лодку, и они строили самые невероятные планы, в том числе и довольно приемлемые, как выловить груз. Так, они намеревались привязать бочонки к веревкам, укрепленным на канате, который можно подтянуть к кораблю, и с помощью лебедки втащить их на борт, как гигантский шнур с ракетами для фейерверка.

Капитан этот план отверг.

— И Джафет, и Робен, и Морган, да и все остальные вряд ли будут выглядеть блестяще, если мы станем вытаскивать их из воды подобным образом,— сказал он.

Через Рея Фрэнда он передал по радио на остров просьбу помочь капитану судна «Маргарет Туэйтс», который должен был туда зайти. На следующий день к тому времени, когда судно «Маргарет Туэйтс» подошло к нам, мы уже успели перевезти весь груз с острова на судно, действуя по плану Леса, который обмозговал его до рассвета.

День выдался славный. Море было спокойно. Шторм утих. Мы вывели «Шиэруотер» в узкий пролив Биг-Галч. По пути мы часто забрасывали с лодки сети. Нам всегда казалось, что пролив такой узкий, что трудно будет пройти между скалами и рифами. Ребята не верили, что «Шиэруотеру» удастся это сделать, тем более без осложнений.

Однако Лесу это удалось легко и без лишней суеты. На скалу взобрались мужчины, женщины и дети со всего острова, чтобы посмотреть на маневры Леса.

Нас волновало, что судно было почти зажато в проливе: до нас суда таких размеров здесь не проходили.

Если послушать Честного Тома, то все происходило совсем иначе. Выходило так, будто Лес приказал ему заняться тросами, а двоим ребятам стоять на скалах и наблюдать, чтобы тросы, соединяющие судно с берегом, натягивались как надо.

— Но почему я?— запричитал Том. — Почему именно я?

Мы боком шли по проливу, едва не задевая скалы. И тут вдруг Лес приказал, чтобы Том «взял на себя». Том немедленно запутался ногами в тросе, но Лесу это не было видно, и он отозвался:

— Отлично.

Когда Том выпутался из троса, трос ослаб, и Алек, стоящий на берегу, вдруг почувствовал, что его трос тоже ослаб и ускользает. Он завопил, потом взглянул на судно и, увидев, что это натворил не кто иной, как Том, закричал:

— Я тебе нос разобью!

На Тома эти слова произвели такое гнетущее впечатление, что он моментально натянул трос, и Алек, держащий его за другой конец, чуть не слетел в воду.

— Черт побери! Вот доберусь до судна, тогда сыграю с тобой шутку, — крикнул Алек.

— Незачем было заставлять меня это делать, — причитал Том. — Я не моряк, — и крикнул громко: — Валлаби, я не моряк!

— Не время шутить, — ответил Валлаби.

Самым большим ударом для Честного Тома было указание Валлаби закрепить конец троса.

— И сделай это лучше, а то мы врежемся в скалы, — приказал Валлаби.

Это и так было яснее ясного. Ребята с обеих сторон натянули трос, чтобы судно не отклонилось ни в одну, ни в другую сторону. Том схватил конец троса, вздохнул и начал искать, к чему бы его привязать. Но трос был толстым, едва сгибался.

А тут еще все кричали на Тома. Судно несло в сторону, потому что один конец троса не был закреплен, именно тот, который был в руках Тома.

— Весьма неприятная работенка, — сказал он, держа в руках трос, словно сборник гимнов.

— Что с этим делают? — умоляюще спросил он.

— Делают петлю и набрасывают на тумбу!

Он попытался изобразить петлю, но стоило только парню на берегу натянуть трос, как петля развязалась. Было всего два способа завязать трос вокруг тумбы, но Том выбрал тот, который не годился.

— А теперь что делать? — спрашивал Том.

— Встань на него, — был ответ.

Когда наступило время обеда, собрались все, кроме Тома. Он все еще стоял на тросе, наброшенном на тумбу. Лес посмеивался над ним, заверив, что уже можно с него сойти. Том сделал шаг в сторону, трос отскочил, Лес едва успел его поймать.

— Это самый неприятный момент, который мне пришлось испытать, — сказал Том за обедом. Он был настолько удручен, что ничего не стал есть, кроме картофельного пюре.

С помощью канатов на борт подняли бочонки. Вся операция прошла без запинки. «Маргарет Туэйтс» подошла на помощь, когда мы еще стояли в проливе. Оказалось, что капитан не совсем правильно понял наше сообщение. Он решил, что в телеграмме что-то напутано и затонула не лодка, а «Шиэруотер».

В этих местах моряки редко выражают свои чувства открыто, поэтому, должно быть, Валлаби было особенно приятно услышать жидкие аплодисменты с «Маргарет Туэйтс», когда вечером ему удалось вывести свое судно из узкого пролива.

На следующий день Лес приказал соорудить плот из сорока пустых четырехгаллоновых баллонов, связав их вместе, и переправил таким образом «виллис» отца на «Маргарет Туэйтс». С «Маргарет Туэйтс» мы взяли лодку, и она, словно челнок, сновала между двумя судами, перевозя охотников и их снаряжение.

День стоял чудесный, солнечный. Сезон охоты окончился, и у всех было отличное настроение: денежные расчеты с командой завершены.

На борту «Шиэруотера» два охотника взяли гитары и стали петь. Честный Том и я выступили дуэтом:

Прекрасный, прекрасный Бейбел!
Прекрасный, чудесный Бей-эй-бел!
Прекрасный, чудесный Бейбел!
Увидим ли вновь тебя?

Кто-то стащил у меня новенькую эмалированную кастрюльку, за которую Честный Том взял с меня пять

фунтов и шесть шиллингов, когда выступал в роли торговца, кроме того, исчезли остатки шоколада. Однако стоило ли забивать себе голову пустяками в такой день? Отец капитана, старый Фрэнк Джексон, довольный и счастливый прибыл на судно. Сезон охоты прошел хорошо, и теперь он собирался вернуться на свою ферму.

Лес и вся команда расшалились, как школьники, и я старалась держаться от них подальше, потому что, кто знает, что они могли выкинуть в любой момент. Так, они отправили жену Фрэнка Дженни на борт «Маргарет Туйэтс», а его бывшую жену Мэй забрали на «Шиэруотер», где находился он сам, вместо того чтобы сделать наоборот. Естественно, Дженни это не понравилось, и они с готовностью произвели обмен. Ребята отделяли матерей от дочерей, если те, по их мнению, были достаточно взрослыми! Как-то Джафет обругал нас за то, что мы плохо отнеслись к нему во время предыдущего рейса. За эти слова ребята не хотели теперь брать его на борт. Они оставили его одного на острове и подняли якорь. Корабль уже отходил, когда они все-таки послали за ним лодку...

Я покидала Фюрно.

— Ты еще вернешься сюда, — предсказывал мне старый Аки Мэнселл. — От этого не уйдешь. Бейбел снова позовет тебя. Если Каббошина упустила тебя в первый раз, у нее есть еще две попытки из трех. Она пыталась поймать тебя дважды, Пэт. Она заманит тебя снова. Помни мои слова.

Я запомнила слова Аки, потому что хотела снова вернуться на острова. Почему бы и не стать суеверной, если это может помочь?

Жизнь — это движение. Если оно прекращается, наступает смерть. В мире все подвержено изменениям: и птицы, и люди, и скалы.

То же происходит и с островами Фюрно. Их население, история которого насчитывает всего полтора столетия, меняется и вливается в общий австралийский поток. Птицы, которые были частью этой истории, кажется, не изменились, хотя общий процесс эволюции затронет и их.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Н. Н. Дроздов, И. А. Лебедев. Предисловие	3
Земля «лунных птиц»	6
Глава I. Во-первых, держи сковородку!	10
Глава II. Хороший корабль не тонет	39
Глава III. Стрейтсмены	48
Глава IV. И швец, и жнец, и на дуде игрец	61
Глава V. Два мира	66
Глава VI. «Черные тигры»	75
Глава VII. Грабители захоронений	87
Глава VIII. «Летающая овца»	92
Глава IX. Словно великий актер	103
Глава X. Прекрасное зло	111
Глава XI. «Хрюкающая птица»	127
Глава XII. Десять тысяч предков	139
Глава XIII. Лучше всех запахов запах корабля	146
Глава XIV. Море влечет всегда	152

Пэтси Адам-Смит

ОХОТНИКИ НА ЛУННЫХ ПТИЦ

Утверждено к печати Редакцией серии «Рассказы о странах Востока»

Редактор Э. О. Секар. Младший редактор М. С. Грикурова. Художник Л. С. Эрман. Художественный редактор Э. Л. Эрман. Технический редактор В. П. Стуковнина. Корректоры Л. М. Кольцина и В. М. Кочеткова

ИБ № 14755

Сдано в набор 03.08.82. Подписано к печати 11.11.82. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. п. л. 9,66. Усл. кр.-отт. 9,98. Уч.-изд. л. 9,96. Тираж 30 000 экз. Изд. № 5125. Зак. № 501. Цена 1 р.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва К-45, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства «Наука». Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

70

1 p

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT

PHYSICS 311

LECTURE 10

STATISTICAL MECHANICS

ENTROPY

AND THE SECOND LAW

OF THERMODYNAMICS

PROFESSOR JOHN MITCHELL

SPRING 2011

LECTURE 10

STATISTICAL MECHANICS

ENTROPY

AND THE SECOND LAW

OF THERMODYNAMICS

PROFESSOR JOHN MITCHELL

SPRING 2011